

Дожить до любви

Ангелина Котлярова
Владимир Турбин

Аннотация

Она — сильная, умная и красивая женщина. Женщина, которая привыкла самостоятельно добиваться абсолютно всего — денег, положения в обществе, власти. Женщина, которая всегда идет до конца несмотря ни на что. И ей всегда сопутствует удача и успех во всем, за что бы она не взялась. Но сумеет ли она стать счастливой? Ведь настоящая любовь не имеет ничего общего с успехом и существует совсем по другим законам. А гремучая смесь красоты и ума обычно пугает мужчин. Тем более, ее муж вовсе не избранник ее сердца, она выходит за него замуж потому что об этом просил его отец. Да и она сама хочет попробовать, что у нее получится из этой авантюры...

Людмила Котлярова, Владимир Гурвич Дожить до любви

Часть 1

Глава 1

1

Конференц-зал международного Олимпийского комитета был забит до отказа. Еще бы, сейчас должны были объявить, на какой город пал выбор чиновников МОКа для проведения зимних Олимпийских игр. Несколько лет изнурительного марафона претендентов на это звание должно было вот-вот завершиться. Только победитель всего один, а остальным придется уйти не солоно хлебавши. А ведь столько было затрачено усилий, столько истрачено денег...

И вот этот торжественный момент, наконец, настал. На сцене появились несколько человек, они заняли приготовленные для них места. Ведущий церемонии подошел к микрофону.

— Дамы и господа! Мы приступаем к торжественной церемонии объявления города,

который выбран в качестве кандидата на проведение зимних Олимпийских игр. Слово для оглашения решения Международного Олимпийского комитета предоставляется его президенту.

Мужчина, чье лицо известно во всех странах мира, сменил ведущего у микрофона.

— Дамы и господа! Я рад приветствовать всех, кто здесь собрался. Президиуму Международного Олимпийского комитета было предложено десять кандидатур на проведение очередных Олимпийских игр. Были тщательным образом изучены все. Заверяю вас, то был абсолютно беспристрастный и объективный анализ. Члены президиума за это время сумели неоднократно побывать в каждом городе. После тщательного изучения вопроса на финишную прямую вышли четыре самых достойных претендента. И вот сегодня настал тот момент, когда мы готовы объявить, кто же является победителем. Дама и господа! Прошу вашего внимания. Сейчас я объявлю город, в котором будут проведены зимние Олимпийские игры. В качестве него выбран город Дивноморск, Россия. Мы поздравляем делегацию Дивноморска.

Последние слова президента буквально потонули в шквале аплодисментов и громких криков. Члены делегации Дивноморска на глазах у

всех присутствующих бросились в объятия друг друга.

2

Яхонтов сидел за столом и читал газету. Он думал о том, что, кажется, стареет, если пропускает подобные дела. Как он мог упустить такое событие, город Дивноморск провозглашен столицей Олимпийских игр, а до него только сейчас дошло, какой гигантский ажиотаж это породит. И в первую очередь в гостиничном бизнесе. Правда, в качестве слабого оправдания можно сказать себе, что почти никто не верил, что этот зачуханный приморский поселок неожиданно победит в той гонке, в которой участвовали такие известные бегуны. Но он не должен был упускать, в том числе, и такую возможность и принять заранее меры. А теперь придется догонять тех, кто вырвался вперед. А трудно предположить, что его конкуренты не воспользуются допущенным им промахом. Яхонтов встал из-за стола и прошелся по кабинету. Давно у него не было такого плохого настроения.

Но не столько из-за того, что он совершил такой серьезный промах, гораздо сильнее его беспокоила другая проблема. После того, как он месяц назад посетил врача, одна и та же мысль упрямо вращалась в его голове. Что дальше будет с

его компанией, с делом, в которое он вложил столько сил? Он заставил доктора, несмотря на нежелание того, сказать ему всю правду. А правда, оказалась весьма печальной, его сердце требовало серьезного капитального ремонта. Иначе, могло в любой момент сломаться. Да и капитальный ремонт на самом деле вовсе не гарантировал того, что механизм полностью восстановится. А чему тут удивляться: все последние годы его жизнь представляла собой сплошную нервотрепку, стрессы. Один только сын чего стоил. Но о Виталии ему даже не хотелось сейчас думать, он мог предположить все, но только не то, что у него будет такой сын. Он сократил ему жизнь не меньше, чем на целое десятилетие. Он, Яхонтов, почти уверен, что веди себя Виталий иначе, его здоровье было бы значительно крепче.

Яхонтов снова сел в кресло, и глаза его машинально заскользили по строчкам. Он должен как-то на все это реагировать. Дивноморск — столица Олимпийских игр, кто бы мог такое вообразить еще совсем недавно. Он припомнил этот город, в котором бывал всего несколько раз. Да его надо чуть ли не целиком перестраивать, дел там непочатый край. Легко представить, какая борьба развернется за подряды. Впрочем, ему не привыкать, когда-то такие схватки доставляли ему немалое удовольствие. Тот, кто полагает, что в

бизнесе главный результат — это заработанные деньги — ничего в нем не смыслит. В бизнесе главное — это одержанная победа над соперниками, ему она доставляет самое большое удовлетворение.

Ладно, пока есть силы пора ввязываться в очередной бой. Несколько дней назад он дал задание своему заместителю провести разведку того, что творится в Дивноморске, собрать необходимые сведения. И странно, что он еще ему ничего не доложил. Обычно это на него не похоже. Пора послушать его. Яхонтов надавил на кнопку селектора.

— Катенька, — сказал он секретарше, — где у нас Владимир Александрович?

— У себя в кабинете.

— Тогда попроси его зайти ко мне прямо сейчас.

— Хорошо, Юрий Петрович.

Ярцев появился в его кабинете через несколько минут. Как всегда, элегантный, в супердорогом костюме. Сразу видно: любимец женщин.

Яхонтов внимательно наблюдал за тем, как Ярцев удобно устраивается в кресле. Они работали вместе много лет и у него не было оснований ему не доверять. И все-же по-настоящему близкими людьми они так и не стали. С точки зрения

Яхонтова, его вице-президент был излишне самоуверен и честолюбив, он был из тех эгоистов, которые во всех ситуациях свои интересы ставили выше всех остальных. И это всегда настораживало Яхонтова, заставляло быть сдержанным по отношению к нему даже несмотря на то, что он был отличным работником. И пользу компании приносил немалую. Тут уж из песни слов не выкинешь.

— Рассказывай, что у тебя по делу? — спросил Яхонтов, когда Ярцев занял свою любимую позу, положив ногу на ногу.

— Это место вскоре станет золотым дном. И тот, кто первый его приберет к рукам, снимет главный куш, ответил Ярцев.

— Это я и без тебя понимаю. Ты говори по — делу: какие проблемы? — Проблемы две: одна серьезная, другая пустяковая.

— Начинай с серьезной, — предложил Яхонтов.

— Серьезная — это Чернов, — сказал Ярцев.

— Так я и предполагал, — вздохнул Яхонтов. — Опять он встает на моем пути. Значит, и на этот раз тоже решил двинуться туда. Ладно, это мы обсудим чуть позже. Теперь давай свою несерьезную проблему.

— В Дивноморске есть замечательное место, где можно поставить замечательный отель. Но там

уже есть отель. Вернее, не отель, а так, отельчик, всего два этажа.

— И откуда он там появился?

— Построила его какая-то местная дама, зовут ее Александра Векшина. Мы сейчас начали работать по ней. Но, думаю, с ней проблем не будет, дадим денег и попросим убраться восвояси.

— А ты уверен, что она их возьмет? Ярцев пренебрежительно пожал плечами.

— Да куда же она денется, как только услышит, кто претендует на это место, сразу смекнет, что к чему. Будет рада по самую макушку.

— Хорошо, если так. Значит, говоришь, ее зовут Александра Векшина. — Юрий Петрович, забудьте ее имя, этот вопрос мы решим без всяких помех.

— Буду надеется на тебя. Но очень прошу, держи меня в курсе дела. Не могу отделаться от ощущения, что мы еще нахлебаемся с этим благословенным Дивноморском.

— Не беспокойтесь, такие дела проворачивали.

— Как знать. Ну ладно, иди.

Ярцев встал и уверенной походкой вышел из кабинета. Яхонтов достал из стола таблетку, налил в стакан воды и проглотил лекарство. Он и сам не понимал, почему его не отпускает такая сильная тревога. Хоть отказывайся от этого дела.

Каждый день для Чернова начинался с купания. Этой привычке он не изменял даже в плохую погоду. Тем более бассейн был с подогревом, и вода в нем всегда была теплой. Ему безумно нравились все части этого ритуала: от входа в воду до выхода из нее и облачение в белый махровый халат и принятие чарки, принесенной ему на серебряном подносе. Эту сцену давно он однажды видел в каком-то голливудском фильме, где так себя вел некий крутой мафиози. И Чернов обещал тогда себе, что однажды и он будет жить точно так же. И ведь живет же!

Правда, каким образом он добился всех этих благ, Чернов не только старался не распространяться, но и лишний раз думать на эту тему. Теперь перед ним маячили совсем другие цели. Когда тебе под сорок, пора остепеняться и постепенно отказываться от некоторых старых, хотя и очень даже полезных привычек. Да только как от них отказываться, подумал он, заметив приближавшегося к бассейну Наумова.

Почему-то у него слегка испортилось настроение. Он вышел из бассейна. К нему подскочил телохранитель с подносом в руках. Но Чернов покачал головой, пить ему расхотелось.

Вместо этого он сел в кресло, вытянул вперед ноги и стал смотреть, как приближается Наумов.

Наумов остановился на расстоянии, тем самым как бы подчеркивая свое уважение к шефу. Но Чернов знал, что дело совсем в другом, просто он очень осторожен и всегда ждет подвоха. Впрочем, с таким тюремным прошлым, как у него, это вполне естественно.

— Ты вернулся? Ну, чего там, рассказывай.

— Пока ты тут купаешься и загораешь, другие дела делают. Если будем двигаться быстро, можно сорвать хороший куш. Я все разузнал, — горячо заговорил Наумов.

— И чего ты такого разузнал? — нарочито безразлично спросил Чернов. На самом деле, он весь напрягся.

— Я тебе сразу говорил, что дело стоящее, бабок можно наварить целую кастрюлю. В этот городишко теперь попрут люди со всего мира. А чем больше людей, тем больше денег.

— Без тебя соображаю. Ты давай говори по делу.

— А дело простое, нужно ставить там гостиницу. И место Господь Бог прямо специально для этого приготовил, бухточка на загляденье.

— Что надо сделать, чтобы эта бухточка наша была? Кому отстегнуть?

— Кому отстегнуть, известно. Пока ты тут

валяешься, я провел кое-какие переговоры. Глава местной администрации хоть сейчас готов оформить для нас все необходимые документы.

— И какова цена вопроса?

— Да, сушие пустяки, считай, что бесплатно место досталось. Там народ еще дикий, сначала вообще ничего не хотел, а потом всего десяточку запросил.

— Ну, так дай — и весь разговор.

— Дать не сложно, вот только есть одна загвоздочка. У этого славного местечка уже есть хозяин. А там есть гостиница. Вернее, не гостиница, а так скорее постоялый двор. Я ненароком заглядывал туда, совсем маленькое заведение.

— Так договорись с этим мужиком. Дай и ему на лапу.

— Да не мужик, а баба.

— Так еще легче.

— Это как посмотреть. Я, прежде чем соваться, кое-какие справочки навел про эту бабу.

— И чего разузнал?

— Не такая уж она простая эта баба, начала все с нуля. Там до нее на этом месте один репейник рос. А теперь все благоухает, как в парфюмерной лавке. Все уверяют в один голос, что с ней трудно договариваться. Очень неуступчивая.

Чернов задумчиво посмотрел на Наумова:

правду говорит не врет, цену себе набивая? Ладно, посмотрим, что дальше будет.

— А ты попробуй. Для чего я тебе такие бабки плачу. Дай столько, сколько она не сумеет не взять. Тебе ли не знать, что у каждого человека есть своя стоимость.

— А если у нее нет такой стоимости? — возразил Наумов.

— Ты что вчера в первый класс пошел? Если такое вдруг чудо случится, значит, надо применять другие методы. Не знаешь, как бабу припугнуть, чтобы она все отдала, включая трусы? Еще есть вопросы?

Наумов многозначительно посмотрел на Чернова.

— Ходят слухи, что старик тоже интересуется этим местом.

— Ты об Яхонтове?

— О ком же еще.

— Вот видишь, значит, надо действовать быстро. Сам знаешь, если старик за что-то берется, он вцепляется в это дело, как бульдог. А на этот раз мы непременно его должны обойти на повороте. Помнишь, как он нас отпихнул совсем недавно. Я этого не забыл. Теперь для меня вытеснить его в этом деле вопрос чести. Так что не жалея усилий. Должен принести мне это место на блюдечке с голубой каемочкой. Ясно?

— Ясно, шеф.

— Раз ясно, иди и действуй.

Чернов ощутил вдруг прилив бодрости. Он так давно ждал этого случая — за все поквитаться с Яхонтовым. И если он упустит его и на этот раз, то никогда себе этого не простит.

4

Векшина посмотрела на часы. До конца рабочего дня оставалось полчаса. Она вздохнула, ясно осознавая тот факт, что не уйдет домой ни через полчаса, ни через час, ни через два. Векшина с неприязнью покосилась на телефон. Она вдруг поймала себя на мысли, что за сегодняшний день ей несколько раз хотелось его разбить. Бросить об стенку так, чтоб он разлетелся на мелкие кусочки. Перед ее глазами тут же ожила картина, как она с наслаждением учиняет расправу над ни чем не повинным телефонным аппаратом, а потом ползает на коленях, уничтожая следы вандализма. Б-р-р, она передернула плечами. И что за глупости лезут ей сегодня в голову. Хорошо, что никто другой не может прочесть ее мысли.

Она-то знала, откуда возникают эти странные желания. Определенно это результат переутомления. После того, как стало известно, что в Дивноморске будут проходить зимние

Олимпийские игры, интерес всего мира к этому, еще вчера почти никому не известному городку, возрос феноменально. Многие уже сегодня захотели оказаться в Дивноморске. А единственной приличной гостиницей, способной вместить большое количество постояльцев был отель «Голубая лагуна», хозяйкой которого она и являлась.

На столе надрывно зазвонил телефон. Векшина потянулась к трубке и, стараясь придать голосу оттенок мягкой доброжелательности, произнесла слова, набившие за весь день оскомину:

— Отель «Голубая лагуна». Здравствуйте.

— Здравствуйте, — человек на том конце провода просто захлебывался от восторга. Явно выраженный акцент его обладателя выдавал в нем мужчину жгучих кавказских кровей.

— Наконец-то, дарагая, я дозвонился до тебя! Почему у тебя все время занято?

Потому что вы не единственный, желающий дозвониться до нашего отеля.

— Канечна, извини, я понимаю, все хотят своими глазами увидеть ваш замечательный город. Особенно теперь, кагда у вас будет проводится Олимпиада.

— До Олимпиады еще далеко. А что вы хотите в данный момент? Из опыта общения с клиентами Векшина уже понимала, что данные

переговоры, кроме пустой траты времени, ничего не принесет. Но чувство выработанного профессионализма, не позволяло ей оборвать любой разговор на полуслове, каким бы бесполезным и бесперспективным он ей ни казался.

— Дарагая, я все знаю. Я приеду и сейчас и потом. А сейчас мне нужен двухместный номер класса люкс на одного человека.

— Сожалею, но ничем не могу вам помочь. Слишком большой наплыв постояльцев. Мы не можем селить в двухместный номер одного человека.

— Вай, куда же я дену тогда своего Гоги, — похоже, ответ Векшиной явно расстроил мужчину.

— Так вас двое или вы один? Векшина явно недоумевала.

— Одын, я, милая. Совсем одын. А Гоги это мой любимый собачка. Он простор любит, понимаешь?

— Понимаю. Только двухместные номера сейчас все заняты. Позвоните через две недели. Возможно, какой-нибудь из них освободится.

— Харашо. Я обязательно еще позваню. Да свиданья, дарагая.

Векшина положила трубку на рычаг и устало откинулась на спинку стула. Она попыталась вспомнить, сколько раз за день ей пришлось вести телефонные разговоры, не приводящие ни к какому

результату. Они отвлекали ее от прямых обязанностей. Ведь отвечать на телефонные звонки было делом ее секретарши. Но та ушла в отпуск. Кто же мог предполагать, что объявление их городка местом для проведения Олимпиады так всколыхнет весь мир, что все непременно захотят приехать в Дивноморск, не дожидаясь собственно самой Олимпиады. В таких условиях Векшина в одиночку явно не справлялась с потоком дел, которые вдруг неожиданно возникли.

Размышления над сложившейся ситуацией настолько захватили Векшину, что она не услышала, как дверь ее кабинета распахнулась, и на пороге возник Кравцов.

Кравцов Павел Сергеевич — начальник местной милиции и близкий друг Векшиной, был единственным из всех, кто мог позволить заявиться в кабинет Векшиной без предварительной договоренности. Она не любила, когда кто-нибудь неожиданно, без всяких на то причин, нарушал ее напряженный рабочий ритм. Кравцов это прекрасно знал и не использовал имеющиеся у него привилегии без уважительных обстоятельств.

Сегодня же причина для несанкционированного вторжения в кабинет своей возлюбленной была очень даже серьезной. Сегодня был их с Сашкой совместный праздник. Год назад начался их роман, от которого у Кравцова

буквально сносило крышу. Раньше, до знакомства с Векшиной, он всегда придерживался мнения, что год близости с женщиной это солидный срок, за который их чувства не то что бы ослабевают, но неизбежно теряют остроту и свежесть восприятия. На этот раз все было совершенно иначе. Вопреки ожиданиям, его чувства к Векшиной не только не утратили своей новизны, но еще более обострились, чем в первые дни их знакомства. Он пытался найти этому какое-то объяснение и ничего не придумал лучше, чем обвинить в этом Векшину. Если, конечно, слово обвинить уместно в данном случае. Но, тем не менее, Кравцову иногда становилось очень обидно, когда в ответ на свою пылкость, он получал только холодную учтивость. Векшина будто специально держала с ним дистанцию, не отталкивая его окончательно, но и не очень сильно сближаясь с ним. Нет, физически они были близки, и тут у Кравцова не могло быть каких-либо претензий. Ее тело всегда отзывалось на его горячие ласки. Но вот душа этой женщины оставалась в его присутствии всегда какой-то отстраненной и углубленной в самое себя. Кравцову же, предлагавшего себя без остатка любимой женщине не только телом, но и всеми силами своей бесхитростной души, такая отрешенность иногда казалась оскорбительной. Вот и сейчас, спеша к любимой с огромным букетом

цветов, он вовсе не был уверен в том, что она помнит об их сегодняшней дате.

Войдя в кабинет, Кравцов увидел Векшину, откинувшуюся на спинку кресла, с прикрытыми глазами. Казалось, она спала. Неожиданно зазвенел телефон и Кравцов кинулся к трубке, чтобы успеть прервать звонок, который мог напугать заснувшую Александру. Кравцов схватил трубку и тут же кинул ее на рычаг.

Векшина открыла глаза.

— Это еще, что за выходки. Что ты себе позволяешь? — В ее голосе он уловил нотки неудовольствия.

— Я приехал с тобой поздороваться. Здравствуй, — Кравцов нежно прикоснулся губами к щеке Векшиной и протянул ей цветы.

— Спасибо. По какому поводу цветы?

— Сегодня же наш день. Ты что забыла? — протянул Кравцов обиженно.

— Ой, извини. Но я и правда забыла. Я так сегодня устала, ты не представляешь.

— Отчего же. Очень даже представляю. — Кравцов бросил взгляд на часы. Если учесть, что твой рабочий день длится уже двенадцать часов, ты скоро забудешь название своего отеля.

— Забудешь тут. Я сегодня по телефону весь день твержу, как попугай: Отель «Голубая лагуна». Здравствуйте.

— Теперь понятно, почему до тебя невозможно дозвониться. Кто же так тебя сегодня на части рвет? — усмехнулся Кравцов.

— Весь мир сошел с ума. Все хотят уже сегодня быть в Дивноморске. Кто бы мог подумать, что решение о проведении в нашем городе Олимпиады вызовет такой ажиотаж, — явно недоумевая, проговорила Векшина.

— А что ты хочешь. Многие люди хотят всегда находиться в центре самых горячих событий.

— Но ведь до самого события еще далеко, — горячилась Векшина.

— Все равно. Многие хотят быть даже не у начала события, а у его истоков.

— Да, но я никак не рассчитывала на подобный поворот событий. Ты же знаешь, что я запланировала реконструкцию отеля, распустила весь персонал. Теперь придется это отложить до лучших времен, — в голосе Векшиной слышались нотки едва уловимого раздражения.

Кравцов сразу же догадался, чем это грозит, но, тем не менее, спросил:

— А как же наша поездка в честь годовщины нашего знакомства?

— Ее тоже придется отложить. Нужно срочно собрать персонал отеля, все подготовить к приезду гостей. Первые постояльцы появятся здесь уже через несколько дней. Так что у меня море работы.

Боюсь, что в ближайшие несколько дней я буду работать не только днем, но и ночью.

Слова Векшиной прозвучали, как приговор. Кравцов понял, что ни какая совместная поездка в ближайшее время им не светит.

5

Виталий проснулся от сильной жажды. В горле пересохло так, как будто он находился в безводной пустыне уже несколько дней. Он чертыхнулся и сделал попытку приподняться на локтях, но из этой затеи ничего не вышло. Тело отказывалось повиноваться. Виталий бессильно откинулся на подушку и попытался сосредоточиться. Сознание медленно, как будто нехотя, начинало проясняться. Из его растревоженной мути начали выплывать картины вчерашнего вечера и прошедшей ночи. Сначала это были даже не картины, а так, всего лишь какие-то их обрывки или вообще карандашные наброски. Виталий напрягся и постарался всему этому мусору придать более менее завершённые детали. Постепенно, шаг за шагом, как ребенок, увлеченно собирающий узор из мозаики, он начал восстанавливать картину вчерашнего загула.

Сначала он заехал к Стасу, своему давнишнему приятелю, по пустяковому делу.

Помнится, они поболтали ни о чем. Потом Стасу позвонила какая-то его знакомая девушка и пригласила на день рождения подружки. Стас предложил Виталию присоединиться — и он не отказался. Как выяснилось позже, эта подружка оказалась очень даже ничего. Тощая и костлявая, такие всегда ему нравились, но около нее вертелся какой-то тип. Остальные девушки были не в его вкусе, и Виталию ничего не оставалось, как целенаправленно напиваться весь вечер. Выпили они изрядно, им показалось мало, и они сбегали еще. Потом, потом... нет, дальше Виталий ничего не мог вспомнить. Как же он оказался в своей постели? Неожиданно до его слуха донеслось чье-то прерывистое дыхание. Виталий протянул руку и нащупал рядом с собой женское тело. Он взгляделся в лицо спящей девушки, пытаясь понять, кто это с ним рядом. Нет, это определенно была не подружка. Тогда кто? Кажется, эта та линиялая блондинка, которая весь вечер строила ему глазки. Значит, ей все-таки удалось затащить его в постель. Черт! Виталий с раздражением отдернул руку и накрылся с головой одеялом. Через минуту он снова начал проваливаться в сон. Проснулся оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо.

— Просыпайся, соня, — потревоживший его голос, показался ему таким же непривлекательным, как и сама хозяйка.

Виталию хотелось притвориться спящим и не отвечать, но он все же выдавил из себя через силу.

— А? Зачем? Который час?

— Девять часов уже. Вставать пора, — проинформировала его девушка все тем же неприятным голосом.

— Шутишь. В такую рань, — пробормотал Виталий, не поднимая головы. Ему ужасно не хотелось смотреть на нее.

— Как хочешь, а мне уже пора, — она явно собиралась уйти.

— Ты, что уже уходишь? — обрадовался Виталий про себя.

— Ухожу.

— И тебе не стыдно? Оставляешь тут меня одного холодного, голодного. — В душе Виталий ликовал. Ему нравилась, что его ночная подружка оказалась такой неназойливой и вовремя решила удалиться.

— Насчет голодного спорить не буду. Но холодного... Я же тебя всю ночь согревала. Такой костер разожгла. Ты что не помнишь? Девушка прихорашивалась у зеркала, пытаясь с помощью пудры и помады придать себе товарный вид.

Виталий поморщился. Ему она совсем не нравилась, даже косметика не делала ее лучше.

— Разве забудешь такое. Это был не костер, а целый кострище. Я чуть не сторел в его огне, — от

радости, что она сейчас свалит, Виталий готов был подтвердить все, что угодно.

— То-то же. Запомнишь меня, — чувствовалось, что девушка осталась довольна словами Виталия. Ну, я пошла, милый. А ты тут остывай пока.

— А нежный поцелуй на прощание? — произнес Виталий и тут же осекся на полуслове. Эта дежурную фразу он всегда проговаривал автоматически, даже не задумываясь над ее смыслом. А вдруг она и вправду захочет меня поцеловать. От одной этой мысли у Виталия заныло в груди.

— Нет, ты мне всю красоту испортишь, — улыбнулась девушка свеженакрашенными губами.

— Тогда пока, детка, — вздохнул с облегчением Виталий, радуясь, что ему не придется расплачиваться за необдуманно произнесенные слова.

— Пока. Созвонимся еще?

— Созвонимся, — дождавшись, когда незваная гостя скроется в дверях, Виталий встал, закрыл за ней дверь и, чувствуя, что еще очень слаб, рухнул в кровать и моментально заснул.

Он спал, как убитый, пока его снова не потревожили. На этот раз это был телефонный звонок. Кому это не спится в такую рань? раздраженно подумал он. Виталий потянулся к

трубке, и, не открывая глаз, ответил:

— Слушаю вас. — На том конце провода он услышал знакомый голос.

— Привет. Это я. Как дела?

— Ой, Светуль, привет. Да, вот, сплю еще, — в голове Виталия сразу же прояснилось. Это была Света, Светулечка, Светик, как любил называть ее Виталий в порыве нежности. Их отношения длились уже долгое время. Почти два года. Солидный срок, с точки зрения Виталия, привыкшего менять подружек чуть ли не каждую неделю. Но Свету он не хотел терять. По крайней мере, пока. Она ему нравилась.

Высокая платиновая блондинка с миндалевидными зелеными глазами принадлежала не только ему одному. У нее был муж, какой-то военный, мелкий офицерский чин. Какой, Виталий даже не вдавался в подробности. Ему на это было глубоко наплевать. Главное, что он был, и это являлось основным его достоинством, поскольку именно это обстоятельство избавляло Виталия от всяких обязательств перед Светой. Ведь больше всего в жизни Виталий любил легкость и свободу. А женщины имели привычку ее ограничивать. Даже самую легкую и беззаботную связь они умудрялись испортить. Любая из них рано или поздно начинала предъявлять претензии. Но Виталий быстро нашел способ предотвратить эту напасть. Он не

задерживался ни с одной из них дольше, прежде чем они начинали чувствовать его своей собственностью. Другим проверенным средством от женской назойливости было их замужество. Желательно счастливое. Какое оно было у Светы, он не интересовался, но его устраивало то, что она за все время их отношений ни разу не высказала какого бы то ни было неудовольствия своим статус-кво. Вот и сейчас, судя по ее голосу, она очень хочет его видеть.

— И как тебе спится? — донесся до Виталия мелодичный голосок Светы.

— Отвратительно. Мне грустно и одиноко. Всю ночь проворочался в своей холостяцкой постели один, как перст. Ты меня совсем забыла, — произнес Виталий, не дрогнувшим голосом, дежурную ложь.

— Неправда. Я по тебе так соскучилась.

— Я тоже. Приехала бы, согрела меня. Помнишь, какой костер ты разожгла прошлый раз в моей постели. Я чуть было не сгорел в его огне, — Виталий воспроизвел утренний монолог, предназначавший для своей ночной гостьи почти дословно.

— Вот и хорошо, что не сгорел. А то бы мне одни угольки остались.

— Свет, но я уже остыл. Может, приедешь?

— Так вот я и звоню, что есть такая

возможность. Мой уехал в командировку на несколько дней. Так что я в полном твоём распоряжении.

— Отлично. Так, когда ты сможешь приехать? — Виталий мысленно взмолился, чтобы Света приехала ближе к вечеру. Чего бы там не было, но вчерашний крутой загул давал о себе знать.

— Да, хоть сейчас, если ты не против.

— Ты же знаешь, что я только за. Приезжай, сейчас же, — Виталий постарался изобразить нетерпение и, судя по тому, как обрадовалась Света, понял, что ему это удалось. Хотя, он с удовольствием бы отложил свидание. Тело его еще плохо слушалось, и голова раскалывалась на части. Но отказывать Свете ему не хотелось. Мало ли что ей взбредет на ум. Ведь они не виделись уже довольно долго. Пусть она думает, что все это время он просто сгорал от нетерпения увидеть ее.

— Хорошо. Примерно через час я буду у тебя.

— Ну, давай. Жду, — швырнув трубку, Виталий пошел в ванну. К приходу Светы надо было срочно привести себя в порядок.

6

Векшина постаралась, как можно удобней устроиться на жестком маленьком диванчике в

гостиной Кравцова, но это оказалось не так-то легко. Похоже, этот диван предназначался исключительно для того, чтобы на нем сидели. Да и то только два человека.

Векшина окинула взглядом комнату. Картина, открывшаяся ее взору не оставляла сомнений в том, что это логово холостяка. Павел как будто нарочно выпячивал эту особенность своего жилища. Нет, здесь не было грязно, нигде не было видно разбросанных вещей, но когда Кравцов привел Векшину сюда первый раз, ей сразу же бросился в глаза откровенно подчеркнутый минимализм обстановки. Диван, стол, два стула, телевизор — и все. Заглянув в спальню, Векшина обнаружила еще меньшее разнообразие. Все убранство комнаты составляли платяной шкаф да разборная тахта, которая теперь разбиралась исключительно по случаю прихода Векшиной. Все остальное время она была в собранном состоянии. Для Векшиной оставалось загадкой, как помещался на этой односпальной лежанке ее крепкий мускулистый хозяин. Когда Векшина спросила однажды об этом у самого Кравцова, то услышала в ответ, что для него гораздо важнее иметь вокруг себя, как можно больше свободного пространства, нежели разнообразие мебели. Выяснилось также, что он вообще долгое время спал на полу по случаю отсутствия кровати, как таковой. А тахту приобрел

после долгих уговоров его предыдущей подруги, которой не нравилось заниматься любовью в таких некомфортных условиях. Векшина, привыкшая ценить в окружающих ее вещах в первую очередь удобство и комфорт, была очень удивлена таким убежденным аскетизмом Кравцова. Но, в конце концов, решила — они свободные люди и каждый живет так, как считает нужным. Пусть ее друг был совсем не притязательным в быту, зато он отлично готовил. Вот и сейчас, пригласив Векшину в гости, он первым делом предложил ей отдохнуть, а сам занялся ужином. Векшина не возражала. Она чертовски уставала последнее время, да и что скрывать — готовить она не любила.

Из кухни повеяло чем-то вкусеньким. Несмотря на усталость, Векшина заставила себя подняться и пройти к месту приготовления пищи.

— Может тебе все-таки чем-нибудь помочь? — решила она спросить для приличия, в глубине души надеясь на то, что ее все же избавят от этой участи.

— Ни в коем случае, — решительно возразил Кравцов. — Ты сегодня моя гостья и я, как гостеприимный хозяин должен накормить тебя ужином.

— Вообще-то кормить ужином это традиционно женская обязанность. Тебя это не смущает? — ей вдруг захотелось узнать, как он

относится к женщинам, пренебрегающим общепринятым распределением ролей в обществе.

— В данный момент нет, — ответил Кравцов. Надеюсь, мы еще вспомним об этой замечательной традиции. Но сегодня будем ее нарушать. Ты ведь не против?

— Я только за, а если говорить честно, то я бы с удовольствием согласилась нарушать эту традицию, как можно чаще. — Почему-то именно сейчас ей захотелось раскрыть все свои карты.

— Ты не любишь готовить? — это признание оказалось для Кравцова неожиданным. Нельзя сказать, чтобы он и раньше не замечал этого ее нежелания. Оно давно уже бросилось ему в глаза, но до их пор списывал это на постоянную усталость и нехватку времени.

— Стыдно в этом признаться, но это так, — подтвердила Векшина его догадку. На самом деле она вовсе не стыдилась этого. Но сейчас, перехватив в его взгляде ничем неприкрытое разочарование, постаралась смягчить действие своих слов мнимой стыдливостью.

— Ты просто слишком много работаешь, — Кравцов поставил тарелки на стол и пригласил Векшину садиться. — Женщине не положено столько работать.

— По уставу что ли? — усмехнулась Векшина.

— По природе, по ее женскому назначению.

По тону его голоса, по тому, каким сосредоточенным стал его взгляд, Векшина поняла, что задела важную для него тему. Интуиция ей подсказывала, что лучше бы сейчас свернуть этот разговор и перевести его на другие, более безопасные рельсы. Но с другой стороны, почему она должна скрывать свои убеждения? Пусть лучше он узнает о них сейчас.

— И в чем же оно, по-твоему? — ответила она с вызовом, — сидеть, как проклятой, у плиты?

— Это не по-моему, это по жизни так. Женщина, в первую очередь жена, мать, хорошая хозяйка в доме.

— Пока я еще ничья ни жена, ни мать. Поэтому я спокойно могу заняться любимым делом. Мне кажется, что именно в нем и есть мое главное предназначение.

Кравцов почувствовал, что задел ее за живое, но ведь и она его тоже. Он уже давно решил про себя, что эта женщина станет его женой. И вдруг выясняется, что главным в ее жизни оказывается не он, а ее дело.

— Ты пока не знала ничего, кроме работы, поэтому так и рассуждаешь, — Кравцов решил довести эту тему до ее логического завершения.

— Ну, почему. Мое дело — это мое детище и мой супруг одновременно. Так, что можно сказать,

что я и мать и жена. И мне хорошо знакомы и чувство долга и мера ответственности за то дело, в которое я вкладываю всю душу.

— Вот как? — Его опять неприятно кольнули ее слова. — Значит, всем сердцем и душой ты принадлежишь своему делу. Ну, а для меня там осталось хоть немножечко места?

— И ты еще спрашиваешь об этом! Ты же знаешь, как мне хорошо с тобой. От ее слов повеяло такой душевностью, что Кравцова сразу отпустило. Возникшее было между ними легкое напряжение, куда-то исчезло.

— Тебе было бы еще лучше, если бы мы видели друг друга гораздо чаще.

— Это не проблема. Поедем, отдохнем, как собирались. Будем каждый день вместе. Только придется подождать немного. Вот разберусь со своими делами, так сразу же и в путь.

— А я не хочу больше ждать. — Кравцов решил, что сейчас настал тот самый момент, когда он скажет о главном. Она должна знать, что он настроен самым серьезным образом, — Ведь есть и другие способы быть вместе каждый день... Саш, давай поженимся. Как ты на это смотришь?

— Я? Я-я-я, вообще-то не против, но если только в перспективе. — В ее лице явно читалась растерянность. Определенно она не ожидала, что разговор примет такой оборот.

— Знаю я твои перспективы. Это ближе к пенсии, да?

— Но почему?

— Вот именно. Почему мы должны откладывать главное событие своей жизни на потом. Жить нужно сейчас, а не в перспективе, — продолжал гнуть свою линию Кравцов.

— Я и так ощущаю жизнь во всей ее полноте. Мне для этого совсем не обязателен штамп в паспорте. Это никуда от нас не уйдет. Ты же знаешь, я не могу бросить гостиницу.

— Можно прекрасно совмещать и работу и супружество.

— Можно, но только не сейчас. Не то время, понимаешь? — Векшина видела, что ее отказ сильно огорчил Кравцова. Но что она могла поделать? Нет, супружество это не ее стезя. Во всяком случае, в ближайшее время это точно.

— Понятно, — угрюмо произнес Кравцов и уткнулся в тарелку. Он не хотел, чтобы она видела его глаза. Он знал, что в них сейчас отражается боль. Боль, которая сильно ранит и делает его слабым и уязвимым. Нет, она ни в коем случае не должна видеть его таким. Он еще ниже наклонился над тарелкой и с жадностью стал поглощать еду.

— Ну, не обижайся. У меня со дня на день начнется такая запарка. Боюсь, мне придется быть на работе круглосуточно. Ты же не хочешь, чтобы я

разорвалась между семьей и работой? — Векшина лихорадочно старалась найти нужные слова, чтобы хоть как-то смягчить резкость своего отказа.

— Конечно, не хочу. Я ведь люблю тебя, — вяло, как тяжело больной, согласился с ней Кравцов.

— Я тоже люблю тебя. И ты не должен сомневаться в моей любви. Ни при каких обстоятельствах, чтобы я ни говорила тебе сейчас. Слышишь?

Векшина отодвинула тарелки и подошла к Кравцову. Ей хотелось, как можно скорее прекратить этот неприятный разговор. Ее руки скользнули ему под рубашку, а губы с нежностью прикоснулись к его губам. О чем бы тут они сейчас ни говорили, это все вздор, чушь. Только слова. Она знала, что у тела есть свой язык. Не выхолощенный язык общепринятых правил, а первобытный дикарский звериный язык страстных объятий и поцелуев. Сейчас именно на нем им и следует говорить. Он поможет освободиться от тяжести произнесенных слов.

Она плотнее прижалась к нему и тут же почувствовала его ответное движение. Напряжение, возникшее между ними какое-то время назад, сразу утратило свой смысл и стало каким-то мелким и незначительным. Больше они не чувствовали своей разделенности. В их тесно сплетенных телах билось

одно сердце, текла одна кровь, рождались одни и те же желания. Это родство, обретенное ими в эту минуту, было главным из всего, происшедшего за сегодняшний вечер.

7

Ярцев спешил. Он ни за что не хотел опоздать на встречу, а потому ехал, как он это называл, на грани фола. Этот телефонный звонок раздался в его квартире несколько дней назад, и голос с иностранным акцентом спросил его. Ярцев почему-то сразу понял, что этот разговор может оказать большое влияние на всю его дальнейшую жизнь. Хотя никаких предпосылок для этого у него не было, мало ли кто его беспокоит. Но если, в самом деле, существует шестое чувство, то на этот раз оно было на высоте и выдало всю нужную ему информацию. А она заключалась в том, что надо внимательно слушать своего невидимого собеседника, потому что это не просто собеседник, а посланец судьбы. А Ярцев давно ждал его появления.

В последние годы его существование стало уж больно обыденным, без взлетов и падений, оно словно катилось по идеально ровной дорожке. Но это движение не обещало ничего, кроме одного — бесконечного своего продолжения. А с некоторых

пор его перестал устраивать такой расклад, он был уверен, что заслуживает несравненно большего. Но большее ему, как раз и не светит. Выше вице-президента компании «Русское гостеприимство» ему, как ни прыгать, ни за что не подняться. Старик, само собой разумеется, бразды правления передаст своему сынку — этому беспутному придурку, который только и умеет, что транжирить папины деньги. И что он тогда должен делать — прислуживать этому ничтожеству?

О такой перспективе Ярцев думал все последнее время. Эта мысль буквально пробуравила глубокую скважину в его мозгу. Но, несмотря на это, он так и не мог найти подходящего решения. Уйти из компании? Но куда? Никаких адекватных его честолюбию приглашений он не получал, а то, что предлагали, было ничуть не лучше того, что он имел. Но и оставаться в прежнем статусе было не вмоготу. Каждый день, проведенный на работе, становился для него днем мучения.

И вот этот звонок. Негромкий голос с акцентом сразу же сообщил ему, что речь идет о важном деловом предложении. Мысль Ярцева тут же активно принялась за работу. Если иностранец каким-то образом разузнал его телефон, значит, в самом деле, разговор пойдет о чем-то значительном. Такие вещи не бывают случайными,

в мире бизнеса каждый подобный шаг выверен и целенаправлен.

Впрочем, их первый контакт был достаточно не конкретным и довольно кратким. Обменявшись общими фразами, из которых Ярцев понял, что Френсиса Хьюза, как представился человек с акцентом, интересуется гостиничный бизнес в Дивноморске. Больше он ему ничего не сказал, они лишь договорились о встрече. И вот через несколько минут она должна состояться.

Ярцев вошел в гостиницу. И только сейчас подумал, что для него нежелательно, если разговор состоится в ресторане, как они первоначально договаривались. Мало кто тут может находиться, а ему нет никакого смысла светиться. Пока не поздно, лучше изменить диспозицию. Он поспешно достал телефон.

— Алло, мистер Хьюз, с вами говорит Ярцев. Я могу к вам подняться? Вы хотите встретиться в ресторане, как договаривались? Извините, но мне бы не хотелось. Вы должны сами понимать всю деликатность ситуации. У вас в номере? Вот это лучше. Тогда я иду к вам.

Это уже лучше, подумал Ярцев. Хорошо, что иностранец попался понятливый. Некоторые из них ужасные педанты, ни на йоту не отступают от договоренностей.

Ярцев поднялся по лифту, легко нашел

нужный номер. Постучался в дверь. Ему открыл пожилой господин в отлично сшитом костюме. Выглядел он вполне благообразно. Несколько мгновений они рассматривали друг друга.

— Здравствуйте, большое спасибо, что вы согласились принять меня в своем номере, — поблагодарил Ярцев.

— Проходить, мистер Ярцев. Я не ошибся?

— Именно так. Очень приятно с вами познакомиться.

— Тогда присаживайтесь, — пригласил хозяин номера.

— Большое спасибо, — Ярцеву хотелось, как можно скорей перейти к делу, но он понимал, что торопливость способна все испортить.

Они одновременно сели в кресла напротив друг друга.

— Желать что-либо выпить? — предложил Френсис Хьюз.

— С удовольствием.

— Виски, коньяк, ром?

— Ром, пожалуйста, — после короткого колебания выбрал Ярцев.

— О, вы предпочитать самые крепкие напитки. Вы есть уверены, что это не помешать нашему разговору?

Ярцев не смог разобрать, что выражает голос Френсиса Хьюза — одобрение или осуждение?

Надо быть осторожней и не давать ему повода для превратных о нем суждений.

— Не беспокойтесь, я владею собой в любой ситуации.

— Это есть похвальное качество, — произнес Френсис Хьюз.

— Я вас уверяю, что вы не разочаруетесь в нашем сотрудничестве, — постарался заверить своего собеседника Ярцев.

— Но пока ни о каком сотрудничестве речи не идет.

— Я надеюсь, что совсем скоро вы примете правильное решение. Это дело принесет вам большую прибыль. Вы же читали о том ажиотаже, который возник вокруг Дивноморска.

— Разумеется, читал. Потому-то я здесь. В Дивноморске есть замечательное место, оно называется «Голубая лагуна». Но я также наводить справки, это место принадлежать другой компании. Мне требоваться мое доверенное лицо. Но я не совсем понимать, как вы собираетесь действовать. Ваш статус...

— Поверьте, о своем статусе мне все известно.

— Но как посмотреть на это ваш патрон, господин Яхонтов. Это решительный и влиятельный человек.

— У вас немного устаревшие сведения, —

возразил Ярцев.

— Вот как, это крайне интересно?

— Он стар, и болен, а его сынок — совершенно бездарен и беспутен. Он проматывает состояние папаша в казино и на женщин. Сейчас самое время нанести удар по компании. А если вы завладеете компанией, то и Дивноморск в вашем кармане.

К удивлению Ярцева, Френсис Хьюз довольно спокойно отнесся к его предложению. Вернее, он на него никак не отреагировал, если не считать, что переменял позу.

— Вот как, это в определенной степени менять дело. Но как вы собираетесь наносить ваш разящий удар?

— С вашей помощью он будет несравненно успешней.

— Подождите о моей помощи. Сначала я хочу понимать лучше ваши планы.

Вот, сейчас самое главное, как молния ударила мысль Ярцева.

— Сейчас трудно их доподлинно описать. Партия в самом начале, сделаны только первые ходы. А вы хотите, чтобы я уже сказал, на каком ходу и какой фигурой будет поставлен мат. Но я убежден, что мы найдем возможность сокрушить могущество Яхонтова.

— Вы найдете, — уточнил Френсис Хьюз.

— Я найду, — согласился с ним Ярцев.

— Я хотел бы понимать, что вами двигать.

Мотивы определять поведения человека.

— Мне надоело быть вечно вторым лицом, не иметь своего мнения, а лишь выполнять единственно верные распоряжения старика. Я хочу иметь свой бизнес. И лучшего случая, чем сейчас, может не выпасть.

— Мотивы мне понятны и вызывать мое уважение. Но если я соглашаться с вашим предложением, это будет наш бизнес.

— Разумеется. Без ваших финансовых возможностей у меня ничего не получится. Но мы будем на равных.

— Не скрою, ваше предложение мне представляется соблазнительным, — проигнорировал Френсис Хьюз последнюю фразу своего собеседника. Но есть еще некто госпожа Векшина.

— Вы великолепно информированы.

— Иначе я бы не стал с вами разговаривать. Но что вы думать об этой ситуации?

— Я собрал о ней информацию. Она оказалась там случайно. Эта женщина совершенно одна, ее абсолютно никто не поддерживает. Справиться с ней, думаю, будет не сложно.

— Вот и справляйтесь. А я смотреть. Если вам, как говорят у вас, улыбаться удача, то мы

окажемся с вами гораздо ближе к соглашению, чем сегодня.

— Вы очень осторожны. А вы не боитесь, что я обращусь к другому инвестору? — Ярцев бросил на своего собеседника пристальный взгляд.

Френсис Хьюз улыбнулся.

— Я бы вам не советовал. Иначе ваша деловая репутация будет погублена навсегда. Еще желать рому?

— Не откажусь.

— Я, конечно, вам налью, но посоветовать бы впредь пить поменьше. Это никогда не помогать в делах. Особенно в таких деликатных, как это.

— Спасибо, но нам, русским, алкоголь помогает с ними справляться.

— Мне кажется, что есть непостижима не только русская душа, но и русский желудок. А я с вашего разрешения выпить сок. Буду с нетерпением ждать от вас сообщений, господин Ярцев.

8

Света украдкой посматривала на Виталия, уютно устроившись рядом с ним на сиденье автомобиля. Сейчас его взгляд был полностью сосредоточен на дороге. Казалось, Виталий совсем не обращал внимания на свою спутницу. Но именно таким он больше всего нравился Свете. Не

беспечным и легкомысленным весельчаком и балагуром, а серьезным и молчаливым. Когда он такой, Свете казалось, что он точно так же относится и к ней — серьезно и основательно.

Света вздохнула. Она прекрасно знала, что это всего лишь иллюзии. Виталий совсем не такой. За то время, что они вместе — а это почти два года, Света изучила Виталия вдоль и поперек. Тем более, он даже и не пытался маскироваться под влюбленного в нее молодого человека. Наверняка он еще встречается с другими девушками. Следы их пребывания Света часто находила в его квартире. То, забытая кем-то губная помада, то пудреница. На все вопросы, касающиеся этих неприятных для нее находок, Виталий всегда отшучивался или сваливал вину на своего дружка, который якобы заходил его навестить со своей подружкой. Света делала вид, что верила и не устраивала разборок. А что она могла! Ведь она замужем и не всегда имела возможность встретиться с Виталием по первому его желанию. Их встречи были не очень частыми, и она не тешила себя иллюзиями, что он довольствуется только ими. Конечно, она могла бросить мужа и переехать к Виталию, но ведь он этого ей и не предлагал. Да и вряд ли предложит. Она давно уже поняла, что Виталий был из тех мужчин, которые не торопятся себя обременять семейными узами. Зачем, когда и так не плохо. Вот

и получается, что рассчитывать на то, что он когда-нибудь сделает ей серьезное предложение, не приходится. Но бросать его она не хотела, так как, что ни говори, но именно Виталий расцвечивал ее серую и однообразную жизнь яркими красками.

Ее муж на это был не способен. Да, он любил Свету. Но от его любви ей уже давно не было ни холодно, ни жарко. Любить жену — для Глеба означало обеспечить ей надежный тыл. Вот он и обеспечивал, как мог. Пропадал на работе день и ночь, а потом приносил домой деньги, которых хватало впритык до следующей зарплаты. А ей иногда хотелось праздников. Только не тех, которые вся страна отмечает несколько раз в год согласно календарному расписанию, со своими неизменными атрибутами, вроде салата Оливье и селедки под шубой. Ее всегда тошнило от этих скучных семейных застолий. Нет, ей хотелось чего-то необычного, яркого и веселого, как карнавал. Вот Виталий был мастер на подобного рода времяпрепровождение. Он умел наслаждаться не только праздниками, но и буднями и был жаден до жизни во всех ее проявлениях.

Света улыбнулась, она вспомнила, как весело было прошлый раз на одной из модных тусовок, куда притащил ее Виталий по случаю его дня рождения. Вот это был праздник, так праздник. Кого там только Света не встретила! Люди,

которых обычно она видела только по телевизору, запросто подходили к Виталию и здоровались с ним, а с некоторыми он даже обнимался. Света таращилась на все происходящее и не верила глазам своим. Когда на следующий день она рассказала об этом девчонкам на работе, то стала героиней не только этого дня, но и всей последующей недели. Она вдруг почувствовала себя, какой-то особенной. Ведь именно для нее, пусть на короткое мгновение, но распахнулись двери, которые навсегда останутся наглухо закрыты для других.

Автомобиль мягко затормозил, и Света очнулась от своих мыслей. Перед ее глазами раскинулся роскошный трехэтажный особняк белого цвета. Фронтон, украшенный причудливыми узорами, легкие изящные колонны, делали это здание похожим на загородную резиденцию какого-нибудь шейха. Так, во всяком случае показалось Свете.

— Куда ты меня привез? — спросила она, уверенная, что это еще не конечный пункт их прибытия.

— Я же тебе говорил, что мы едем ко мне, — Виталий был доволен. Он видел, какое впечатление произвел на Свету их с отцом загородный особняк.

— А, по-моему, это какой-то дворец. Мы часом не заблудились?

— Нет. Это и есть моя загородная резиденция.

— Твоя? — Свете показалось, что он ее разыгрывает.

— Ну, не совсем моя. Наша с отцом, — Виталий постарался произнести эту фразу, как можно тише.

— Ух, ты! Я такое только в кино видела, — Света не могла поверить, что через каких-то пару минут она окажется внутри этого сказочного терема.

— Кино — это сплошная бутафория. А тут все настоящее. Если хочешь, можем зависнуть здесь на несколько дней. У тебя сколько времени в твоём распоряжении?

— Муж должен вернуться только через три дня, — Свете все еще не верилось, что эта сказка может продолжаться целых три дня.

— Классно. Тогда прямо сейчас и начнем праздновать, — обрадовался Виталий.

— А что праздновать? — Света понимала, что для Виталия любой повод погулять — сам по себе праздник. Но она все-таки решила уточнить.

— Как что? Твою свободу.

— Разве это свобода, — выдохнула Света с горечью. Ей сразу стало грустно, что только три дня она может провести так, как проводила их в своих мечтах. А потом опять придется возвращаться с небес на грешную землю.

— А что же это еще, когда ты не должна быть

дома не только к ужину, но даже и к завтраку, — Виталий откровенно не понимал, почему его подруга не разделяет его энтузиазма.

— Как у тебя все просто, — продолжала Света все в том же тоне.

— Да не запаривайся ты, Свет. Жизнь на самом деле легкая штука. Просто одни люди воспринимают ее такой, как она есть, а другие любят все усложнять. — Виталию не терпелось оказаться в Светиных объятиях, и ему хотелось, как можно скорее, закончить этот ненужный с его точки зрения разговор.

— Хотела бы я так легко относиться к жизни, как ты.

— А ты учишь у меня.

— Разве этому можно научиться? — Света недоверчиво посмотрела на Виталия.

— Еще как! Я даже готов преподать тебе несколько таких уроков.

— С удовольствием поучусь у тебя, — ей вдруг стало легко и весело.

— Тогда внимай. Прежде всего, надо уметь хорошенько расслабляться. Скажи, как ты обычно расслабляешься, — Виталий моментально уловил перемену ее настроения.

— Для меня это любимая музыка и горячая ванна.

— Ну, что ж, неплохо. Только есть еще два

способа. Более верные.

— Какие? — Света понимала, о чем он, но ей захотелось, чтобы Виталий их озвучил.

— Дорогой коньяк и хороший секс.

— О-о-о, тоже неплохо, — Света осталась довольна услышанным.

— С чего начнем? — Виталий уже просто сгорал от нетерпения оказаться с ней в постели, но он продолжал поддерживать эту игру. В конце концов, от нее он тоже получал удовольствие и немалое. А Света, куда она теперь денется...

— Логичнее было бы с ванны, — услышал Виталий голос Светы.

— Тогда с бассейна. Ну, а потом мы выпьем коньяк под хорошую музыку и отправимся в спальню. Пойдет?

— Пойдет. Получим твой и мой метод расслабления одновременно.

9

День выдался неудачным. Причем, не заладилась он с самого утра. Сорвались пара важных встреч, он просмотрел несколько отчетов — и не один его не порадовал. Вроде бы все идет нормально, никаких провалов. Но и побед тоже нет, все, что есть положительное в работе компании, связано с прошлыми достижениями. А вот новых

хороших ростков посеять никак не удастся. И он знает, в чем причина.

Яхонтову не хотелось об этом думать, но и не думать он не мог. Он стал старым, здоровье становится все хуже. Вот постепенно и упускает инициативу. А подхватить ее некому. Наемные менеджеры кроме как на хороших исполнителей не тянут. А Виталий... Чего говорить о нем, какой из него собственник, он типичный растратчик. Все пустит по ветру, как песок с бархан.

При воспоминании о сыне Яхонтову стало хуже, в груди сразу же потяжелело и закололо. Сейчас он приедет домой, примет таблетку и ляжет. Хорошая настала жизнь, когда любая неприятная мысль вызывает у него чуть ли не сердечный приступ. Ладно, не надо об этом думать. Главное — благополучно добраться до постели.

Яхонтов вошел в особняк. И сразу почувствовал одышку. Да, сегодня точно не его день.

Внезапно за дверью сына он услышал чьи-то голоса. Резко распахнул дверь. На кровати Виталий занимался любовью с какой-то девицей. Его охватил гнев. Сегодня сын так и не появился на работе, хотя Яхонтов его ждал. Теперь понятно, какому занятию он предпочел выполнение свой трудовых обязанностей.

Но он решил, что не станет при чужом

человеке показывать свои эмоции. Такого унижения от него не дождутся.

— Виталий, ровно через десять минут я тебя жду в своем кабинете.

Он постарался закрыть дверь так, чтобы не издать ни одного звука.

Света с испугом посмотрела на дверь, в проеме которой только что стоял хозяин дома.

— Застукал. Что теперь будет? — с тревогой спросила она.

Виталий раздосадованный, что не удалось закончить, буркнул:

— Да не волнуйся, первый раз что ли. И не такое бывало.

— Он у тебя очень суровый. И взгляд, как пуля, прошибает насквозь. Мне даже стало не по себе.

— Говорю, не бойся. Лучше одевайся. Тебе придется добираться до дома самостоятельно, мне надо со стариком поговорить.

Света поспешно спрыгнула с кровати. Давно она не одевалась так быстро. Почему-то она никак не могла справиться с испугом.

— Ты позвонишь? — спросила она уже одетая.

Виталий тоже уже почти одетый посмотрел на нее.

— Да, позвоню, куда я денусь. Где я найду

такой знатный секс.

— У тебя все мысли только о сексе. — О сексе в данный момент она и думать не могла. Ей хотелось одного — как можно быстрее покинуть этот ставший в одно мгновение не гостеприимный дом.

— Не все, иногда еще бывают о выпивке. Дай-ка бутылку.

— Это же коньяк. Лучше не пей, Тебе к отцу идти.

Виталий пренебрежительно махнул рукой.

— Один черт. Так даже лучше. — Он отхлебнул прямо из горлышка, хотя рядом стоял бокал. — Ну, все, я пошел. Пожелай мне ни пуха, ни пера. А ты давай несись домой.

Свету просто вымело из комнаты. Виталий хмуро посмотрел ей вслед. Предстоящее объяснение с родителем его явно не радовало. Опять начнется старая песня. Других он не знает.

Виталий вошел в кабинет Яхонтова. Тот сидел за столом, но ничем не был занят. Он сел напротив отца.

— Сколько сейчас время? — спросил Яхонтов.

— Да вон часы на стене.

— Сколько сейчас время? — повысил голос Яхонтов.

— Четыре часа.

— Дня или ночи?

— За окном светло, значит, еще день. Четыре часа дня.

— Значит, ты полагаешь, что сейчас день. Тогда объясни, почему ты находишься дома, да еще в постели с проституткой, когда ты должен находиться на работе. Ты не забыл, что ты являешься вице-президентом компании? По сути дела вторым ее лицом.

— Света не проститутка.

— Я не об этом, мне наплевать, кто такая Света. Меня интересует, почему ты не на работе, когда идет рабочий день. И в компании полно дел, за которые ты отвечаешь.

— Я хотел попросить у тебя на сегодня отгул.

— Чтобы удариться в загул. Напомни мне, когда ты в последний раз был на работе?

— Два дня назад.

— И пробыл в офисе ровно пятнадцать минут.

— Доложили. Ты за мной следишь?

— А это мое дело.

— И сколько мне времени бывать на работе — тоже мое дело.

— А вот тут ты ошибаешься. — Яхонтов сделал короткую паузу, он старался не потерять спокойствия, иначе сердце тут же отзовется на волнение. — В моей компании дисциплина для всех абсолютна одинакова. И для президента и для

вице-президента и для курьера. И для сына — тоже. Запомни там ты мне не сын, а подчиненный. И ты должен выполнять регламент, как все.

— Ну, уж нет, я не собираюсь быть, как все.

— Будешь, как все! Иначе я не только понижу тебя в должности, я лишу тебя всех прав на наследство. Мне не нужен такой наследник, который пустит по ветру все то, что я создавал на протяжении многих лет. — И только сейчас Яхонтов понял, что кричит. Значит, приступа ему сегодня никак не миновать.

Однако крик отца не произвел на Виталия никакого впечатления.

— Другого у тебя нет, надо было делать много детей. А ты что-то поскупился.

— Вот что, я тебя скажу, мой дорогой, — уже спокойно произнес Яхонтов. — Либо ты изменишь кардинально свое поведение, и днем будешь работать. Причем, хорошо работать, либо я изменю завещание. Лучше отдать все мое достояние в чужие, но умелые и бережливые руки, чем в твои расточительные. Я с того света не собираюсь смотреть на то, как развеется по ветру моя компания, я хочу там пребывать в спокойствии.

— И где же ты найдешь такие руки?

— Не беспокойся, найду. В мире есть люди, которые умеют приумножать то, что сделано другими. Не надейся на то, что ты мой сын. Уж

лучше не иметь никакого, чем такого.

— Если бы мама тебя сейчас слышала...

— Маму, ты даже все, упоминать не имеешь права. Она бы плакала горячими слезами, видя, каким ты стал. Иди с моих глаз долой. И если завтра, как все, ровно в девять часов ты не будешь сидеть в своем кабинете и заниматься делами, пеняй на себя. Я все сказал.

Виталий, ничего не сказав, быстро вышел из кабинета. Но Яхонтов даже не посмотрел ему вслед. Его волновало совсем другое: успеть бы принять лекарство до того, как начнется эта всепоглощающая боль.

10

Наумов прилетел в Дивноморск рано утром и потому не выспался. Ему вообще не хотелось сюда лететь. Море он никогда не любил, оно представлялось ему чуждой стихией. Он даже плавать, как следует не умел, там, где он родился, протекала мелкая речушка, которую можно было перейти в брод. И он не понимал людей, которые связывали свой отдых с морскими купаниями и долгими лежаниями на камнях, напоминая больше не человеческих существ, а тюленей. Вот в хорошем ресторане, с хорошей выпивкой и закуской, под приятную живую музыку в

исполнении смазливой певицы, он мог просидеть много часов подряд. А пляж, что там есть, что там делать? Ни выпить, ни как следует поесть. Правда, полуголых телок там хоть залейся, но даже ради них выдерживать такую жару неохота.

Жара — это был его второй враг после милиции. С ними он воюет всю свою жизнь с переменным успехом. Но здесь на первое место выходит зной, если утром такая температура, что же будет днем? И как тут люди живут? А эта дамочка?

Наумов решил, что ничего страшного не случится, если прежде, чем тащиться в гостиницу, он хорошенько позавтракает. Даже ради ответственного задания не надо лишать себя удовольствий. Поел он плотно и вскоре пожалел об этом. До отеля идти было далеко, к тому же в гору. Понятно, что можно было взять такси, но Чернов запретил ему светиться; чем меньше людей узнают об его присутствии в городе, тем лучше. И с этим Наумов не мог не согласиться, мало ли как обернутся дела.

Он брел по жаре, как собака, высунув язык, и проклинал Чернова и эту дамочку, которая соорудила свой постоянный двор на горе. На равнине что ли мало места. Ну, ничего, придет время — и он за все с ней расквитается.

Наумов несколько раз обошел гостиницу,

заглянул даже внутрь. Но так, чтобы его никто не заметил. Он даже не ожидал, что заведение ему понравится. Маленькое, но изящное строение, с какой-то своей индивидуальной атмосферой. Впрочем, его все это волновало в последнюю очередь. Увидев все необходимое, он решил, что пора действовать. Недалеко от гостиницы нашел тенистое местечко и достал телефон. Посмотрим, как все будет складываться.

— Это гостиница «Голубая лагуна»? — спросил он, когда в мобильнике раздался приятный женский голос. — Замечательно. Могу ли я поговорить с госпожой Векшиной? Это вы Александра Юрьевна? Как прекрасно, что я сразу же попал на вас. Как говорят, на ловца и зверь бежит. Кого я ловлю? Вас и ловлю. У меня к вам очень важное дело. Я представляю компанию «Золотая звезда». Мы хотим вам сделать предложение, от которого невозможно отказаться. Вы очень остроумная, Александра Юрьевна, если полагаете, что не бывает предложений, от которых невозможно отказаться. А давайте поспорим, что от нашего предложения вы не откажетесь. На что спорим? Тысяча баксов вас устроит? Договорились. Когда мы с вами можем встретиться? Вы предлагаете прямо сейчас? А-а-а, хотите, как можно скорей получить свою тысячу. А где? У вас гостинице. Прекрасно, я как раз нахожусь

неподалеку. Иду.

Векшина положила трубку и задумчиво посмотрела на нее. Кажется, началась какая-то игра, подумала она. Кто это господин Наумов? И о компании такой она что-то не слышала. Интересно, что же он хочет? Ну, держись, Сашок, мысленно обратилась она к самой себе, кажется, этот человек весьма серьезный, несмотря на свой шуточный тон.

Векшина решила, что лучше всего для разговора подойдет не ее кабинет, а ресторан. Это был ее старый трюк, в неформальной обстановке люди раскрывается лучше. И когда этот Наумов появился в гостинице, она пригласила его туда.

Она внимательно рассматривала сидящего напротив мужчину. Почему-то она представляла его другим, важным, в дорогом костюме господином. А этот был одет в тенниску и в какие-то сомнительного цвета брюки. А на ногах мокасины.

— А у вас тут очень мило. Я даже не ожидал, — произнес Наумов, нанизывая на вилку сколький, как уж, грибок.

— Если бы вы знали, сколько это стоило трудов, — ответила Векшина. — Извините, не знаю вашего имени отчества.

— Это я должен просить прощение, что не представился. Вот моя визитка, — протянул он ей картонный четырехугольник.

— Виктор Борисович, помощник президента, — прочитала Векшина. — Очень приятно. Ну, а кто я, я так понимаю, вам известно.

— И даже очень хорошо. Ваше имя становится популярным.

— Что-то не заметила, — засомневалась Векшина.

— Зато мы, в Москве, это заметили.

— Обо мне знают в Москве?

— Знают, кому надо. И очень вами интересуются.

— Кто же? — Векшиной, в самом деле, стало интересно.

— Например, наш президент. Он внимательно следит за вашей деятельностью. И очень высоко ее оценивает.

— Чем же я заслужила такое внимание?

— Своей работой. Поднять одной такое дело. Нам очень хорошо известно, как вам было трудно.

— Это только одна я могу доподлинно знать. Вы даже не представляете, каких трудов это стоило. На этом месте была большущая свалка. — Она вдруг вспомнила, как это все начиналось.

— Вы достойны восхищения. Примите от нашей компании в знак признания ваших заслуг маленький сувенир. — Из кармана Наумов достал коробочку.

— Что это? — Векшина насторожилась еще

сильней.

— Всего лишь ручка. Правда, с золотым пером.

— Мне, кажется, нет причин, чтобы вы делали мне подарки. А я бы их принимала, — отодвинула она коробочку.

— Ну, что вы, Александра Юрьевна, какие пустяки. Да вам можно сделать и не такой подарок только за то, что вы такая красивая. — Наумова вдруг захлестнула почти что ненависть к этой дамочке. Ишь ты, еще строит из себя английскую королеву. Или она торгуется?

— Хочу сразу предупредить: подобные комплименты в деловых вопросах на меня не действуют, В свое время от них я сделала прививку.

— Ценю ваше чувство юмора.

— Если бы еще ценили мое время, было бы совсем замечательно. Я в последние дни просто зашиваюсь от количества дел. Такое чувство, что весь мир хочет непременно оказаться в Дивноморске.

— Как говорят в таких случаях, намек понял. Перехожу от поэзии к прозе вопроса. От имени компании я уполномочен сделать вам интересное предложение.

— Надеюсь, вас не уполномочили сделать мне матримониальное предложение? — усмехнулась Векшина.

— К сожалению, нет, хотя, поверьте, я бы с большой радостью.

— Верю. И все же, что за предложение?

— Поверьте, очень выгодное предложение.

— Это я уже поняла. Как и то, что от него невозможно отказаться. Но для женщины нет ничего невозможного, и я откажусь.

— Какая вы, с вами трудно иметь дело. И все же, оно вам понравится. Наша компания хочет купить ваш отель и земельный участок под ним.

— Что-то в этом роде я и предполагала.

— А предполагаете ли вы, о какой сумме идет речь? Мы готовы заплатить за все три миллиона долларов. Представляете, три миллиона настоящих американских долларов.

— Спасибо, что не фальшивых.

— Вы можете проверить каждую купюру в банке, — сделал вид, что обиделся, Наумов.

— Что вы говорите, с вашей стороны это очень любезно.

— Так каков ваш ответ?

— Так я уже вам его дала.

— Что-то не припомню, — подозрительно посмотрел на нее Наумов.

— Вы мне сказали по телефону, что от этого предложения невозможно отказаться. А я сказала, что отказываюсь. И мы поспорили на тысячу долларов. Я подтверждаю свой отказ. Надеюсь, вы

человек честный и вручите мне проигрыш.

— Вы отказываетесь от трех миллионов долларов ради одной тысячи? Я в это не верю. — Ему вдруг сильно захотелось запустить в нее стаканом. Чутье его не обмануло, когда предупреждало, что с этой дамочкой будет трудно.

— Это ваше дело. А мне, извините, надо идти.

— Напрасно вы так поступаете, Александра Юрьевна.

— Это уж позвольте мне самой решать.

— Вам все равно не удержать эту гостиницу.

— А это мы посмотрим.

— Своим упрямством вы настроите против себя влиятельные силы. Вы и не представляете, насколько влиятельные.

— Уж не себя ли вы имеете в виду?

— Ну что вы, я всего лишь посланник. Подумайте, взвесьте все возможные последствия.

Векшина хотела уже встать и уйти, но решила еще не надолго задержаться. — Она почувствовала, что это отнюдь не пустые слова.

— А какие могут быть последствия?

— Мир очень жесток. — Так вы мне угрожаете?

— Как можно, я вами восхищаюсь. Но, боюсь, не все разделяют мои чувства.

— Это их дело. Я от своего не отступлюсь. И я умею защищаться.

— Я бы вам еще раз советовал обо всем подумать.

— Боюсь, что это бесполезный разговор. — Очень жаль. Я надеялся на другой результат. Что ж, до свидания. — Наумов встал и быстро пошел к выходу.

— А тысяча долларов? — догнал его оклик Векшиной.

— Ах да, совсем забыл. — Он вернулся к столу и достал из бумажника деньги — Вот мой проигрыш и ваш выигрыш. Так все в жизни устроено: если одни проигрывают, значит, другие выигрывают. Но ведь все может измениться.

Глава 2

1

Весь остаток дня Векшину не отпускало чувство тревоги. Чутье подсказывало, что появление этого господина и его предложение о покупке гостиницы — это только начало череды надвигающихся неприятностей. Насколько они будут серьезными и каковы окажутся их последствия, покажет время. Но то, что этот господин настроен серьезно и готов идти до конца, она уловила скорее не разумом, а каким-то особым

внутренним чувством. Хуже всего было то, что эта тревога никак не хотела улечиваться. Более того, она нарастала с каждым часом. И по мере того, как рабочий день приближался к своему завершению, становилась все более и более интенсивной. Поток, беспокоящих мыслей, кружил и кружил над ней, мешал сосредоточиться на работе, изматывал душу. Больше всего она боялась за брата. Хотя, казалось бы, оснований опасаться чего-то серьезного у нее не вроде бы не было. И к вечеру Векшина дошла до того, что уже просто не находила себе места. Как только стрелка часов достигла шестичасовой отметки, она пулей выскочила из кабинета, и почти бегом направилась к морю. Ей необходимо было увидеть Диму, как можно скорее.

Дорога от гостиницы до берега моря, где обычно работал над своими картинами Дима, занимала не более получаса. Все это время перед глазами Векшиной всплывали сцены разговора с Наумовым. В голову лезли всякие нехорошие мысли. Кажется, он что-то сказал про жестокость этого мира. Интересно, было бы знать, что он имел в виду. Во всяком случае, ничего хорошего, это точно. А раз так, от него можно ожидать чего угодно. За себя Векшина не беспокоилась, а вот за Диму... Если бы он согласился уехать, ей было бы гораздо спокойнее. Все равно сейчас каникулы, зачем ему торчать в городе? Векшина твердо

решила уговорить брата покинуть Дивноморск.

Наконец она увидела Диму. Он стоял на скалистом берегу моря перед мольбертом и увлеченно работал над картиной. Векшина сложила руки трубочкой и поднесла их к губам: «Дима-а-а, Дима-а-а», — позвала она его, но он не откликнулся. Должно быть, не расслышал ее из-за шума моря. Когда она приблизилась к нему почти вплотную, он по-прежнему не замечал ее.

— Димочка, ну, сколько можно пропадать на берегу, я же волнуюсь, — Векшина легонько обняла Диму за плечи.

— Осторожно, ты видишь, я работаю, — отбросил Дима ее руки.

— Я вижу, что ты просто стоишь и смотришь на море. И я подумала, что ты уже закончил.

— Закончил? Да тут еще работы непечатый край, — недовольно проворчал Дима.

— А, по-моему, картина уже готова. Хоть сейчас на выставку.

— Я бы не повесил ее даже в твоей гостинице, а ты говоришь на выставку.

— Слушай, а это идея, — ухватилась Векшина за его слова, — Пожалуй, я действительно закажу тебе несколько картин для своего отеля. Как тебе мое предложение?

— Да, пожалуйста, бери любую картину, — великодушно отозвался Дима.

— Мне одной будет мало, — Векшину вдруг осенило. Она придумала под каким предлогом отправить его из города.

— Бери столько сколько нужно.

— Димочка, но ведь у тебя только морские пейзажи.

— Это как раз то, что нужно для отеля под названием «Голубая лагуна».

— Конечно, я возьму несколько таких картин и развешу их в холле и в коридорах. Но у меня есть еще рестораны. Туда бы я хотела какие-нибудь натюрморты с овощами, фруктами, дичью. Ну, ты понимаешь, — Векшина потихоньку направляла разговор в нужное ей русло.

— Ты же знаешь, что я не рисую гусей и уток и даже фазанов, тем более уже убитых, — в голосе Димы послышалось легкое раздражение.

— Ну, хорошо, не хочешь гусей, не надо. А если цветы в вазах? — не унималась Векшина.

Дима сделал вид, что не расслышал и сосредоточенно стал наносить мазки на неоконченное полотно.

— Ну, ладно. Не хочешь в вазах, но хотя бы на клумбах можешь? Или какой-нибудь миленький пейзажик с лесными цветами. А? — Векшина решила довести задуманное до конца.

— Ну, если только с лесными и то, это будет исключение только для тебя и только один раз, —

неожиданно сдался Дима.

— Здорово! Я знала, что ты не откажешь мне, — обрадовалась Векшина, — Только у нас тут леса нет, одно море и песок. Слушай, а, что если ты поедешь к тете Анюте под Рязань. Она всегда приглашает. Знаешь, какие там леса!

— Ехать под Рязань, чтобы нарисовать поляну с цветами? — Дима был не на шутку удивлен.

— А почему бы и нет. Заодно и отдохнешь от этой жары. Там сейчас очень комфортная погода.

— Я тебе и без Рязани любой цветок нарисую. Будешь довольна.

Векшина почувствовала его сопротивление и забеспокоилась. — Не хочешь под Рязань, можешь махнуть во Францию. У меня там школьная подруга живет в Провансе. Привезешь мне оттуда несколько пейзажей французской провинции. Как тебе такой расклад?

— Я не понимаю, ты, что хочешь от меня избавиться? — Дима в упор посмотрел на сестру.

— Что ты, просто я хочу, чтобы ты отдохнул, сменил обстановку. Ты же ничего кроме Дивноморска не видел. А на следующий год ты заканчиваешь школу, тебе будет не до поездок. Сейчас как раз самое время, — Векшина еще надеялась, что его удастся все-таки уломать.

— Да, ладно, слышал я, что ты с Павлом Сергеевичем отдохнуть собралась. Боишься меня

одного оставить? Так я уже не маленький, — насупился Дима.

— Да нет, я уже никуда не еду. Просто сейчас предстоит много работы, я буду пропадать на работе круглые сутки. Мне не хочется, чтобы ты себя чувствовал брошенным, — Векшина вдруг почувствовала невероятную усталость. Ей стало понятно, что Дима ни за что не согласится уехать.

— Вот глупости. Можешь спокойно заниматься своей работой, я и сам справлюсь. А ехать я никуда не хочу. Мне и здесь хорошо, — подтвердил он ее догадку.

— Это твое окончательное решение?

— Окончательное.

— А может, все-таки передумаешь? — спросила Векшина, хотя уже все было предельно ясно. Дима не поменяет решения.

— Ну, я же сказал нет, значит, нет!

2

Ярцев сидел в баре гостиницы «Голубая лагуна». Бар ему нравился. Он был скромный, но было заметно, что сделано все со вкусом, с любовью. Судя по всему, эта Векшина умеет даже малыми средствами создавать уютную атмосферу. Да, определенные способности в своем деле эта дамочка имеет. Тем лучше, его победа окажется

более значимой.

К нему подошел официант.

— Добрый день. Ознакомьтесь, пожалуйста, с нашим меню.

— Убери это. И принеси-ка мне только быстро что-нибудь покрепче. Виски у вас имеется?

— Да.

— Вот, давай виски со льдом.

— Еще что-нибудь желаете?

— Пока только виски, а потом видно будет.

Официант удалился, Ярцев посмотрел ему вслед. Все официанты одним миром мазаны, хотят, как можно сильнее растрясти клиента. Но его на такие трюки не поймашь. Вот только что делать ему тут дальше?

Официант действительно быстро принес заказ. Ярцев сделал один глоток, как тут же забыл про виски. Он почувствовал, что ему повезло. Он увидел, как в бар зашла Векшина. Рядом с ней шел паренек лет пятнадцати. Ярцев внимательно рассматривал женщину. А она очень даже ничего, можно сказать, по-настоящему красива. Он бы совсем не отказался провести с такой пару страстных ночей. А, собственно, почему он должен от этого отказываться. Все в его власти.

Векшина с пареньком расположились совсем недалеко от него. Она попросила того же самого официанта принести себе и мальчику по стакану

сока. Для того, чтобы слушать их разговор, Ярцев даже пересел на соседний стул, по ближе к этой паре.

— Ну, как ты уже все осмотрел? — спросила мальчика Векшина.

— Да, вот пробежался по твоим владениям. Теперь примерно представляю фронт работы, — ответил мальчик.

— Надеюсь, тебя не сильно обременила моя просьба, — произнесла Векшина.

— Да, нет. Обойдемся малой кровью. Для холла и коридоров, как я и думал, подойдут мои старые картины из цикла «Морские новеллы». А для столовой я сделаю три новых. Там у вас окна выходят в розовый сад. Мои картины будут копией естественного ландшафта за окном. И людям, пришедшим подкрепиться, будет казаться, что они сидят на открытой террасе или прямо в саду, среди роз. А открытые окна, через которые будет доноситься аромат настоящих роз, поддержат эту иллюзию. Ну, как тебе мои идеи?

— Ой, Димка. Я уже прямо сейчас представила, как это будет здорово. Только ты мог додуматься до такого.

— Только ради тебя, любимой.

— Я счастлива, что у меня такой любящий братик.

— Брат. Я уже гораздо взрослее, чем ты

думаешь.

— Ну, хорошо, хорошо. Все равно, ты у меня самый замечательный.

— Ты у меня тоже. И я не хочу от тебя никуда уезжать. Даже во Францию. А натуру можно везде найти. Далеко для этого ходить не надо.

— Ты меня, конечно, убедил, но...

— И больше никаких но. Ну, все, я пошел. У меня теперь масса работы. До вечера. — Дима поднялся и вприпрыжку побеждал к выходу.

— До вечера.

Женщина допила сок, по-хозяйски осмотрела бар. На мгновение их глаза встретились, и Ярцев вдруг ощутил, как екнуло у него сердце. Да, к такой особе трудно оставаться равнодушной.

Векшина встала и тоже направилась к выходу из бара.

Ярцев задумчиво проводил ее глазами. Затем позвал официанта. На всякий случай надо кое-что проверить.

— А скажи-ка мне, милейший, что это за мальчишка крутился около вашей хозяйки. Сын что ли?

— Нет, она не замужем и у нее нет ни сына, ни дочери. Это брат ее, — ответил официант, несколько удивленный характером вопроса.

— Брат говоришь? А что он еще в школе учится или уже в институте?

— Да, нет. Зеленый еще. Пацан. — В голосе официанта послышалось пренебрежение.

— Он производил впечатление очень смышленного мальчика.

— Да задается он много. Гордится.

— Такой сестрой можно гордиться. Редко встретишь деловую женщину, да еще и такую красавицу.

— А он не ею гордится, а собой, — возразил официант.

— Это от чего же?

— А он тут у нас местная знаменитость. Рисует классно. У него уже были выставки в местной арт-галлерее. Говорят, один иностранец купил его картину и увез к себе. Кучу бабок ему отвалил.

— Значит он не такой простой мальчик. То-то я смотрю, лицо у него такое, одухотворенное.

— Его тут все зовут Айвазовским. За талант.

— Айвазовским говоришь? — У Ярцева вдруг мелькнула одна мысль. На досуге он обязательно ее еще покрутит. — Ну, ладно. Спасибо, дружок. На вот тебе за виски, я ухожу.

3

Больше всего в жизни Виталий ненавидел будильник, потому что не было такого случая,

когда бы он зазвенел вовремя. Он всегда норовит прервать самый сладкий сон. Вот так как сейчас. Виталий с трудом оторвал голову от подушки, и посмотрел на часы. Они были немилосердны, как палач, так как показывали время, что пора вставать. Он чертыхнулся; ему захотелось запустить в них чем-нибудь увесистым. И словно бы назло им, снова лег. И почти сразу же вскочил с кровати и, ругаясь, пошел умываться. Он вспоминал разговор с отцом, и от злости у него невольно сжались кулаки. И чего ему неймется, мало ли у него там народу в компании, не знают, чем себя занять. Зачем он там нужен еще? Виталий даже застонал. Он представил длинную анфиладу скучных серых дней, которые придется проводить в офисе, занимаясь какими-то бессмысленными делами. Не то что было до этого. Он позволил себе взять, как он сам выражался, небольшой отпускчок. И как замечательно провел это время. Когда еще такое повторится. Жди теперь бог знает сколько. И все из-за отца. Вбил себе в голову, что его сын должен работать наравне со всеми. Денег что ли у них мало. Для чего работать-то. Тоже мне воспитатель нашелся. Он уже давно взрослый, его давно не надо воспитывать.

Виталий ехал на машине с самым мрачным настроением. И вместе с ним ехала злость на отца. Желание сделать ему какую-нибудь пакость не

отпускало, как прилипчивая зараза. Должен же он как-то отмстить за все свои незаслуженные обиды.

Едва он вошел в приемную, как секретарша его встретила словами:

— Виталий Юрьевич, только что звонил ваш отец. Он просил вам передать, что плохо себя чувствует. И потому не придет. И все обязанности по руководству компании на время его отсутствия Юрий Петрович передает вам.

Виталий с трудом удержался, чтобы не выругаться. Хуже можно, да некуда. Теперь он целый день будет занят, к нему станет тянуться бесконечный поток посетителей. Он почти уверен, что отец это сделал специально. Таким образом, он хочет ему преподнести урок. Тоже учитель нашелся.

— Спасибо, Катя. Больше ничего он не сказал?

— Нет, больше ничего. Виталий вошел в кабинет, закрыл дверь. И только здесь дал волю своему бешенству. Сняв пиджак, стал в бешенстве топтать его ногой. Чуть-чуть успокоившись, он упал в кресло. То, что отец все специально подстроил, Виталий не сомневался. Но сейчас его беспокоило совсем другое, что он будет делать? Он же по-настоящему не вникал в дела компании. Как он будет принимать решения? Несколько мгновений он сидел неподвижно. Да, гори оно все

синим пламенем, что будет, то и будет, решил он, и почувствовал хоть какое-то облегчение.

Из селектора раздался голос Кати:

— Виталий Юрьевич, к вам наш главный бухгалтер.

Ну вот, начинается.

Предвидение Виталия полностью подтвердилось. Следующие несколько часов он ни на минуту не оставался один, посетитель сменял посетителя. Виталий делал вид, что внимательно всех слушает. Иногда даже вставлял какие-то замечания. Сначала он еще пытался попасть в струю разговора, но затем ему это так надоело, что перестал делать такие попытки. Пусть думают о нем, как хотят. Ему на это глубоко наплевать. Он не только ничего не знает, но и не хочет ничего знать. Да и собственно, почему он должен всем этим заниматься? Только потому, что сын магната? А если бы был сыном проститутки, должен был бы стать непременно проститутком? И почему нет такого слова, пора ввести, профессия давно существует. Что же ему делать, как выбраться из этой самой настоящей западни?

Голос Кати прервал его размышления, так как сообщил ему, что его просит принять Николай Васильевич. Имя показалось ему знакомым, но кто такой этот самый Николай Васильевич вспомнить не удалось. Не мог он что ли прийти завтра, когда

будет отец. Николай Васильевич оказался маленький и круглый мужчина с лучезарной улыбкой. Без всякого сомнения, Виталий видел его в стенах компании, но на этом его знания об этом человеке исчерпывались. — Виталий Юрьевич, как я рад вас видеть, — засиял Николай Васильевич улыбкой. — Не скрою, очень обрадовался, когда узнал, что именно вы замещаете Юрия Петровича. Давно пора, молодежь на все смотрит более трезво.

— А что мой отец на все смотрит по-другому?

— Позвольте вам заметить, что ваш отец — великий бизнесмен. Все понимает великолепно. Но немного консервативен. Если он что-то решил, его уже не переубедить.

— И в чем же вы пытались его переубедить?

— Я приобрел для вашей компании товаров на большую сумму. Но, признаю, нарушил кое-какие сроки поставки. И по этой причине ваш отец не желает оплачивать счета. Я считаю это не справедливым. Я все же выполнил все свои обязательства. Ну, а задержка, с каждым случается. Возникли непредвиденные обстоятельства.

— И какие? — спросил Виталий. Он смотрел на Николая Васильевича и гадал: врет или не врет? В принципе ему было глубоко наплевать, разве немного интересно. Словно бы решаешь замысловатый кроссворд.

— Груз был задержан на таможне.

— Но это ваши проблемы.

— Так я и не отрицаю, — снова заулыбался Николай Васильевич. — Моя вина. Но ведь у каждого случаются срывы. А мы с вашей компанией работаем пять лет. И это первый случай. А вы мне не заплатили, я не могу рассчитаться с поставщиками. А сумма-то не малая.

— И какая сумма? — почти без интереса спросил Виталий.

— А вот взгляните, тут все нужные документки.

— Да, сумма более чем приличная, — Виталий посмотрел на то место, на которое ткнул ему своим толстым пальцем Николай Васильевич.

— То-то и оно. Я попал в сложную ситуацию. Если я не заплачу, поставщики подадут на меня в суд. И я буду объявлен банкротом.

— Это правда? — Теперь Виталий почти не сомневался, что он врет.

— Клянусь чем угодно! Хотите детьми?

Черт с ним, заплатим, решил Виталий. Он был уверен, что отец ни за что бы не заплатил. Потому-то и принял такое решение. Уж очень хотелось поступить противоположным образом. Посмотрим, как отец отреагирует на него.

— Что я должен сделать, чтобы вам оплатили?

Николай Васильевич аж весь изогнулся от счастья.

— И всего лишь подписать вот здесь: оплатить. Этого достаточно.

— Получите.

— Вы даже не представляете, как я вам благодарен. Пусть вам сопутствует только удача. Всего вам доброго.

Николай Васильевич галопом выскочил из кабинета. Виталий проводил его взглядом и с тоской посмотрел на часы. Еще даже не наступило время обеда, а ему кажется, что он провел в этом кабинете целую вечность. Одно радует и придает силы: ему все же удалось навредить отцу. Думаю, папаше мое решение жутко не понравится. И это прекрасно, злорадно подумал он.

— Катя, кто там еще ждет приема?

4

Чернов смотрел, как приближается Наумов, и думал о том, что не так уж и давно был почти точно таким же. Тоже походил на гончую собаку, рыскавшую в поисках добычи да не для себя, а для других. Как и Наумов, работал на пахана, и испытывал к нему глухую и безнадежно тоскливую ненависть от того, что не мог позволить себе роскошь выплеснуть ее наружу. Вот и Наумов поди ненавидит его и очень даже вероятно, что с удовольствием однажды пырнет ножом в спину.

Разумеется, если он, Чернов, окажется таким дураком, что подставит ее. Но тебе долго придется ждать этого счастливого момента, мысленно проговорил он.

Наумов остановился в нескольких шагах от Чернова и как-то по-собачьи преданно посмотрел на него. Или ему так показалось? Впрочем, какая к черту разница.

— Прилетел? — спросил Чернов.

— Я к вам прямо их аэропорта, — бодро отрапортовал Наумов.

Попробовал бы не сразу из аэропорта, усмехнулся про себя Чернов.

— Значит, голодный, выпить чертовски хочется. Да и по женщине, поди, проголодался.

Наумов изобразил улыбку.

— Выпить и закусить очень даже неплохо, в этих аэропланах кормят, как в детстве в пионерлагерях, куда меня предки отправляли, чтобы я не мозолил им глаза, когда они бражничали. А вот бабами я сыт по горло.

— Неужто дивнооскрую красотку закосил? — удивился Чернов.

— Это красотка попьет нам еще немало нашей мужской кровушки, — вздохнул Наумов.

— Что не вышло?

— Я бы ее удавил собственными руками.

— Кто тебя так учил обращаться с

женщинами. Да еще с красивыми. Неотесанный ты мужлан.

— Будешь тут неотесанным. Я бы посмотрел, как вы реагировали после встречи с этой стервой.

— Как я понимаю, твоих мужских достоинств оказалось недостаточно, чтобы уговорить ее.

Наумов сделал яростное лицо.

— Она отказалась наотрез продавать свой постоянный двор.

— Даже за самую большую сумму?

— Она хочет все раскрутить сама.

Чернов не надолго задумался. А он, честно говоря, надеялся, что особых проблем не возникнет. И в самое ближайшее время приберет этот участочек. Но вслух сказал прямо противоположное, — Я чувствовал, что этим все и кончится. Моя интуиция меня редко подводит. И что ты предлагаешь?

Наумов неожиданно оживился.

— Использовать другие меры воздействия. Если она не понимает язык денег, найдем другие аргументы.

Жест Наумова был настолько красноречивый, что трактовать его двояко было просто невозможно.

«Мясник» — мысленно выругался Чернов.

— Дурак! Ты этим все погубишь. Вот тогда мы уж точно ничего не получим. Туда слетится вся российская ментура. Идиот догадается, за что ее

прикончили. Нужно сделать так, чтобы она все передала добровольно. Вот когда она все бумажечки подпишет, то через какое-то время можно будет избавиться от нее. А сейчас даже не думай. Ищи другие способы. Ты меня, вонючий фраер, понял?

— Понял, чего ж не понять, — как-то безрадостно отозвался Наумов. — Ни один волосок не упадет с ее замечательной головы.

— Вот это правильный подход настоящего мужчины. Он должен оберегать женщину. Завтра возвращаешься в Дивноморск и начинаешь все сначала и по-другому. А сейчас пойдём, выпьем и закусим. А заодно и обсудим детали.

5

Летний день был в самом разгаре. Солнце стояло высоко в небе и немилосердно жгло все живое своим сухим разгоряченным дыханием. Ярцеву хотелось к морю. Он изнемогал от жары, но еще больше от желания, как можно скорее освободиться от тех дел, которые наметил на сегодняшний день. Так было всегда, сколько он себя помнил. Если перед ним маячила какая-то цель, даже самая ничтожная, то ничто уже не могло отвлечь его от неудержимого стремления к ней. До тех пор, пока он не воплощал ее в жизнь, не

овладевал ею, не превращал в безропотную рабыню и не заставлял служить себе, она мучила его своей недоступностью и отдаленностью. Она становилась навязчивой идеей, превращала его в одержимого до такой степени, что он не мог думать ни о чем другом, кроме, как о ней. Все, что он ни делал, все, что ни предпринимал, было подчинено единственному всепоглощающему — добраться до конечного пункта задуманного им однажды. Вот и сейчас в его жизни присутствовала такая цель — стать первым лицом компании «Русское гостеприимство». Это желание уже давно бродило в нем подспудно и неосознанно. Оно заявляло о себе время от времени, в моменты, когда он видел явные промахи в работе своего шефа, когда он наблюдал выходки его беспутного сыночка Виталия.

Но окончательно эта заманчивая цель оформилась, стала осознаваемой и заявила о себе во весь голос, после того телефонного звонка, который месяц назад раздался в его квартире и незнакомый иностранец попросил его, Ярцева, к телефону. Все сразу стало на свои места. С этого момента жизнь Ярцева наполнилась новым стремлением. Планка, на которую он замахнулся, была высока. Но ничего, он ведь не идиот, чтобы пытаться ее перемахнуть за один раз. Он будет двигаться к поставленной цели поэтапно, в несколько заходов, тщательно укрепляя свои позиции, на каждой из вновь завоеванных

ступеней. Сколько на его пути будет таких ступеней, Ярцев пока представлял не совсем ясно. Но то, что он знал наверняка, так это, что ему сейчас нужна эта гостиница. Пусть Яхонтов думает, что он старается здесь ради компании. Шиш ему! Ярцев на этот раз преследует здесь свои и только свои интересы. Эта гостиница должна стать его собственностью, ну а, затем посмотрим, кто кого. Главное для него сейчас обломать эту дамочку. Если ему это удастся, то гостиница упадет к его ногам, как спелое яблоко с дерева. На этот счет у него уже созрел некий план.

Когда он увидел Векшину в баре гостиницы, она показалась ему очень и очень привлекательной. Не меньше, чем сама ее гостиница. А почему бы не прибрать к рукам не только гостиницу, но еще и саму Векшину. Эта мысль показалась Ярцеву очень забавной. Пожалуй, при таком раскладе, он продвинется к своей цели гораздо быстрее. Чем черт не шутит! Во всяком случае, попробовать не мешает. А начать он решил с ее братца. Прежде, чем подкатываться к сестре, не помешает завоевать расположения мальчишки. Это прописная истина известна всем потенциальным женихам. Так зачем же ему ею пренебрегать. Пусть она, хоть немного, но польет воду на его мельницу.

Ярцев вытащил носовой платок и тщательно обтер лицо. Проклятая жара, он весь взмок.

Хорошо, что гостиница Векшиной уже показалась на горизонте. Ярцев ускорил шаг. Ему не терпелось скорее оказаться в саду. Там он найдет не только спасительную прохладу, но еще братика той самой Векшиной. Ярцев выяснил, что он каждый день пропадает в саду с мольбертом. Хороший повод познакомиться. Все складывается, как нельзя лучше.

Дима работал в саду с самого утра. Работа над картиной продвигалась медленно. А все потому, что душа его не лежала к этим напыщенным розам. То ли дело море! Эта могучая стихия никогда не оставляла его равнодушным. Сколько Дима себя помнил, он всегда писал море и только море. Единственный раз он сделал исключение и то, ради любимой сестры. Но Дима был уверен, что больше он на эту удочку не попадет.

Но, несмотря на то, что душа его не лежала к розам, работал он все-таки очень старательно. Дима терпеть не мог халтуры. Вот и сейчас он полностью сосредоточился над полотном. Он был увлечен, хоть и не любимым, но все-таки делом. Увлечен настолько, что даже не заметил, как около него остановился Ярцев.

Какое-то время Ярцев молча наблюдал за работой Димы. Наконец, он решил обнаружить свое присутствие.

— Я вам не помешаю, молодой человек, если

немного полюбуюсь вашей работой?

Дима даже вздрогнул от неожиданности. Он бросил беглый взгляд в сторону незнакомца.

— Смотрите, мне не жалко, — ответил он и снова погрузился в работу.

— У вас интересная манера письма, — продолжил Ярцев, — ощущение такое, что вы пишете не с натуры, а как будто вспоминаете что-то другое. Только вот пока не пойму что.

Дима удивился пронизательности незнакомца. Как ему с одного взгляда удалось уловить суть происходящего?

— А вы наблюдательный. Я и, правда, думаю сейчас не о розах, а о море. А розы меня совсем не вдохновляют, — на этот раз Дима внимательно посмотрел на незнакомца.

— Точно. То-то я смотрю, что ваша картина это совсем не розовый сад в летний полдень. Это больше похоже на море роз, или на розовое море, или на море в розовом цвете, — Ярцев почувствовал, что нащупал болевую точку этого паренька. А если это так, значит пол дела на пути сближения с ним уже сделано.

Диме очень понравилось, что этот незнакомец увидел в его картине море. Определенно у него есть особый дар улавливать то, что лежит за пределами видимого. Обычно молчаливый и нелюдимый, Дима никогда и ни с кем не обсуждал свои полотна,

но сейчас ему захотелось это сделать.

— Море это мой любимый персонаж. Я всегда рисую только море. Даже когда рисую розы.

— И даже когда рисуете лица? — Ярцев уловил, с каким вдохновением мальчик говорил о море и опять взял это на заметку.

— Лица пока еще не приходилось. Но, если придется, то это будут лица моря и ничего больше.

Ответ Димы еще более укрепил Ярцева в мысли, что этот мальчик настоящий фанат морской живописи. Что ж, это даже не плохо, что он так быстро раскрылся. Так легче будет найти подход к нему.

— А у вас нестандартный взгляд на вещи. Вы знаете об этом? — продолжал он тестировать Диму.

— Сестра говорит, что это одержимость. А я думаю, что это просто любовь. Безумная любовь к морю.

Ярцев почувствовал полное удовлетворение. Этот новоявленный Айвазовский так запросто взял и выложил перед ним все свои карты. Теперь он у него в кармане.

— Интересно было бы посмотреть, как эта ваша любовь воплощается на полотнах. Вы позволите мне взглянуть на ваши картины о море? — Ярцев постарался, чтобы его вопрос прозвучал, как можно более заинтересованней.

— А зачем вам?

— Видите ли, молодой человек, сейчас я столичный житель. Но мое детство прошло в маленьком приморском городке вроде вашего. И я, так же, как и вы, до сих пор люблю море, — Ярцев импровизировал прямо на ходу.

— Понятно. Зачем же вы тогда уехали от моря так далеко? — простодушно спросил Дима.

Ярцев почувствовал прилив вдохновения, — Так сложились обстоятельства. И я ни о чем не жалею. Вот только море мне до сих пор по ночам снится — Он чувствовал, что еще немного и почти прослезится.

— Значит, вам надо почаще ездить на море.

— Увы, не получается. Все дела, дела. Поэтому я и подумал, что если мне ваши картины помогут утолить мою тоску по морю, — вдохновенно продолжал врать Ярцев, — Если они мне понравятся, я бы с удовольствием приобрел бы два-три полотна для своей московской квартиры. Вы не будете против?

А вот это было уже настоящей правдой. Картины придется покупать, чтобы мальчишка не заподозрил неладное. Хорошо, если не заломит за них кругленькую сумму. Ведь Ярцев совсем не рассчитывал на подобные расходы.

— Хорошо. Приходите завтра вечером ко мне домой. Там все и увидите, — согласился Дима.

— Обязательно приду. Диктуйте адрес, —

Ярцев достал ручку и приготовился записывать.

— Приморская 9, квартира 31. Если откроет сестра, скажите, что вы к Диме.

— Значит, вас Дима зовут. А меня Владимир Александрович, — доверительно улыбнулся Ярцев.

— Очень приятно, — услышал он в ответ.

— До завтра, Дима.

— До завтра, Владимир Александрович.

Ярцев остался доволен собой. Все складывалось самым удачным образом. Завтра он, как бы случайно встретится с Векшиной, ну, а дальше... Впрочем, о том, как он будет действовать дальше, Ярцев решил обдумать вечером перед сном. А пока можно позволить себе немного расслабиться. Ярцев прибавил шаг и заторопился к морю.

6

— Виталий Юрьевич, вас немедленно просит зайти к себе Юрий Петрович.

Услышав голос секретарши, Виталий аж вздрогнул. А он-то грешным делом надеялся, что этот день на работе пройдет относительно спокойно. И без отца хватает нервотрепки. А он к такому режиму не привык, когда чуть ли не ежеминутно надо рассматривать новое дело.

— А разве отец приехал? Он же говорил, что

сегодня его тоже не будет, — произнес Виталий в селектор. Сейчас непременно отец скажет или сделает какую-нибудь пакость. Ничего другого ждать просто не приходится.

— Что вы сказали? — переспросила Катя.

— Передайте ему, что приду через десять минут.

Виталий был уверен, что взбучки не избежать. У отца это едва ли не любимый педагогический прием — демонстрировать сыну, какое он ничтожество. Ну да, может, с его точки зрения и ничтожество — он и не спорит. А все потому, что ему не интересен весь этот бизнес, ему противно, когда люди отдают все силы работе. А что остается на все другое? Поужинать и в постельку под бочок к жене. От одной мысли, что однажды и у него может начаться, такая жизнь, его всего переворачивает, как во время качки на корабле. Виталий направился к выходу из кабинета, но не дошел до двери, как внезапно остановился. А пошли вы все к чертовой матери, махнул он рукой. Подошел к бару, налил рюмку коньяка и выпил. «Вот так-то оно лучше», — мысленно сказал он себе. И только после этого вышел.

Яхонтов ждал появление сына, кипя от негодования. Ну и натворил он делов за такой короткий срок. Враг бы не сумел бы напакостить больше. Ничего, этому разгильдяю на этот раз так

просто все не сойдет с рук. Он почти уверен, что Виталий все это сделал нарочно, чтобы вывести его из себя. Но он не должен поддаваться на провокацию сына, иначе сердце снова зайдется от боли.

Виталий вошел в кабинет отца своей расхлябленной походкой, словно бы он прогуливался по бульвару. Яхонтов едва сдержал себя. Он это делает специально, это вызов ему.

— Ты хотел меня видеть? — безучастно спросил Виталий.

— Видеть я тебя совершенно не хочу, но вынужден, — ответил Яхонтов и тут же пожалел о своих словах — он все же поддался на провокацию этого бездельника.

— Тогда я пойду, зачем тебя расстраивать.

— Ты пойдешь, но только когда я скажу и куда скажу. А сейчас объясни мне, что это такое. Яхонтов протянул ему листок.

— Если я правильно понимаю, то это счет на оплату услуг нашей компании.

— Ты правильно понимаешь. Вот только кто получатель денег?

— Здесь написано: Гаврилов Николай Васильевич. По-моему, прочесть фамилию не представляет никаких трудностей. Шрифт жирный.

— Кроме того, что ты пакостник, ты еще и дерзишь. Ну и сыночек у меня.

— Мне тоже мой отец не очень нравится. Но что делать, приходится терпеть. — На лице Виталия читался откровенный вызов.

«Все, сейчас я взорвусь. И будь, что будет», — подумал Яхонтов.

— Ах, ты паскудник! Ты знаешь, кому ты подписал этот счет. Этот Гаврилов — обманщик и мошенник, он занимается всякими аферами. Я запретил оплачивать его счета, потому что сотрудничество с ним нас дискредитирует. А он воспользовался, что меня нет на работе, и подкатился к тебе. А ты взял да подмахнул.

Виталий пожал плечами.

— Ты мне ничего не говорил об этом Гаврилове.

— Да потому что ты не бываешь на совещаниях. Вот ничего и не знаешь, что творится в компании. Хорошо, если это только неведение. Но я подозреваю твой злой умысел. Ты сознательно пошел на это, чтобы досадить мне.

— Ты можешь думать так, как тебе заблагорассудится. Я не стану оправдываться. Я не считаю себя виновным. А если ты опасался этого Гаврилова, то мог бы и предупредить.

— Я не могу предупреждать тебя о тысячах дел. У нас большая компания. На это бы ушел не один день. Вот что, дорогой сынок, тебе это даром не сойдет. Я больше не намерен терпеть твои

ВЫХОДКИ.

— Надеюсь, ты меня с треском уволишь.

— Не беспокойся, я найду решение твоего вопроса. Но только совсем не такое, на какое ты надеешься. А сейчас убирайся с моих глаз.

— До встречи, папа, в более приятных местах.

Виталий ушел так быстро, словно бы за ним гналась целая свора голодных собак. Яхонтов долго смотрел на дверь, за которой исчез сын. Слава богу, общение со своим чадом на этот раз обошлось без сердечного приступа. Однако это единственное, что на данный момент вызывало хоть какую-то радость.

Яхонтов налил воды из графина. Но пить не стал. Поток неприятных мыслей буквально захлестнул его. Самое ужасное в этой ситуации, что на Виталия нельзя оставлять компанию. Все, что он создавал в течение стольких лет, тот пустит на ветер за несколько месяцев. И не только из легкомыслия, но еще и потому, что сын ненавидит его бизнес, считает его главным препятствием для себя, чтобы жить без всяких забот и дел. Но что же тогда делать, нужно срочно найти решение. Осталось слишком мало времени, его мотор, который столь исправно, несмотря на огромные перегрузки, служил ему столько лет, дает все больше сбоев. И способен остановиться в любой момент.

Векшина на кухне возилась с ужином. У нее уже было почти все готово, а Дима до сих пор не появлялся. Она знала, что целыми днями он пропадает в саду, работает над ее заказом. Хорошо, что не на море. Так ей было спокойней. С тех пор, как в ее гостинице появился господин Наумов, сердце Векшиной было не на месте. Хотя, казалось бы, пока для этого у нее не было никаких оснований и все-таки...

Векшина поставила тарелки на стол, нарезала хлеб, разложила ложки и вилки. Бросила беглый взгляд на часы. Бесстрастный циферблат показывал без двадцати девять. Поздно уже. Раньше он так не задерживался. В груди ее начинала зарождаться тревога. Векшина выглянула в окно. Наконец, за ближайшим поворотом она увидела знакомую фигуру. Дима шел быстрым размашистым шагом, в руках у него был мольберт. Векшина сразу успокоилась. Теперь можно было раскладывать еду по тарелкам. Она знала, что не успеет Дима войти, как сразу попросит ужин.

Подойдя к двери квартиры, Дима потянул воздух носом. Оттуда несло чем-то вкусненьким. Дима мгновенно почувствовал, что смертельно голоден. Только сейчас до него дошло, что он даже не обедал. Дима живо представил, какой за это ему

предстоит нагоняй от сестры. Он уже приготовился отражать все ее атаки, но вопреки мрачным ожиданиям она не только не стала браниться, но как будто даже обрадовалась его появлению.

— Ну, наконец-то. Проходи, будем ужинать, — голос Векшиной прозвучал вполне миролюбиво.

— Иду, я голодный, как волк, — Дима обрадовался, что, кажется, на этот раз удалось избежать нравоучений.

— Еще бы, весь день на воздухе. Ты даже не обедал сегодня. — Векшину так и подмывало высказать свое неудовольствие, но усилием воли она заставила себя не делать этого. В конце концов, ничего страшного не произошло. Она просто поволновалась немного. А все из-за того, что Дима пришел домой чуть позже, чем обычно. Так это наверняка оттого, что он хочет скорее закончить работу для нее, чтобы снова вернуться к своим картинам.

— Я хочу быстрее закончить картину для тебя, — как будто прочитал ее мысли Дима.

— Да, я тебя не тороплю. Когда закончишь, тогда и закончишь. Это не к спеху, — Векшина смотрела, как жадно Дима поглощает еду, и ей совсем не хотелось, чтобы он отвлекался сейчас на разговоры.

— Тебе может и не к спеху, а мне желательно

скорее.

— Да куда ты так торопишься?

— Мне не терпится вернуться к моей неоконченной картине.

— Куда она от тебя уйдет, эта твоя картина, — Векшина встала, чтобы выйти из кухни, а то он так и не поест нормально с этими разговорами.

— А может и уйдет, кто знает.

— Это куда же? — остановилась в дверях Векшина.

— Я сегодня с мужиком одним познакомился. Он очень заинтересовался моей морской темой. Хочет купить у меня несколько картин. Кто знает, может ему моя последняя больше всего понравится, — произнес нарочито небрежно Дима. Хотя чувствовалось, что он очень доволен тем, что его картинами интересуются покупатели.

— Да у тебя их столько. Одна лучше другой. Наверняка, что-нибудь подберет из них. — Векшиной не хотелось, чтобы Дима возвращался к морской теме. Не совсем конечно, но, во всяком случае, в ближайшее время.

— Завтра и посмотрим. Он к нам вечером зайдет.

— Ты его домой пригласил? — Векшина вдруг почувствовала необъяснимую неприязнь к этому неожиданному покупателю.

— Ну, не тащить же мне все картины к нему в гостиницу.

— Ты думаешь, он купит? Сколько их тут перебивало таких покупателей. Многие ходят просто так, как на выставку, лишь бы поглазеть, а покупать даже не собираются. У нас уже не квартира, а проходной двор, — Векшина никак не могла понять, почему она так ополчилась на этого покупателя. Ведь она его даже в глаза не видела.

— Этот купит наверняка.

— Откуда такая уверенность, — удивилась Векшина.

— По нему видно. Солидный такой господин, из самой Москвы.

— Из Москвы говоришь? — слова брата прозвучали, как гром среди ясного неба. Перед глазами Векшиной сразу встал образ Наумова.

— Что-то москвичи к нам зачастили. Не нравится мне это. — Векшина постаралась придать своему голосу оттенок полного безразличия.

— С каких это пор тебе москвичи перестали нравиться, — Дима все-таки уловил в голосе сестры недовольство, как она не старалась его скрыть.

Да, нет. Это я так. Не обращай внимания. А когда он обещал зайти?

— Завтра вечером.

— А как его зовут? — Векшина была почти уверена, что услышит сейчас имя своего

московского визитера.

— Ой, забыл. В голове крутится, — Дима наморщил лоб.

— Уж не Виктор Борисович ли? — Векшина была уже полностью уверена, что это непременно он.

— Да, нет. Владимир, Владимир,... Сейчас, подожди. О! Владимир Александрович. Точно!

У Векшиной словно гора свалилась с плеч, когда она услышала это имя. Значит на этот раз не Наумов. И то хорошо.

8

Самолет доставил Хьюза в Дивноморск точно по расписанию. Вместе со всеми пассажирами он спустился по трапу и сел в автобус. Получив свой небольшой багаж, вышел из здания аэровокзала. Даже не спрашивая о цене, согласился на предложение первого же подскочившего к нему таксиста, чем безмерно удивил того. В его глазах зажглись столь знакомые Хьюзу хищные огоньки алчности. Хьюз мысленно усмехнулся про себя. Дурачок, подумал он, разве такие суммы должны тебя волновать. Это-то и деньгами назвать трудно. Так какая-то мелочь, которая должна лежать у любого настоящего мужчины в каждом из имеющихся у него карманов. Ну, выманишь у меня

лишние десять долларов, что это изменит в твоей жалкой жизни? Абсолютно ничего. Впрочем, ничтожные людишки другими категориями и не мыслят.

Он откинулся на спинку кресла и стал смотреть в окно. О таксисте больше думать он не собирался. Он и так много посвятил ему времени. Впрочем, причем тут таксист, разумеется, он думал не о нем, а о себе. О том, какой большой путь он проделал, чтобы однажды очутиться в этом городе. Тем более неожиданно город ему понравился. Конечно, его надо обустраивать и обустраивать, на это уйдет десятки миллиардов долларов. Но в нем есть какое-то свое очарование, типичное приморское поселение со своим придаваемым морем колоритом. Хотел бы он тут жить? А почему бы и нет. Купить хотя бы вот этот очень милый особняк, мимо которого они промчались. Его явно строил лет сто тому назад какой-нибудь аристократ с изысканным вкусом, привитым ему иностранцем-гувернером. Конечно, в этом дом придется вложить не одну сотню тысяч долларов, чтобы довести его до ума. Но это вполне приемлемая цена.

Автомобиль подъехал к гостинце «Голубая лагуна». Несколько мгновений Хьюз раздумывал — а не поторговаться ли с таксистом, чтобы тот не думал, что вез какого-то лоха. Но потом плюнул;

стоит ли на это тратить время и силы. И заплатил ровно столько, сколько запросил этот примитивный хапуга.

Хьюз направился к вестибюлю. Симпатичная дежурная дала ему анкету для заполнения. Он улыбнулся ей не потому, что ему этого хотелось. Просто он должен тут всех очаровать.

Пока он шел в номер, то старался взглядом не пропустить ни один закоулок гостиницы. Вряд ли это надо было для дела, но почему-то он ощущал в этом потребность. Положив вещи в номере, он его внимательно осмотрел. Номер ему понравился. Для люкса, конечно, уж очень скромно, зато все обставлено с каким-то милым изяществом. Ощущается вкус того, кто это делал. Но долго пребывать в номере не хотелось. Он решил прогуляться по городу. И часа два бродил по его улицам. И лишь укрепился в первом своем впечатлении, у города, в самом деле, есть свое очарование. Есть такой тип женщин. Их нельзя назвать красивыми, но они привлекают к себе взор.

Хьюз вернулся в гостиницу. Перед тем, как войти в здание долго смотрел на окружающую ее панораму. За отелем сразу же поднимались горы, выше которых было только ослепительно голубое небо. Потом решительно вошел в отель. И сразу же увидел Векшину. Она заполняла какую-то бумагу. Он двинулся прямо к ней.

— У вас есть замечательное место. Я потрясен такой красотой.

Векшина подняла голову от бумаг и внимательно посмотрела на своего постояльца. И Хьюза охватило какое-то странное ощущение от этого ее взгляда — что-то вроде небольшой паники. Понадобилось несколько мгновений, чтобы справиться с ней.

— Мне тоже очень нравится здесь.

— Но говорят, что после принимать решения о проведении в вашем городе Олимпийских игр, сюда потянутся много людей. И все тут меняться.

— Да, вы, правы, народу тут стало намного больше. Могу судить по своей гостинице. Раньше у меня почти всегда были свободные места, а теперь все забронировано на два месяца вперед. — У вас, наверное, хорошо идти бизнес?

— Не жалуясь. Сейчас работы прибавилось.

— Но, я думаю, тяжело справляться такой молодой и красивой женщине с таким сложным бизнесом.

— Спасибо за сочувствие, но я справляюсь. И намерена справляться и впредь.

— О, я вижу, вы есть уверенная в себе женщина.

— Какая уж есть. — Векшина снова вернулась к прерванному Хьюзом занятию.

Он не напрасно сюда приехал, теперь он

лучше представляет, с кем ему придется сразиться, мысленно отметил он.

— Для бизнесмена это есть крайне важное качество — уверенность в собственных силах. Поверьте мне, я кое-что понимать в этом деле, — произнес Френсис Хьюз.

— Вы занимаетесь бизнесом? — спросила Векшина. Ее удивляло любопытство этого иностранца.

— Да.

— А можно спросить, в какой сфере?

— О весьма далекой от вашей, — улыбнулся Френсис Хьюз. — Но мне казаться, что к вам должно поступать сейчас много предложений о продаже вашего бизнеса.

— Да, кое-какие предложения есть.

— И как вы на них реагировать?

— Отрицательно. Я не собираюсь его продавать. Гораздо надежней иметь свое дело, чем деньги. Деньги имеют свойство быстро улетучиваться, а гостиница будет кормить меня всю жизнь.

— Очень разумный подход делу. Вы умеете принимать правильные решения.

— Очень хотелось, чтобы это было именно так. Но боюсь, это бывает не всегда. Извините, но мне надо идти. Приятно было побеседовать.

— С моей стороны не есть очень красиво вас

задерживать. Извините меня.

— Ну что вы, вы же мой постоялец. Я всегда рада с вами поговорить. Просто сейчас мне нужно срочно домой.

Френсис Хьюз задумчиво смотрел, как быстро удаляется владелица гостиницы. Его вдруг охватили плохие предчувствия. Ему понадобились усилия, чтобы прогнать их. Разумеется, это просто мимолетные эмоции. Но с этой дамочкой будет не так-то легко справиться.

9

Света включила утюг и разложила на столе рубашку мужа. Глеб собирался на службу и, как всегда, в последний момент выяснилось, что ему нечего надеть. Это ее раздражало. Почему все мужчины такие беспомощные? Даже самые мужественные из них, в домашней обстановке ведут себя как малые дети. Никогда не знают, где у них и что лежит. Жена у таких мужей, как запоминающее устройство — нажал кнопку — и она тут же выдала всю нужную ему информацию.

Глеб был именно таким супругом. Каждое утро, отправляясь на службу, он находил свежееглаженную рубашку и брюки, аккуратно висящими на стуле. Ему оставалось просто взять и надеть их, не заглядывая при этом ни в шкафы, ни в

тумбочки. И все равно он умудрялся задать Свете кучу вопросов по поводу местонахождения его носков, носовых платков или галстуков. Света вздохнула. Ей было интересно, существуют ли в этом мире мужчины, способные самостоятельно, без помощи женщин, собраться на работу. Она постаралась представить, как делает это Виталий. Ведь рядом с ним не было ни жены, ни матери. А одет он был всегда с иголки. Неужели он сам заботится о себе? Свете трудно было в это поверить. Разве может такой шалопай и разгильдяй, как Виталий, думать о чем-нибудь, кроме развлечений? Света задала сама себе кучу вопросов, но так и не нашла на них устраивающего ее ответа.

Мысли ее понеслись далеко. Она вспомнила свою последнюю встречу с Виталием. Перед ее глазами, как по мановению волшебной палочки, предстал его загородный дом. Не дом, а настоящий дворец. Света даже не думала, что в таких домах могут жить люди. Вот особняк так особняк! Не то, что их с Глебом однокомнатная малогабаритная квартирка, которую даже квартирой назвать нельзя, особенно после того, как она увидела жилище любовника. Да у них не квартира, а просто конура собачья! Света все больше распаляла свое воображение. Из ее глаз уже готовы были брызнуть слезы. Ну, почему? Почему, одним все, а другим ничегошеньки. Она живо представила, как эти

хоромы Виталия достанутся его будущей жене. Она даже вообразила эту женщину, как она может выглядеть, какая у нее фигура, характер. Ну, конечно же, той было далеко до такой умницы и красавицы Светы. Но ведь достанется вся эта роскошь не ей, Свете, а какой-то глупой пустышке. Света знала Виталия, он выберет себе именно такую.

Неожиданно она подумала о Виталии с ожесточением. Ведь он просто пользуется сейчас ею. А потом, когда она надоест ему, выбросит Свету из своей жизни, нисколько не задумываясь, какую боль при этом ей причинит.

— Ну, что ты копаешься. Давай быстрее. Опоздываю ведь, — раздраженный голос Глеба донесся до ее слуха. Света моментально возвратилась из области своих грез на землю.

— Я тебе не автомат. Подожди немного, — огрызнулась она.

— У тебя всегда так. Нет, чтобы приготовить все с вечера, — не унимался Глеб. Он явно был не в настроении и его настрой сразу передался Свете.

— Откуда я знала, что у тебя нет ни одной глаженной рубашки. — Она потихоньку начинала закипать, но усилием воли ей еще удавалось держать ситуацию под контролем. Ей не хотелось начинать день с перебранки. Последнее время они случались в их семье слишком часто. Света знала,

откуда это идет. Она устала. Устала много работать, а потом заниматься домашними делами, устала считать каждую копейку, устала от неустроенного быта. Она жила с ощущением, что у нее в этой жизни нет никаких прав, а одни сплошные обязанности. Может, и Виталий появился в ее жизни из-за того, чтобы хоть как-то отвлечься от заедающей ее бытовухи.

— Ты жена. Это твоя обязанность следить за моими рубашками, — Глеб словно читал ее мысли.

— Да я накануне все твои рубашки перегладила. Когда ты только умудрился все использовать, — Света заметила, что вот уже несколько минут подряд она водит утюгом по одному и тому же месту. Это было плохим симптомом, значит, ему все-таки удалось ее завести, как ни старалась она абстрагироваться.

— Я меняю их каждый день, — четко, почти по слогам выговорил Глеб.

— На работу ты ходишь пять дней в неделю, а рубашки у тебя всего четыре.

— Значит надо чаще стирать.

— Ага, я тоже работаю, а не дома сижу. Каждый день не настираешься, — Света уже едва сдерживалась.

— Ну, тогда сходи в магазин и купи еще несколько штук. Будешь реже стирать. В чем проблема не понимаю.

Эти слова Глеба произвели эффект разорвавшейся бомбы.

— В чем проблема говоришь? — в ее голосе послышались визгливые нотки. — Ты когда в магазин последний раз заходил не припомнишь случайно? — выкрикнула она прямо Глебу в лицо. Он сделал вид, что ничего особенного не произошло и продолжал совершенно спокойным тоном, — А это не мужская обязанность по магазинам бегать. Мое дело деньги в дом приносить. А ты уже сама смотри, как ими распорядиться.

Свету уже просто трясло от его спокойствия.

— Так я и распоряжаюсь на те копейки, которые ты называешь деньгами. Только на них лишнюю рубашку не купишь. Ты хоть знаешь, сколько сейчас приличная рубашка стоит?

— Свет, ну, откуда мне знать.

— А ты поинтересуйся, прежде, чем давать мне советы по поводу покупок.

— Ну, сколько. Рублей пятьдесят поди.

— Ты, где живешь, — у нее внутри все уже клокотало от злости, — Спустись с небес на землю. Пятьсот рублей, как минимум.

— Что? Пятьсот рублей? — Глеб округлил глаза, — Да не может такого быть. У нас Сева на работе покупает рубашки за сто рублей. Так я думал, что он переплачивает.

— Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. Такая рубашка у тебя через месяц по швам расползется. И вообще, мне надоело считать копейки. Сколько это будет продолжаться, — все больше распалаясь Света.

— Я получаю не самую низкую зарплату. Другие еще хуже живут, чем мы, — Глеб понимал нелепость своей попытки такими аргументами утихомирить жену, но ничего другого в его голову не приходило.

— А что ты сравниваешься с теми, кто хуже, ты сравни себя с теми, кто лучше живет.

— Ну, если взять Валентин Семеныча, у него доход поболи будет. Ну, так что. Квартира у него трехкомнатная, а не как у нас однушка. Так нам вдвоем не тесно, правда? — Глеб надеялся на благоразумие жены, но не тут-т было. В нее словно бес вселился, и она продолжала ему перечить с неистовой силой.

— Это тебе может и не тесно. А ты у меня спросил? Мне то как?

— Ты никогда раньше не жаловалась, — Глеб совсем растерялся. Ему всегда казалось, что Свету вполне устраивает их скромная жизнь. Он искренне считал, что с милым рай и в шалаше. Неожиданное ожесточение Светы застало его врасплох.

— Не жаловалась. Потому что ничего в жизни не видела лучше этой однушки. А теперь увидела,

как люди живут! — выдохнула в негодовании Света.

— Да, что ты такое видела?

— Люди живут в особняках. А в такой конуре, как у нас, у них собаки даже не живут, вот. — После этих слов Света неожиданно успокоилась. Она высказала свои претензии, и ей стало легче. Света даже удивилась, почему она не делала этого раньше. Думала, что щадила его, а на самом деле только себе хуже делала.

— И где же ты это видела, интересно. Тебя туда приглашали, что ли, — заинтересовался Глеб.

Света сообразила, что ляпнула лишнее и тут же придумала на ходу.

— Машка с работы рассказывала. Она убирается у одних. Так у них в доме и бассейн, и тренажерный зал, и оранжерея, и сауна, и...

— Да, ладно сказки рассказывать, — прервал ее Глеб, — Больше слушай эту Машку. Она тебе еще не то расскажет. Лучше иди на кухню, по-моему, там у тебя что-то горит.

— Ой, мамочки, я совсем забыла, — Света бросилась на кухню. Ну, конечно, она забыла отключить плиту и каша пригорела. Света выложила то, что осталось от каши на тарелку, и принялась чистить кастрюлю. Зря она затеяла этот разговор. Толку от него никакого, а настроение испорчено. И вот теперь еще эта кастрюля. Света

потянула носом воздух. Из комнаты несло паленым. Утюг! Она забыла его отключить. Света метнулась в комнату. Глазам ее предстала безрадостная картина. Она схватила недоглаженную рубашку, на ней красовалось желтое пятно подпалины.

— Ой, мамочки! — Света растерянно смотрела на рубашку, соображая, в чем же теперь отправлять Глеба на работу.

— Давай сюда, — Глеб вырвал из рук Светы испорченную рубашку и, не скрывая злости, стал натягивать ее на себя.

— Да, как же ты пойдешь в таком виде, — Света чувствовала себя виноватой и не знала, как загладить свою вину.

— Так и пойду. Пусть все видят, как моя жена о муже заботится, — с этими словами Глеб вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.

Глава 3

1

Ярцев позвонил в квартиру Векшиной ровно в восемь. По его расчетам в это время она должна уже быть дома. Даже, если она еще не пришла с работы, ему есть о чем поговорить с ее братцем. Хорошо, что он оказался художником. Ярцеву даже

ничего не пришлось придумывать специально, чтобы наладить с мальчишкой контакт. Он посчитал это хорошим знаком. Если с самого начала дело идет, как по маслу, значит, таким же будет и его продолжение. Ярцев это знал по собственному опыту. А еще он был уверен, что гладкое начало любого дела символизирует заинтересованность в нем каких-то иных надчеловеческих сил. Есть они или нет, он не особенно задумывался над этим вопросом. Просто иногда он явно чувствовал проявление в своей жизни чего-то такого, что как будто подталкивало его в определенном направлении. И если он не сопротивлялся и следовал по обозначенной траектории, ему неизменно сопутствовал успех. Вот и сейчас, стоя перед закрытой дверью квартиры Векшиной, его не покидало ощущение, что перед ним раскроется не просто дверь заурядного дивноморского жилища, а ни больше, ни меньше, чем двери самой судьбы.

Наконец эта дверь распахнулась, и в ее проеме появился Дима. Чувствовалось, что он очень обрадовался визиту Ярцева. Дима провел гостя через узкий тесный коридор, и они очутились в небольшой комнате. Мебели в ней почти не было. Только маленький диванчик и небольшой стол в углу. Все остальное пространство занимали картины. Они висели на стенах, стояли на полу,

лежали на подоконниках и на столе. Посередине комнаты расположились два мольберта с начатыми работами.

Дима стал показывать Ярцеву свои полотна. Сначала Ярцев взирал на них отстраненно — равнодушным взглядом. Но постепенно втянулся в этот процесс. Вопреки ожиданиям, картины ему понравились. И Ярцеву на самом деле захотелось некоторые из них купить. Картин у Димы оказалось очень много, и здесь находилась только часть из них. Дима постоянно сновал из этой комнаты в другую, приносил и уносил полотна. Глаза его блестели, щеки покраснелись, видно было, что процесс демонстрации своего творчества доставляет ему огромное удовольствие.

В один из таких моментов в комнату вошла Векшина. Сухо поздоровалась с Ярцевым. Они обменялись парой ничего не значащих фраз, и Ярцев продолжал выбирать картины, делая вид, что он полностью поглощен этим процессом. Хотя, с того момента, как только Векшина появилась в комнате, он сразу утратил интерес к этому занятию. Краем глаза он наблюдал за ней и отметил, что она тоже не спускает с него глаз. Вот только что выражает ее взгляд, он пока не мог понять.

— Вот эту я возьму. Точно. А еще, пожалуй, ту, которую я отложил первой, — обратился Ярцев к Диме, — Принеси-ка мне ее, я еще на нее

посмотрю.

— Это, где шторм на море? — уточнил Дима.

— Да, она мне понравилась с первого взгляда.

— Сейчас принесу, — Дима отправился за картиной в другую комнату, оставив их с Векшиной наедине.

— Я заметила, вам нравится шторм, — Векшина смотрела на Ярцева испытывающим взглядом.

— Вы правы. Не люблю штиль, ни на море, ни в жизни, — Ярцеву понравилось, что она первая вступила с ним в разговор — это был, с его точки зрения, добрый знак. Пока он подыскивал подходящие слова, чтобы заговорить с ней, она сделала все сама. Теперь ему только и оставалось, что направлять их беседу в нужном направлении.

— Люблю, когда штормит, — продолжал он, — Так острее чувствуется ритм жизни. Ту картину я возьму, определенно. Повешу ее в рабочем кабинете. Она будет меня вдохновлять на подвиги.

— На трудовые? — поинтересовалась Векшина.

— Разумеется, а на какие же еще.

— Вы так не любите свою работу?

— С чего вы взяли? Ярцев никак не ожидал, что она подобным образом интерпретирует его слова.

— Судя по тому, что вам требуется вдохновение, чтобы заняться ею, — пояснила Векшина.

— Что поделаешь, если материальная отдача от моей деятельности не достаточно велика, чтобы вдохновляться ею. Приходится искать дополнительные стимулы.

— А может быть, лучше поискать другую работу? — неожиданно предложила Векшина, — Ту, которая придется по душе. Тогда вам не потребуется дополнительная стимуляция.

— Я уже не в том возрасте, чтобы прыгать, как заяц с места на место. — Ему не понравилось, что она приняла его за легкомысленного попрыгунчика, и он решил поднять свой рейтинг в ее глазах, — Я отличный профессионал в своем деле. И мне нравится то, чем я занимаюсь. Просто иногда чувствуется усталость от непонимания руководства, от зависти коллег, которые норовят подставить тебя. Вам этого не понять, Александра Юрьевна. Вы находитесь у руля своего предприятия. А вот мне до вашего состояния не то, что бы, как до луны пешком. Нет. Я почти на вершине, но не на ней все-таки.

— И вас это очень огорчает, — Векшина посмотрела на него понимающим взглядом.

— Скорее раздражает. Знаете, как надоедливый комар. Вроде и вреда от него нет

большого, а не отмахнешься. Он все нудит и нудит над ухом. Пока его не прихлопнешь. Только тогда расслабишься.

— Тогда вам, может, лучше все-таки выбрать картины, где море спокойное, а не мятежное? Может быть, именно они помогут вам расслабиться, — по тону ее голоса, Ярцев почувствовал, что она прониклась его проблемами.

Это хорошо, подумал он, значит она не такая уж и железобетонная эта деловая леди. Больше всего он опасался именно этого, но, похоже, она умеет сопереживать, а значит с ней можно вести задуманную им игру.

— Нет, расслабляться с помощью картин, это не мой стиль. Пусть они меня лучше тонизируют. А вот расслабиться можно и по-другому. В приятной компании, например. — Ярцев решил, что пора в их беседу ввести немного лирических ноток, — Или наедине с прекрасной дамой. Вот я поговорил с вами сейчас и чувствую, что, как будто заново родился. Мне было очень приятно с вами познакомиться, Александра... Юрьевна. Знаете, вы очень красивы, а красивые женщины это большая редкость в наше время.

— Очевидно, вы думаете, что я не вижу красивых женщин на улице и не в курсе, что их плотность — сто красоток на один квадратный сантиметр, — Векшина насмешливо улыбнулась.

Ярцев почувствовал, что его слова не произвели на Векшину того впечатления, какое он ожидал, но он решил, что должен добиться ее положительной реакции во что бы то ни стало.

— Красотка, это еще не красота. Я имел в виду красоту настоящую, а не мнимую, — начал было Ярцев, но довести свою мысль до конца ему помешал Дима. Он появился в комнате в самый неподходящий момент.

— Вы говорили об этой картине? — Дима протянул Ярцеву полотно.

— Именно. Я беру эти две картины. Сколько это будет стоить? — Ярцев понял, что на сегодняшний день его миссия, похоже, исчерпана. Настойчивый звонок в дверь, не позволил ему в этом усомниться.

— Я пойду открою, — Векшина впустила в дверь плечистого крепкого мужчину.

— Привет, — мужчина дотронулся губами до щеки Векшиной.

— Привет. Заходи, — Векшина улыбнулась ему, но тот не заметил этой улыбки. В это мгновение он увидел Ярцева и с удивлением уставился на него. Несколько минут мужчины молча смотрели друг на друга. Наконец, Ярцев направился к двери, попрощался с хозяевами и скрылся из виду.

Света двигалась по дому Виталия механически, как автомат. Она машинально выполняла все привычные для нее действия. Налила в чайник воды, поставила его на плиту. Дождалась, когда вода закипит, и плеснула на дно заварного чайничка кипятком, затем туда же бросила щепотку ароматной заварки. Заварив чай, она подождала немного, разлила его по чашкам и поставила их перед собой и Виталием. Все это время Виталий внимательно наблюдал за ней. Ему было ясно, как дважды два, что его подруга сейчас не с ним, хотя и находится рядом.

Он был прав. Мысли Светы бродили очень далеко. Все последние дни в голове у нее крутилось одно и то же. Она вдруг осознала настоящую потребность изменить свою жизнь. Ей и раньше не особенно нравилось ее унылое и однообразное существование. Но она привыкла так жить. Так жили ее родители, ее подруги, ее коллеги по работе. Все составляющие ее незатейливого мирка крутились вокруг добывания хлеба насущного путем нелюбимого и низкооплачиваемого труда, устройства быта и семейных хлопот, которые отнимали почти все свободное время. Долгое время она довольствовалась этими нехитрыми радостями, не особенно задумываясь над их

целесообразностью. Даже, когда она познакомилась с Виталием, и он начал выводить ее в «свет», ее несколько не огорчал тот факт, что кто-то в этом мире живет совсем другой, более легкой и приятной жизнью, чем она. Все эти светские тусовки и вечеринки, продолжали оставаться для нее, чем-то запредельно-нереальным и совершенно к ней не относящимся. Наверное, так все бы и оставалось, если бы не та поездка, которая круто изменила все ее старые представления о себе и своем месте в этом мире.

Света вспомнила свое первое посещение загородного особняка Виталия, тот шок, то потрясение, которые она перенесла в его стенах. Именно там она поняла, что где-то недалеко, существует совсем другая жизнь. Совершенно отличная от той, к которой она привыкла и которой до сих пор довольствовалась. Но это до сегодняшнего дня. Все с нее хватит. Больше она не будет так жить.

— Я смотрю ты не в настроении. Ну, прости меня, — слова Виталия донеслись до нее откуда-то издалека.

— За что? — очнулась Света.

— За прошлый раз. Извини, что у нас ничего не получилось, — Виталий чувствовал себя виноватым за то, что в их последнюю встречу ему пришлось выпроводить Свету прямо из своей

постели. Именно этим он объяснял ее упорное сегодняшнее молчание.

— Ты то тут причем, — пожала плечами Света, — Это все твой отец. Но ты правильно заметил. Настроение у меня фиговое.

— Я готов искупить свою вину, — бодро начал Виталий, но Света оборвала его на полуслове.

— Да, расслабься. Я на тебя не в обиде, — эти слова Светы резанули слух Виталия. Обычно, это он призывал подругу к расслаблению, а не она его. Его насторожили такие неожиданные перемены в ней. Интуитивно он чувствовал, что в ее голове созрели какие-то планы, которые она пока не хочет озвучивать. Именно эта неизвестность больше всего внушала ему беспокойство.

— Нет, я не могу, когда ты сама не своя.

— Да, своя я, своя. Лучше не приставай ко мне с глупостями, — Света отмахнулась от него, как от назойливой мухи и снова ушла в себя.

— Нет, это не глупости. Это серьезно, когда моя женщина надула губки и смотрит в сторону, — Виталий не на шутку встревожился. Обычно всегда покладистая и веселая Света вдруг озабочена какими-то проблемами. Ему срочно требовалось знать какими именно, иначе он не будет находить себе места.

— Не принимай все на свой счет. Это из-за Глеба. Его заслуга. — Ее слова вернули Виталию

хорошее расположение духа. Больше всего он опасался, что она ему начнет предъявлять какие-то претензии. Но, похоже, его миновала чаша сия.

— Ну, и гад же он, твой муженек. Обидел мою девочку. Иди ко мне, я тебя пожалею, — расслабился Виталий.

— Он меня не обижал. Просто надоело все.

— Он тебе надоел. Понимаю. Но, надеюсь, ты не собираешься из-за этого разрушать свою семью? — Больше всего Виталий боялся именно этого. По своему опыту он знал, что такой момент обязательно наступит, и очередная подружка захочет лишить его свободы, захочет определенности.

— Пока нет, — просто ответила Света.

— Слава Богу. А то ты меня прямо пугаешь, — у Виталия словно гора с плеч свалилась.

— Думаешь, я сейчас начну качать права? — Света как будто прочитала его мысли, — Не бойся, я на твою свободу не покушаюсь. Но мне надоело так жить, как мы живем.

— Что такое? Что за упаднические настроения? — Виталию очень не хотелось вникать в ее проблемы. На него это наводило невообразимую скуку, но Света, похоже, заиклилась на них. Надо было срочно что-то предпринять.

— А знаешь, от этого есть испытанное средство, — вдруг осенило его. Он подошел к бару, достал оттуда коньяк, налил себе и Свете.

— На, прими. Хорошо помогает, — он протянул ей рюмку. Вопреки его ожиданиям Света поставила рюмку на стол, и пить не стала.

— Помогает. На два часа. А потом все по новой.

— Ну, Свет, ну, что тебе не нравится? — Виталий совсем растерялся.

— Мне не нравится безденежье.

— Так тебе нужны деньги? Только и всего? — выдохнул с облегчением Виталий. Наконец-то она озвучила свою проблему. — Сколько? — Виталий достал бумажник и вытащил оттуда несколько крупных купюр. По его расчетам этого должно было хватить, чтобы вернуть ей хорошее настроение.

— Оставь, — Света отвела его руку, — Это хроническое состояние. И твоя разовая подачка не поможет. Я другое задумала.

— Ты хочешь ограбить банк? Чтобы хватило на всю жизнь? — развеселился Виталий.

— Мне не до шуток.

— Тогда что?

— Я хочу открыть свой магазин. По тону ее голоса Виталий понял, что она не шутит.

— Магазин? На какие деньги?

— Я думаю... ты мне поможешь, — немного поколебавшись ответила Света.

— Я? — Виталий просто потерял дар речи. Чего-чего, но этого он от нее никак не ожидал.

— Да, ты, — жестко сказала Света, не терпящим никакого возражения голосом. Такой ее Виталий еще никогда не видел.

3

После того, как Дивноморск был объявлен столицей Олимпийских игр, криминогенная обстановка в городе почти сразу же стала ухудшаться. Жители по-настоящему этого еще не ощутили, но в милиции почти сразу же заметили, как начало расти напряжение. Различный уголовный и около уголовный элемент, подобно перелетным птицам, потянулся в эти края. И это было только самое начало, что будет через несколько месяцев, через год, когда здесь начнется лить проливной золотой дождь? Почему-то мысли об ухудшении криминогенной обстановки у Кравцова неизменно перескакивали на Векшину. Как она справится одна с возросшей опасностью? Легко представить, что ее маленькая гостинца, расположенная в столь чудесном месте, будет привлекать немало охотников, жадных до чуждого добра. И кто знает, на какие поступки они готовы

пойти? А она до конца не понимает или не желает понять, чем это может ей грозить. При всей расчетливости в ее натуре есть и другая сторона, прагматизм в ней уживается с беспечностью, которая только усиливается упрямством. Если она что-то себе внушит, то выковырять это убеждение из ее головы задача почти непосильная. По крайней мере, ему это крайне редко удается. Им надо как можно скорей оформить их отношения. Тогда ему будет легче защищать ее. Тогда он все время будет рядом, к тому же получит законное право вмешиваться в ход событий. А ведь что скрывать, сейчас она почти не слушает его советы. Вернее, советы-то слушает, а вот поступает по-своему. Но как же ее уговорить соединить их судьбы? Пока у него это плохо получается, она постоянно находит какой-нибудь предлог, чтобы оттянуть решение. А в последнее время к тому же вокруг нее крутятся какие-то подозрительные хлыщи.

В этот раз Кравцов решил заехать к Векшиной без особой цели. По крайней мере, начинать очередной серьезный разговор он не собирался. Кравцов помнил завет отца: если тебе женщина нравится, то ты должен любым способом напоминать ей о себе. Поэтому это был в каком-то смысле профилактический визит. И не то, что он уж сильно верил в результативность такого метода, но просто ничего иного придумать не мог. Кравцов

уже подошел к двери квартиры Векшиной, как из нее неожиданно вышел Ярцев. Они едва не столкнулись лбами. Несколько мгновений мужчины оценивающе смотрели друг на друга. Кравцов кожей почувствовал: вот он соперник.

Кравцов посмотрел в открытую дверь и увидел улыбающееся лицо Векшиной. В это мгновение мужчина повернулся к Векшиной.

— До свидания Александра Юрьевна. Было очень приятно познакомиться, — произнес он.

— До свидания, Владимир Александрович, — ответила Векшина.

Кравцову показалось, что ее голос прозвучал излишне проникновенно.

Мужчина стал спускаться по лестнице. Кравцов подошел к Векшиной и поцеловал ее в щеку.

— Как дела? — спросил он.

— Спасибо, все нормально.

А теперь ему показалось, что ее голос прозвучал непривычно сухо.

— Я вижу, что нормально. Вон какой хлыщ к тебе в гости ходит. И чего ему надо? — Кравцов постарался закрутить в свою интонацию как можно больше иронии. Пусть знает, что он не агнец божий и тоже может проявлять характер.

— Он приходил не ко мне, а к Диме.

— К Диме? — не скрыл своего недоверия

Кравцов. — И зачем же он приходил? Что может быть у него общего с твоим братом?

— Он заинтересовался картинами Димы.

— Картинами Димы? Час от часа не легче. С чего бы это?

Векшина пожала плечами. И, как ему в очередной раз показалось, не очень-то и любезно.

— Они ему понравились, — пояснила она. — Разве этого не достаточно. Я всегда была уверена в таланте мальчика.

— Да я вовсе не оспариваю его талант, — пошел на попятной Кравцов. — Вот только...

— Что только? Кравцов на несколько мгновений задумался, пытаясь понять, что ему не нравится во всей этой истории.

— Как-то все неожиданно.

Но его замечание не произвело впечатление на Векшину.

— А в начале все бывает неожиданно. Не вижу ничего странного. Человек увидел, как рисует Дима, ему понравилось. Захотелось что-то приобрести. Кажется, он коллекционирует живопись. — А женщин он случайно не коллекционирует?

— А какой мужчина не коллекционирует женщин. Разве только уж очень больной, — откровенно насмешливо произнесла она.

— По его виду становится понятно, что он

совершенно здоровый, — парировал Кравцов, понимая, что отражает удар не слишком удачно.

— Тебе не кажется, что твоя ревность выглядит неуместно. Я вижу этого человека всего во второй раз. И вообще, мне не нравится сама эта тема. Ты не забыл, что ты не мой муж, а я свободная женщина.

— Забудешь тут такое!

— На этом и завершим эту тему, если ты не возражаешь.

Всегда все этим и кончается, — безрадостно подумал он.

— Я не возражаю, только я бы посоветовал тебе быть осторожней с такими хлыщами. Никогда не разберешь, что у них на уме.

— Я учту твоё пожелание, — уже откровенно сухо проговорила Векшина.

— Эх, поженились бы, как все было бы просто, — не сдержался он.

— Просто для кого?

— Ты опять за свое. — Извини, но мне еще надо поработать. А потому я хочу отдохнуть, в последние дни я что-то сильно устаю.

— Еще бы не устать, если работаешь по пятнадцать часов в сутки.

— А что делать, если дел становится с каждым днем все больше.

Это был почти такой же ясный сигнал, как

милицейский свисток, что ему пора уходить.

— Ладно, я пошел. Если что, сразу же дай мне знать. А хочешь, я по своим каналам узнаю, чем дышит этот хлыщ? — на всякий случай предложил он, почти не веря, что она согласится.

— Пока не надо. Он не дал никакого повода подозревать его в чем-то нехорошем.

— Когда даст, может быть, уже поздно. Кравцов поцеловал Векшину и быстро удалился. И все же, проверить, что это за хлыст, не помешает.

4

Солнце било Ярцеву прямо в глаза, но он все равно пытался не спускать их с Хьюза. А тот, хитрая лиса, почуял, что пахнет жареным — и сразу же примчался. Не так-то легко будет иметь с ним дело, придется приложить массу стараний, чтобы воспользоваться его возможностями. Он-то думал, что легко облапошит этого американца. А теперь надо думать о том, как бы тот не облапошил его самого.

Ярцев отхлебнул из бокала какого-то местного вина, которое им порекомендовал официант этого небольшого ресторанчика, расположенного всего в каких-то пятидесяти метрах от моря. Его шум и запах буквально заполняли все вокруг.

— Не ожидал вас тут увидеть, мистер Хьюз, — сказал Ярцев.

Американец взглянул на своего собеседника и усмехнулся чему-то своему.

— Я люблю все смотреть своими глазами. Как говорят русские: доверяй, но проверяй. Я ничего не перепутать?

— Вы все сказали абсолютно верно. Но что вы скажите о проекте?

— Это есть очень перспективный проект. Настоящий Клондайк. Если сделать все с умом, можно заработать большие деньги.

— Вы сомневаетесь в моем уме? — Ярцев не был обижен, ему было плевать, что думает о нем этот янки, но решил, что сыграть обиженного не помешает.

Хьюз ответил не сразу.

— Я сомневаться в том, что вам удастся завладеть имуществом этой леди.

— Вы говорите о Векшиной?

— Я познакомлюсь с ней, она есть очень уверенная в себе дама. И не намерена расставаться со своим бизнесом. Я бы на ее месте вести себя точно также. Поэтому этот вопрос вызывать у меня сомнения. Как вы собираетесь его решать?

— Не беспокойтесь, я его решу.

— Увы, не могу не беспокоиться. Вы просите профинансировать ваш проект, дать также вам

денег на некоторые расходы. Но я должен понимать, какие у нас есть перспективы. Я ждате от вас разъяснений.

— Я полагал, что вы больше доверяете моим способностям.

— Мы с вами есть деловые люди. А в бизнесе кредитов без залога не бывать. Если я вам предоставлять деньги, я хотеть знать на какие цели? Поэтому я должен знать, в чем состоять ваш план?

Ярцев пожал плечами.

— Она молодая красивая женщина, не замужняя. Провинциалка. Я совсем еще не старый привлекательный мужчина, бизнесмен из Москвы. Вам надо дальше объяснять? Хьюз оценивающе посмотрел на Ярцева.

— Теперь мне становиться кое-что понятным. А что, это, может быть, и сработает. Женщины есть народ непредсказуемый, ваша Векшина может клюнуть на такой крючок. Только наживка должна быть очень качественной. Это не та особа, которая растаять от одного знака внимания.

— Я рад встретить в вас такого большого знатока женщин, — произнес насмешливо Ярцев. — Но и у меня есть солидный опыт в этом вопросе. И я не хуже вас представляю, кто такая Векшина и как к ней следует подкатиться. Я зайду с такой стороны, с которой она не сумеет мне отказать. И, кстати, на эти цели мне требуются

деньги.

— На что именно? — Я должен буду отдавать вам отчет о каждом потраченном долларе?

— Может быть, я еще не решить. Это зависит, как идти дела.

— Хорошо, раз так, объясню. Я хочу купить картины. — Картины? — не скрыл удивление Хьюз. — Вы коллекционировать живопись?

— С некоторых пор. Ее брат рисует картины. И я решил их купить. — Неплохой ход. А вы, в самом деле, есть знаток женских сердец. Завтра на ваш счет будет перечисляться нужная сумма. Желая удачи. Но торопитесь, конкурентов будет много.

— Я постараюсь. А каковы ваши планы?

— Завтра я уезжать. То, что мне нужно, я увидеть. Но я уметь контролировать ситуацию из любой точки земного шара. Так что не советую расслабляться. А сейчас я с вашего разрешения вас покидать.

Хьюз встал и неторопливо направился к выходу. Ярцев провожал его взглядом, пока американец не исчез в разношерстной топе отдыхающих. Затем он налил из бутылки полный бокал и выпил залпом.

— Ну, мы еще посмотрим, кто кого будет контролировать, — пробормотал он.

Ярцев направлялся к дому Векшиной. В бумажнике у него находилась нужная сумма денег, чтобы выкупить выбранные им картины. Если Дима будет дома, он их заберет. Но лучше, конечно, чтобы его дома не оказалось. Ведь он идет сейчас в эту квартиру не ради картин. Цель сегодняшнего визита — наладить контакт с госпожой Векшиной. Желательно, как можно более тесный. Хотя степень тесноты этого контакта Ярцев не планировал заранее. Он решил, что будет действовать по обстановке.

Дверь на этот раз ему открыла сама Векшина. Очевидно, Димы не было дома, как и желал того Ярцев.

— Добрый день, Александра Юрьевна, — поздоровался он с Векшиной, улыбаясь ей одной из самых обаятельных своих улыбок. Но, кажется, его усилия пропали даром. Выражение лица Векшиной осталось безразлично-равнодушным.

— Здравствуйте. А Димы нет дома, — Векшина стояла в узком проеме двери и не двигалась с места. Похоже, она даже не собиралась впускать его в квартиру.

— Я принес деньги и намерен забрать его картины. Вернее уже свои картины, — Ярцев снова улыбнулся.

— Тогда проходите. Картины возьмите в комнате, а деньги оставьте у Димы на столе, — Векшина распахнула двери и пропустила Ярцева в коридор. Решив, что на этом ее миссия окончена, она повернулась спиной к Ярцеву и направилась в свою комнату.

— Нет, Александра Юрьевна, так не пойдет, — Ярцев понял, что она не расположена к разговору и лихорадочно искал способ продолжить беседу, — Деньги, хоть и не очень большие, но и не малые. Я их должен отдать лично в руки вашему брату. Это мое золотое правило. И не только мое. Деньги не прощают нам небрежного отношения с собой. Я заметил это давно. Я не могу их бросить на столе без присмотра, даже на время.

— Но я не знаю, когда Дима придет. Вам надо было предупредить о своем визите заранее, — повернулась к нему Векшина.

— Сознаюсь, это моя оплошность. В Москве я такого не допускаю. Но здесь провинция и мне захотелось побыть немного не столичным жителем, привыкшим жестко планировать свое и чужое время, а просто беззаботным провинциалом. Давно забытые ощущения, они так приятны. — Ярцев не оставлял попыток завладеть вниманием Векшиной.

— Сейчас многие и в провинции живут по ритму несколько не уступающему столичному. — Векшина расценила его настойчивость, как повод,

чтобы задержаться до прихода Димы. Ничего предосудительного в этом она не видела, поэтому пригласила его в гостиную.

— Согласен, — Ярцев продолжал развивать затронутую им тему. — Скоро человеку нигде не будет покоя. Все сплошь и рядом будут заниматься бизнесом или делать деньги любыми доступными способами. Только творческие люди, такие, как ваш брат, будут еще относительно свободны от этой напасти.

— Тогда становитесь творческим человеком, если вас так напрягает ваш напряженный трудовой ритм, — посоветовала Векшина.

Ярцев оценил ее ответ по достоинству. Ему всегда импонировала способность людей отделять зерна от плевел. Похоже, эта леди умеет моментально находить конструктивные решения.

— Я вас вижу, второй раз, Александра Юрьевна, и вы второй раз советуете мне сменить профессию. Похоже, что вы привыкли очень решительно действовать в жизни.

— Да, всего, что я в этой жизни добилась, это исключительно лишь моя заслуга. И для этого мне пришлось быть очень жесткой, — подтвердила Векшина догадку Ярцева.

— Но ведь жесткость это совсем не женское качество. Оно не красит женщину, даже самую красивую. Даже такую привлекательную, как вы.

— Вы находите, что жесткость мне совсем не к лицу? — поинтересовалась Векшина.

Ярцеву хотелось вызвать Векшину на откровенный разговор, чтобы яснее иметь представление об ее характере. Он был уверен, что в беседе с ним, она не будет хитрить или лукавить. То, что она человек предельно прямолинейный, ему стало ясно довольно быстро. Достаточно было перекинуться с ней несколькими фразами, чтобы сделать подобные выводы. Вот только насколько далеко она готова идти в своей откровенности? Если найти к ней правильный подход, то возможно ему удастся узнать о ней как можно больше нужной ему информации. И Ярцев старался.

— Сейчас вам все к лицу, но время безжалостно, оно найдет способ оставить свои отметины и на вашем лице. Я видел много деловых женщин. Со временем они все больше становятся похожими на мужчин.

— Что делать. У меня нет другого выхода. Надо поднимать брата. Он талантливый мальчик. Я не хочу, чтобы он забросил любимое дело ради хлеба насущного. Я хочу, чтобы он продолжал учиться живописи, а для этого нужны деньги. А, чтобы выставляться на выставках, тоже нужны средства и немалые.

— Для этого можно найти спонсора, — Ярцев порадовался про себя, что разговор принимает

нужный ему оборот. Ему только и остается, как опытному капитану, направлять корабль этой беседы в нужное русло.

— Его еще искать надо. Да и зачем, когда есть я. У меня получается зарабатывать деньги, у Димы рисовать. Пусть каждый занимается своим делом, — простодушно ответила Векшина, не подозревая подвоха.

— Да то-то и оно, что такой сложный бизнес, как ваш совсем не женское дело.

— Я уже сказала, у меня нет другого выбора.

— Такого не может быть. Выбор есть всегда, надо просто его увидеть.

— Очевидно, я слепа и не вижу другого выбора.

— А я вижу его для вас. Со стороны ведь всегда виднее, — Ярцев ликовал. Как он ловко закинул наживку. Ей только осталось заглотнуть ее. А вот в этом он уже был не уверен. Но это и не беда. Главное, что ему сейчас, вроде как бы случайно, удастся забросить семена своих идей в ее голову. Ну, а потом он придумает, как сделать так, чтобы они в конце концов дали всходы и проросли.

— Интересно, что же вы такого увидели. Вы меня интригуете, — Векшина не на шутку заинтересовалась.

— Все просто, как все гениальное, — Ярцев сделал небольшую паузу, дождался, когда в ее

глазах загорелся огонек нетерпения и с достоинством продолжил, — Вам надо найти достойного партнера для своего бизнеса. Мужчину. Все-таки бизнес это больше мужское дело, чем женское. А самой отойти на второй план. Позволить себе больше наслаждаться плодами вашей совместной работы. Со временем вы можете вообще отойти от дел, когда увидите, что на вашего партнера можно полностью положиться.

— Я бы могла полностью положиться на такого партнера, но только если бы он был близким мне человеком. Моим братом, например. Но у Димы иное предназначение, — слова Ярцева разочаровали. Векшину.

Она надеялась, что сейчас услышит нечто достойное своего внимания. А вместо этого получила банальный совет. Уж не себя ли он пророчит на место ее партнера? Какая неприкрытая наглость!

— Таким человеком может стать ваш муж, — Ярцев многозначительно посмотрел на Векшину.

— Увы, у меня нет мужа, — ей стало ясно куда он клонит.

— Но это же не будет длиться вечно.

— У меня есть любимый человек, но у него нет склонности к бизнесу. И потом, я в ближайшее время не собираюсь за него замуж.

— Это хорошо, — просиял Ярцев.

— А вам-то, что хорошего в этом.

— Значит, у меня есть шанс.

— Какой шанс, о чем вы? — хотя ей уже все было предельно ясно.

— Шанс стать вашим мужем.

— Что? — возмутилась Векшина.

— Не обижайтесь, это всего лишь шутка, — Ярцев подумал, что он немного поторопился с таким заявлением. И в то же время он не хотел, все полностью переводить в шутку, поэтому он позволил себе небольшое уточнение: — Но в каждой шутке есть доля правды.

6

В последнее время спать Векшиной приходилось не больше шести часов. Спасало от хронического недосыпания лишь то, что сон был очень крепкий. Едва голова касалась подушки, как она тут же проваливалась в какую-то темную пропасть. Выбиралась она из нее только под утро, когда внезапно вскакивала с постели и мчалась в ванную, где окончательно прогоняла остатки сонливости душем из ледяной воды. Причем, чтобы вставать столь рано, ей даже не нужен был будильник, у нее было такое ощущение, что этот прибор вмонтирован в ее мозг и в нужный момент подавал сигнал.

Раздавшийся сигнал мгновенно поднял Векшину с кровати и знакомой дорогой, даже не отрывая глаз, она устремилась в ванную. И внезапно остановилась. Она вдруг осознала, что этот сигнал поступил не из ее головы, а извне. Она открыла глаза и посмотрела в окно. Обычно она вставала тогда, когда на небе густую темноту уже прорезали, словно ножом, первые светлые полосы. Но, судя по плотности мрака на улице, до них было еще далеко. Это звонит телефон, наконец, догадалась она. И ей тут же стало не по себе. В такой час этот аппарат обычно приносит только неприятные известия. Что ж может на этот раз? Дима дома. Что-то случилось в гостинице?

Она подошла к телефону и осторожно, как берут в руку ядовитую змею, подняла трубку.

— Алло? Кто говорит? — Однако ей ответило только молчание. И все же Векшина не сомневалась, это не ошибочный звонок и на том конце провода ее внимательно слушают. — Почему вы молчите?

Внезапно она услышала мужской голос.

— Много ты о себе думать стала в последнее время. Это напрасно. Я бы тебе посоветовал быть скромней.

Нет, это не розыгрыш, и не чья-то глупая шутка. Это гораздо хуже, подсказала ей интуиция.

— Кто это говорит? — спросила она, не

слишком надеясь получить ответ на свой вопрос.

— Кому надо, тот и говорит. Хочу тебя предупредить, ходишь ты по краю лезвия.

У нее екнуло сердце. Но она попыталась говорить спокойно.

— Что за край, о чем вы говорите? Если не представитесь, я бросаю трубку.

— Не советую. А представляться мне не надо, я говорю сразу от лица многих. Очень много людей тобою недовольны.

— Говорите конкретно, кто мною недоволен, — произнесла она, отчетливо понимая, что все ее вопросы абсолютно бессмысленны.

— Я же сказал: многие, — упрямо гнул свое мужской голос. — Думаешь, ты тут королева. Зря думаешь. Я тебе дам хороший совет, если будешь ему следовать, ничего ни с тобой, ни с кем-то еще не случится.

— Вы мне угрожаете?

— Я даю тебе совет, — настойчиво произнес мужчина. — А совет простой. Не будь упрямой, будь уступчивой. Если тебе кто-то что-то хорошее предлагает, соглашайся. Тогда и тебе и всем другим будет лучше. Ты поняла? — Если вы думаете меня запугать, то ошибаетесь, я не из пугливых.

Впервые голос зазвучал откровенно насмешливо.

— Сейчас не из пугливых, а будешь из

пугливых. Не доводи себя до состояния, когда будешь бояться любого шороха. Надеюсь, ты поняла.

Векшина хотела сказать что-то резкое, но в трубке вдруг забарабанили гудки. Векшина продолжала стоять неподвижно. Она не только ощущала, но и слышала, как громко билось сердце. Она почти не сомневалась, что это вовсе не отдельный звонок, а начала целой кампании, кампании, направленной против нее. И все самое худшее и страшное еще впереди.

Внезапно она бросилась в соседнюю комнату, где спал Дима. Несколько минут смотрела на спящего брата, затем тихо, стараясь не потревожить его, вышла в коридор. Подошла к входной двери и тщательно проверила все замки. И только после этой инспекции, вернулась в комнату и снова легла на кровать. Хотя она никогда не спала при свете, люстру решила не выключать. Она не должна думать об этом ночном звонке, иначе эти мысли начнут разрушать ее психику. Этого как раз они и добиваются. И назло им, не пройдет и пяти минут, как она снова заснет. И через пять минут она, в самом деле, уже спала.

7

Зыкин положил в карман телефон и

повернулся к Наумову.

— Ну, как, я ее прокрутил? — самодовольно спросил Зыкин Наумов покровительственно похлопал его по плечу.

— Молодец, сразу видно профессионала.

Зыкин откликаясь на этот жест, захихикал.

— Она, поди, сейчас от страха писается. И главное, что ничего не поняла. От этого еще ужасней.

— Этого-то мы и добивались. Пусть помучается от неизвестности. Посмотрим, как на ней это скажется.

— А если она не станет сговорчивей после нашего звонка?

— Еще раз позвоним, только на этот раз поговорим уже по-другому, жестче, — снисходительно объяснил Наумов. Так что готовься на всякий случай к новому разговору с нашей барышней. Все дело в том, что у нас мало времени. Надо готовиться к главной операции. Ты меня понял?

— Чего ж, не понять. Не дурак же, — с обидой произнес Зыкин.

— Надеюсь, что не дурак.

Однако Наумов в этом был далеко не уверен. Зыкина он знал по зоне, их нары были по соседству. Тот был осужден за вооруженный разбой. Причем, попался по глупости, потерял нож весь

испещренный его пальчиками. По отпечаткам и вычислили, словно бы на шахматной доске решили задачу.

Наумов привлек Зыкина в надежде, что тот послушно будет выполнять все его приказания. И пока Зыкин оправдывал возложенные на него надежды. Но вот в его уме и вообще в способностях он сомневался. Из него самодовольство так и прет, как пух из подушки. А Наумов по опыту знал, что самодовольство ни одного фраера сгубило. И как бы им всем из-за Зыкина не погореть.

8

Виталию было беспокойно. Из головы никак не шел последний разговор со Светой. Как только он услышал, что она от него хочет, он тут же постарался свернуть этот разговор на нет. Хорошо, что она не стала дальше развивать его. Позже, когда он мысленно возвращался к этой теме, ему пришло в голову, а что если это все было несерьезно. Может, она просто испытывала его? Ведь женщины так любят всякие провокации. Ему приходилось сталкиваться с этим и не раз. С каждым днем он все более и более укреплялся в правильности этой мысли. Если бы он ошибался, Света бы уже давно позвонила ему и напомнила о той беседе. Но прошло почти три недели, а она как в воду канула.

Виталий сам разыскал ее и пригласил отдохнуть на яхте. И она снова даже словом не обмолвилась о том, что его тревожило. У Виталия отлегло от сердца. И все же червячок сомнения нет-нет, да поднимал свою голову.

Виталий и Света обедали на борту яхты. Погода выдалась на редкость замечательная. Стоял солнечный летний полдень. Яхта мягко покачивалась на волнах, а легкий ветерок приятно обдувал лица. Виталий откинулся на спинку кресла. Ему было хорошо. Вот только Света, похоже, вновь была где-то далеко.

— Свет, а Свет, — Виталий постарался ее отвлечь от своих мыслей.

— У-у, — его попытка не привела ни к какому результату. Света по-прежнему была сосредоточена на чем-то своем.

— Проснись. Еще немного и твоя голова упадет прямо в тарелку.

— Не упадет.

— Свет, ну мы же не на кухне сидим. Ты посмотри вокруг, — Виталий не понимал, как можно оставаться равнодушной к окружающему пейзажу. Даже его, человека не очень эмоционального, впечатляла эта красота.

— Красиво. Как в заграничных фильмах, — ответила она бесцветным голосом и снова погрузилась в себя.

— Ну, так вот. Радуйся жизни. А то сидишь какая-то скучная.

— Не скучная, а сосредоточенная, — наконец очнулась Света. Ее взгляд стал осмысленным, а лицо приобрело свое обычное выражение.

— Ты сосредотачивайся на работе, а здесь отдыхай, — Виталий, как можно скорее хотел видеть перед собой прежнюю Свету, легкую и раскованную в общении, а не отягощенную непонятными проблемами. Меньше всего он хотел вникать в чужие трудности. Даже, если это были трудности любимой женщины.

— А я уволилась, — Света посмотрела на Виталия. Ей было интересно, как он отреагирует на ее слова.

— Как? А почему мне ничего не сказала? — у Виталия от ее слов засосало под ложечкой. Каким-то седьмым чувством он уловил, что сейчас услышит что-то малоприятное для себя.

— Сказала.

— Когда? Не помню.

— Только что.

— Ну, и чем ты теперь думаешь заниматься? — Виталий напрягся. Он уже не сомневался, что сейчас состоится продолжение того неприятного разговора, который лишил его покоя три недели назад.

— Я тебе говорила уже. Разве ты забыл?

— Не помню, — тянул он время. Хотя уже прекрасно понимал, к чему она ведет.

— Не помнишь или не хочешь помнить? — Света повысила голос.

— Да, не помню я! — почти выкрикнул Виталий.

— Я же говорила, что хочу открыть магазин, — продолжила Света уже более миролюбиво.

— Я думал, это шутка.

— Нет, Виталий, я не шутила. Я тоже хочу жить по-человечески. Как ты. А на своей работе я не то, что на машину, даже на велосипед не зарабатую. Уж не говоря о яхте, — голос ее задрожал, а на глаза навернулись слезы.

— Ну, ты знаешь, яхта это ведь вещь не первой необходимости в нашей жизни, да и машина тоже. Сейчас гораздо удобнее пользоваться метро. Не будешь париться в пробках, — Виталий понимал, что его попытки образумить ее, выглядят жалко. Но просто так сидеть и ничего не предпринимать, он тоже не мог.

— Не надо, Виталий, я уже все решила. Даже уволилась с работы, чтобы не было пути назад.

— Но ведь открыть магазин, это не так просто. Надо столько всего собрать, разрешение на торговлю, всякие там разрешающе-позволяющие бумаги.

— Я как раз этим и занимаюсь сейчас. Но это не главное. Бумаги я соберу, это все дело времени. Проблема в другом. Мне нужны деньги. А денег у меня нет, — Света сделала акцент на последних словах и выразительно посмотрела на Виталия.

— Что ты на меня так смотришь. Если ты думаешь, что у меня они есть, то ошибаешься. Я гол, как сокол.

— Я вижу, — Света обвела глазами яхту.

— У меня все в недвижимости, в ценных бумагах. А наличных у меня нет, — Виталий не лгал. Все на самом деле так и было.

— Деньги можно взять в банке. В кредит. Сама я не могу взять, я безработная. А у тебя стабильная и достаточная для погашения кредита зарплата, — чувствовалось, что она уже обстоятельно продумала все возможные варианты.

— Ты хочешь, чтобы я взял кредит для тебя? — то, что он больше всего боялся, все-таки произошло.

— Да. А, что тебя смущает, — Света в упор смотрела на Виталия немигающим взглядом, как следователь на допросе.

— Ну, это как-то неожиданно. Я не привык...,- замялся он.

— Ты же говорил, что любишь. Вот тебе и способ доказать свою любовь. Или ты мне лгал? — Света продолжала напирать на Виталия, как танк.

— Нет, я могу еще раз тебе повторить, что люблю, — Виталий чувствовал, что она его прижала к стенке.

— Тогда оформляй кредит. Кстати, я узнавала, банки охотнее дают деньги под залог имущества. Под машину, ценные бумаги или яхту, например. Яхта-то твоя или отцовская? — поинтересовалась она.

— Моя.

— Ну, вот видишь, как все удачно складывается. Возьмешь деньги под яхту и дело в шляпе. Я ведь тебе эти деньги верну, ты не думай. Вот только раскручусь. По моим расчетам через годик начну тебе отдавать потихоньку. Ну, так как? Договорились? — вопрос Светы повис в воздухе без ответа.

— Я хочу знать, договорились мы или нет? — Света повторила свой вопрос голосом, не предвещающим ничего хорошего.

— Договорились, — выдавил из себя Виталий через силу.

9

Кравцов так гнал свою машину, что проехал на красный свет. Как на грех его засек пост ГАИ. Пришлось останавливаться и объясняться. Конечно, по большому счету ему плевать на такие мелочи.

Но все же неприятно.

Он ворвался в квартиру Векшиной.

— Что случилось, Саша?

Векшина ответила не сразу, и Кравцов успел заметить, что она непривычно бледна и сосредоточена.

— Мне сегодня ночью звонили. Но это ерунда, я напрасно тебя позвала. Просто в первые минуты я немного испугалась. Но теперь я уверена, что это всего лишь злая шутка. У меня немало недоброжелателей в городе. Вот кто-то из них и решил так развлечься.

Кравцов недоверчиво покачал головой.

— А если это не шутка? Расскажи, что за голос, что он говорил. Векшина нахмурилась. Было видно, что говорить на эту тему ей было неприятно.

— Голос, как голос, мужчина, довольно молодой. Вряд ли отмечен большим интеллектом. Но и нельзя сказать, что какой-то хам или дурак. Он говорил вполне гладко.

— Он тебе угрожал?

— В общем, да, но завуалировано. Мне показалось, что он хотел просто вывести меня из себя. Чем больше я вспоминаю разговор, тем сильнее прихожу к этому выводу.

— А если в этом и заключался его коварный план, — возразил Кравцов, — он хотел, чтобы ты именно так думала. Я бы на твоём месте отнесся ко

всему более серьезней.

Векшина внимательно посмотрела на Кравцова.

— И что же я должна, по-твоему, делать?

— Ты должна обрести надежную защиту. Сейчас же ты совершенно беззащитна. Мало что может случиться. В городе сейчас, как никогда много приезжих. И никто точно не знает, с какими намерениями они к нам приезжают.

— Но что я могу сделать, у меня нет денег, чтобы нанимать целую толпу гладиаторов для собственной охраны. Неужели у кого-то поднимется рука на беззащитную одинокую женщину?

— Еще как поднимется, — тоном, не вызывающим сомнения, произнес Кравцов.

— Знаешь, Паша, если я буду всерьез, как ты говоришь, обращать внимание на каждый такой звонок, я вынуждена буду бросить свой бизнес. А именно этого они и добиваются. Так вот они не дождутся.

— Напрасно ты так легкомысленно относишься к этому звонку. А если это начало целой кампании против тебя? Векшина на секунду задумалась. А ведь она вначале тоже так подумала.

— Нет, не думаю, это уж слишком.

— Мне не нравится твое отношение к этому всему. Тебе нужна надежная защита. Я это не

устану повторять. Если бы я мог жить тут постоянно, ты была бы в безопасности.

— И в каком статусе?

— Ты знаешь.

— И ты знаешь. Этот вопрос я отложила до лучших времен.

— Знать бы, когда они наступят, — вздохнул Кравцов. — Пока я вижу, что скорей наступают худшие времена.

— До тех пор я не решу, что пора выйти за тебя замуж, никакие ночные звонки или другие угрозы меня не заставят это сделать. Они еще не знают, какой я могу быть упрямой. Когда мне угрожают, я всегда поступаю именно так, как эти люди не хотят.

— Ты сильно рискуешь.

— Лучше бы ты по своей линии как-нибудь выяснил, кто этот мой ночной собеседник.

— Я постараюсь что-то сделать, но думаю, это будет очень трудно. Мы имеем лишь один ночной звонок. Я, конечно, проверю, с какого телефона он был сделан, но вряд ли они так глупы, чтобы позволить это выяснить. Наверняка позвонили с мобильного и выкинули его. А мобильный, скорей всего, краденный. Сейчас это распространенный прием.

— Спасибо тебе, Паша, за то, что ты приехал. Поверь, я это очень ценю, как и твои советы.

— Боюсь тебя огорчить, но у меня есть предчувствие, что совсем скоро последует продолжение. Вот только какое? Прошу тебя, будь осторожна, не возвращайся поздно одна. Старайся все время быть на людях. И дома запирай все двери и окна.

— Хорошо, я учту твои пожелания, — впервые за весь разговор Векшина улыбнулась. Правда, улыбка продержалась на лице всего какую-то секунду.

— Я поехал. Дел по горло.

— До свидания, Паша. Я рада, что ты у меня есть.

— А я бы радовался, если бы ты была бы у меня. Пока.

Кравцов вышел из квартиры, не обернувшись на последок

10

Виталий подъехал к банку в скверном настроении. Сегодня должно все решиться: дадут ему кредит или нет? Было бы лучше, если бы не дали. С каким бы удовольствием он сообщил об этом Свете. Он даже представил, какое у нее при этом будет лицо. С него бы тогда были взятки гладки. А вот, если он получит положительный ответ...

Виталий даже слегка застонал, как от зубной боли. Ну, почему, почему он такой бесхарактерный? Пошел на поводу у Светы. Теперь в его жизни из-за этого возникнет куча проблем. Нужно будет регулярно рассчитываться по кредиту. А если об этом узнает отец? Даже представить страшно, какая у него будет реакция. Хотя..., первый раз что ли. Выкрутится как-нибудь. Виталия больше всего удручало другое. Ему не нравилось, что Света проявила такую настойчивость и дожала все-таки его. Не ожидал он от нее такого напора. Кто бы мог подумать, что эта тихая и скромная девушка превратится в такую несговорчивую. Ведь он в свое время остановил на ней свой выбор из-за ее покладистости. Он так устал от женщин, которые пытались из него веревки вить. Всем им, рано или поздно, становилось от него что —нибудь, да нужно. Основная масса хотела денег. Попадались правда такие, которые долгое время прикидывались бесребреницами. Но, как он потом понимал, это была их хорошо продуманная стратегия. Когда они видели, что он уже крепко сидит на крючке, тогда и начинали действовать. Все их требования носили в основном меркантильный характер. Кто-то хотел бриллианты, кто-то шубу, кто-то машину. Те, кто поумнее, хотели за него замуж. Они понимали, что при таком раскладе получили бы все сразу, полным

пакетом. Хотя, все эти дурочки, были столь нетерпеливы, что практически сразу раскрывали свои карты. Надолго у них не доставало терпения. А еще не хватало мозгов, чтобы понять, что он, Виталий, ценит свою свободу на вес золота. И ни за что и никогда не променяет ее ни на какие блага мира. А уж на жену, тем более. Виталий сразу же без сожаления расставался с такими. А вот Света оказалась хитрее их всех. Она два года была тише воды, ниже травы. Всем и всегда довольна. И вот на тебе. Нанесла такой удар. Прямо из-за угла. В то время, когда он окончательно расслабился и не ожидал от нее никакого подвоха. Он даже не смог отказать ей! Вот теперь приходится пожинать плоды своей бесхарактерности.

Виталий зашел в помещение банка. Направился к нужному окошечку. Из его овального проема ему улыбнулась служащая.

— Моя фамилия Яхонтов. Я оставлял заявку на предоставление кредита. Как решился мой вопрос? — обратился к ней Виталий.

— Сейчас посмотрим, — девушка застучала наманикюренными пальчиками по клавишам компьютера, — Яхонтов Виталий Юрьевич. Поздравляю вас. Ваш вопрос решился положительно. Банк готов предоставить вам кредит, — лицо девушки освещала лучезарная улыбка.

— Отлично. Значит, я не ошибся, обратившись именно к вам, — на душе у Виталия стало муторно, как после перепоя.

— Мы всегда рады хорошим клиентам. А то, что вы надежный клиент, мы убедились, проверив вашу кредитную историю. У вас безупречная репутация, Виталий Юрьевич. Глядя, на нее, казалось, что это не Виталию дают кредит, а она выиграла в лотерею точно такую же сумму. И почему они всегда так слащаво улыбаются. Прямо так и тянет сказать им какую-нибудь гадость.

Но вместо этого Виталий выдавил из себя:

— Я всегда плачу вовремя по своим счетам. Можете мне доверять.

— Мы доверяем только фактам. А они в вашу пользу, — девушка стала вдруг серьезной.

— Замечательно. Значит, я могу оформить кредит прямо сейчас? — уточнил Виталий.

— Да. Можете оформлять кредитный договор. Сейчас я подготовлю бумаги, которые нужно заполнить, — девушка отвернулась от него и уставилась в монитор.

Наконец, когда все документы были оформлены, Виталий получил возможность покинуть банк. Ему, как можно скорее хотелось оказаться на улице. После всей этой процедуры он чувствовал себя усталым и разбитым. Требовалось срочно что-то предпринять, чтобы повисить себе

настроение.

Виталий достал телефон и набрал знакомый номер.

— Алло, Свет. Привет, — он постарался придать голосу оттенок непринужденности.

— Привет. Ты где?

— Я только что из банка.

— Ну и как успехи?

— Все нормально. Можешь считать, что деньги у тебя уже в кармане, — бодро отрапортовал Виталий.

— Ух, ты. Здорово. Не знаю, как теперь тебя и благодарить, — захлебнулась от восторга Света.

— Отблагодаришь. И сама знаешь как. Можешь начать благодарить прямо сейчас, — многозначительно проговорил Виталий. После сегодняшнего дискомфорта ему хотелось расслабиться.

— Хорошо, я подъеду. Моя благодарность не будет знать границ.

— Вообще-то, если по справедливости, то ты должна в первую очередь благодарить моего отца, — Виталий захотел, чтобы она знала, кому обязана сегодняшнему успеху.

— А его-то за что? — удивилась Света.

— За то, что он вовремя рассчитывался по моим счетам. Я ведь уже брал кредиты на разные нужды и не раз. И если бы отец вовремя их не

погашал, ты бы осталась сейчас без денег, крошка, — пояснил Виталий.

— Значит, я скажу спасибо твоему отцу.

— Не вздумай даже. Если отец узнает об этой афере, он меня убьет, — переполошился Виталий.

— Мог бы тогда об этом мне не говорить.

— Это я тебе так сказал, на всякий случай.

Чтобы ты ценила старика.

— Да, ладно, все будет шито-крыто. Буду молчать, как рыба. Так что поживешь еще, — успокоила его Света.

11

Весь день Векшина старалась не вспоминать о ночном звонке. К тому же он так плотно был утрамбован делами, что думать о чем-то постороннем, вроде бы не было и времени. Но в самый неожиданный момент память снова и снова возвращала ее к тому разговору. И тогда она начинала нервничать, все валилось из рук. И приходилось использовать весь запас душевных сил, чтобы успокоиться и вновь приняться за работу.

Векшина думала, что постепенно будет успокаиваться. Но к вечеру ее тревога, наоборот, только возросла. Невольно на ум все настойчивей стали приходиться слова Кравцова о том, что она

одна и без защиты. А ведь он прав, в этом жестоком мире разве можно не иметь покровителей и при этом надеется на успех. Кто ведь она по сути дела? Да, по большому счету никто. Благодаря огромным усилиям пробилась наверх, создала этот мир, который ее окружает и приносит ей не только деньги, но и большую радость, придает смысл существованию. Но только сейчас она по-настоящему начинает осознавать, насколько хрупко все, что она построила. И если найдется некто достаточно могущественный и напористый, кто захочет все это разрушить до основания, у него будет немало шансов добиться поставленной цели. Векшина почувствовала такое волнение, что оставаться далее в кабинете больше не могла. Она спустилась вниз в ресторан. Ей нестерпимо хотелось немедленно убедиться в том, что ее дело живо, что оно по-прежнему дышит полной грудью.

Ресторан встретил ее симфонией привычных звуков: игрой ансамбля, громкими голосами посетителей, перезвоном приборов. К ней подошел администратор ресторана Василий. На его лице сияла откровенно радостная улыбка.

— Столько народа у нас еще никогда не было. Поздравляю вас, Александра Юрьевна.

Векшина тоже улыбнулась в ответ.

— Ты прав, так приятно смотреть на все это. Мы становимся по настоящему популярными.

Знаешь, я подумала, что пора начать реконструкцию ресторана. У меня уже есть кое-какие идеи. Во-первых, мы его расширим почти вдвое. А во-вторых, сделаем абсолютно новый дизайн, можно в древнерусском стиле. Ведь скоро сюда народу понаедет со всего мира, они должны почувствовать наш особый национальный колорит. Как ты смотришь на мои предложения?

— У вас, Александра Юрьевна, не голова, а настоящий фонтан идей. Это будет здорово. Народ к нам так и повалит.

— Чувствуешь перспективу?

— Еще бы не чувствовать. Запах денег самый приятный, он приятней даже аромата самых изысканных блюд.

Хотя настроение у Векшиной было не самым радужным, она все же засмеялась.

— Я могла бы с этим поспорить, но не буду. — Внезапно она насторожилась.

— Посмотри, а это кто такие?

На пороге ресторана появилась группа крепких молодых парней. Одеты они были в черные брюки и в черные рубашки, на которых болтались какие-то металлические предметы. Вели они себя нагло, все дружно курили, а затем также дружно, словно бы по команде, бросили сигареты на пол. А затем плотной стеной двинулись прямо на танцующих. Тех, кто попадался им на пути, они

грубо отшвыривали, как ненужные вещи. Раздалось сразу несколько возмущенных голосов.

— Василий, немедленно позвони в охрану, — приказала Векшина. Вот и сбылись ее опасения, те, ночные угрозы оказались не пустым звуком. Эти ребята сразу же принялись за дело.

Василий юркнул в буфетную и стал звонить по телефону. И буквально через минуту в ресторан вбежали два охранника. Векшина устремилась им на встречу.

— Выгоните их, — показала она на группу молодчиков в черном.

Охранники направились к хулиганам и попытались их утихомирить. Те же тут же набросились на них. Завязалась драка, однако силы оказались совершенно не равными. Не прошло и полминуты, как с разбитыми лицами охранники уже лежали на полу.

— Ребята, громи все! — закричал Зыкин.

Погромщики, более не встречая противодействия, почти мгновенно разбрелись по ресторану. Начался самый настоящий погром. Стулья, столы превращались в груды обломков, а дорогая посуда в бесчисленное количество осколков. Посетители с криком стали разбегаться, однако часть из них оказывалась на пути хулиганов и те провожали их улюлюканьем и ударами. У некоторых из них показалась кровь.

Все действие продолжалась каких-то несколько минут. Хулиганы, разгромив помещение, исчезли так быстро, как будто бы их и не было. Однако следы их пребывания в ресторане были повсюду — не осталось ни одного целого стола и стула, а весь пол был усеян обломками мебели вперемежку с остатками еды.

Потрясенная Векшина с ужасом смотрела на то, что осталось от ресторана. Она успела поймать себя на мысли, что вот-вот забьется в истерике. И лишь в самый последний момент сумела заглушить в себе этот могучий импульс. Она должна во что бы то ни стало сохранять спокойствие. Глаза Векшиной отыскивали единственно уцелевший стул. Она села на него и стала внешне невозмутимо осматривать помещение. Восстановление ресторана обойдется ей в кругленькую сумму, отметила она.

Вокруг нее собрался персонал. Она отыскала взглядом Василия. Таким бледным она его еще никогда не видела.

— Василий, пожалуйста, расставь людей, чтобы через час ничего этого тут не было, — спокойно приказала она. — А завтра мы составим смету на ремонт зала. Я могу на тебя положиться?

— Да, Александра Юрьевна, — ответил Василий.

Векшина видела, что эти слова даются ему с трудом. Ничего, скоро придет в себя, подумала она.

— Значит, ты тут приводи все в порядок, а я поеду домой. Спать что-то хочется.

Векшина встала и направилась к выходу. Она старалась идти спокойно, так как знала, что все до одного смотрят ей в спину. И только сев в машину, дала волю чувствам. Ее буквально душила ненависть к этим подонкам.

— Я вам все равно не покорюсь, — крикнула она в темноту и тронулась с места.

Глава 4

1

В дверь постучали. Векшина вздрогнула и очнулась от своих мыслей. Она посмотрела на часы. Стрелки показывали без четверти двенадцать. Она пришла в отчаяние. Значит, она полчасика просидела, уставившись в одну точку. Несомненно, потрясение вчерашнего вечера было слишком велико.

— Добрый день, Александра Юрьевна. Я не помешаю? — в проеме двери показался Ярцев.

— Здравствуйте, Владимир Александрович. Вам, наверное, нужен Дима. Он сейчас в саду, работает. Ищите его там, — Векшиной было сейчас не до праздных разговоров, и она надеялась, что Ярцев явился не по ее душу.

— Нет, на этот раз я пришел непосредственно к вам, — огорчил ее Ярцев.

— Извините, Владимир Александрович, но у меня много дел. Мне сейчас не до разговоров. Давайте, как-нибудь в следующий раз поговорим, — постаралась она избавиться от Ярцева, который был так не к стати.

— А я и пришел к вам, как раз, по делам. У меня к вам деловое предложение.

— Деловое предложение? Какое именно? — из вежливости спросила Векшина, желая только об одном: чтобы он, как можно скорей удалился.

— Я слышал о вчерашнем погроме в вашем ресторане. Вернее сказать, я видел все собственными глазами. Я только что из ресторана. Примите мои самые искренние соболезнования.

— От ресторана ничего не осталась. Его разнесли в щепки. Самое ужасное, что все это произошло на моих глазах. И я ничего не могла сделать, — дрогнул голос у Векшиной.

— Я предупреждал вас о том, что бизнес не женское дело. Теперь вы видите, что это еще и опасное дело.

Векшиной показалось, что он даже доволен, что его слова, так быстро нашли свое подтверждение на практике.

— Никто не застрахован от нападения пьяных хулиганов. Вас, как частное лицо, точно так же

могут ограбить или избить на улице. Так что ж теперь, из дома не выходить?

— Нет, конечно. Но, занимаясь бизнесом, вы попадаете в группу риска. А в ней опасность подвергнуться насилию более высока, чем у обыкновенного гражданина.

Векшина чувствовала, что ему просто не терпится вбить эту мысль в ее голову.

— Я не живу по принципу — волков бояться в лес не ходить. Я и волков не боюсь, и в лес иду без опаски, — жестко ответила она.

— Вы очень смелая женщина, но осторожность никогда не помешает. Вы должны сделать выводы из произошедшего, — продолжал гнуть свою линию Ярцев.

— В первую очередь я должна, как можно быстрее восстановить ресторан, — перевела Векшина разговор в другое направление.

— Это очень дорогостоящее мероприятие, — заметил Ярцев.

— Вы правы, мы с бухгалтером только что обсуждали смету предстоящих расходов. Сумма огромная. Придется влезать в долги.

— О, я представляю, что такое быть должником. Врагу не пожелаешь. А уж такой женщине, как вы, быть должницей... Это может плачевно сказаться на вашем здоровье. Нервные стрессы выматывают похлеще затяжной болезни, —

Ярцев постарался произнести эти слова, как можно более равнодушно. Но Векшина уловила, что он опять возьмется за свое.

— Другого выхода у меня нет, — Векшина устало посмотрела на Ярцева. Она знала, что сейчас услышит.

— Отчего же. Есть. Я, как раз, для того и пришел, чтобы указать его вам.

— Вы прямо перст указующий, а не человек. Прошлый раз вы тоже мне пытались показать, что я не правильно живу.

— Я не говорю, что неправильно. Боже упаси. Просто вы живете трудно. Можно иметь все тоже самое, что вы имеете сейчас, — и любимое дело, и достойные вас деньги, но с гораздо меньшим напряжением сил.

— Говорите прямо, для чего вы здесь, — Векшину уже стал утомлять этот затянувшийся визит. Ей хотелось, как можно скорее закончить разговор.

— В виду постигшей вас неприятности, я хотел бы вам предложить компромисс. Только не говорите мне сразу нет. Обдумайте хорошенько мои слова. Мое предложение носит взаимовыгодный характер, как для меня, так и для вас, — многозначительно произнес Ярцев.

— Конкретнее, прошу вас, — попросила Векшина.

— Я предлагаю вам свои услуги. Я берусь не только на свои средства восстановить ресторан, но и одновременно расширить его. Сделать его более просторным и увеличить количество посадочных мест. Для оформления интерьера я привлеку из-за границы известного художника сеньора Гальяни. Он сейчас работает над оформлением сети ресторанов в Италии. Его не так просто заполучить. Его имя гремит по всей Европе. Но он мой хороший друг и не откажет мне в просьбе. Старушка Европа подождет, ведь «Голубая лагуна» нуждается в срочной реанимации. Заодно можно оживить и интерьеры самой гостиницы. Они уже давно устарели. А в свете все возрастающего интереса всего мира к здешним местам, сама гостиница нуждается в расширении. Можно построить еще один или два корпуса. У меня найдутся средства и на это. И потом, уровень три звезды вызывает недоумение у клиентов. Надо повышать звездность вашей гостиницы...

— Мне помнится, вы упомянули о компромиссе. Так в чем же его суть? — нетерпеливо перебила Векшина.

— Я вам даю свои деньги, а вы выделяете мне долю в вашем бизнесе, и мы становимся с вами равноправными партнерами. Вот собственно и все.

Некоторое время Векшина молчала, соображая, как поступить: выгнать его немедленно

или, соблюдая приличия, разрешить ему удалиться самому. Ей очень хотелось пойти первым путем, но она взяла себя в руки.

— А потом вы постепенно устраняете меня от дел, — медленно произнесла она. — Так? Теперь мне становится понятен ваш интерес к Диминым картинам. Его корни лежат, оказывается, совсем не в желании приобщиться к искусству, а в желании приобщиться к моему бизнесу.

Векшина холодно и почти враждебно смотрела на Ярцева. Он понял, что перегнул палку и постарался загладить свою оплошность.

— Что вы, Александра Юрьевна, как вы могли подумать такое. Я искренен в своем желании помочь вам, вот и все. Если не хотите взять меня в долю, просто возьмите деньги на восстановление ресторана. Отдадите, когда будет возможность. С вас я даже не возьму никаких процентов.

— Спасибо, господин Ярцев. Я не нуждаюсь в благотворительности. Я возьму деньги в банке. А за желание помочь, тоже спасибо. К сожалению, наша беседа затянулась, а у меня масса дел. До свидания, — Векшина углубилась в документы, лежащие у нее на столе, давая тем самым понять, что их разговор окончен.

— До свидания, Александра Юрьевна. Извините, что отвлек вас от дел.

Как только дверь за ним закрылась, Векшина

отбросила бумаги, устало откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Ей казалось, что из нее высосали последние силы.

2

Света возвращалась домой поздно. Она посмотрела на часы и прибавила шаг. Хорошо, если бы Глеба не было сейчас дома. Ей не хотелось объяснять ему, почему она сегодня так сильно задержалась. Ему еще рано об этом знать. Света сомневалась в том, что Глеб одобрит ее идею открыть магазин. Более того, она была просто уверена, что он попытается отговорить ее от этой затеи. Она даже представила, в каких словах и выражениях он это сделает. Поэтому до поры до времени она решила молчать. Придет время и он узнает, что скоро она станет хозяйкой своего дела. Вот, когда все окончательно определится и ее идея обретет плоть и кровь, тогда и скажет ему.

Света вышла из лифта и открыла ключом дверь. Первое, что бросилось ей в глаза, — узкая полоска света из приоткрытой двери кухни. Значит, Глеб ее все-таки опередил и ей сейчас придется что-то придумывать, чтобы объяснить свое позднее возвращение.

Света сбросила туфли и сразу проскользнула в комнату, чтобы переодеться. Ей хотелось оттянуть

разговор с мужем. Она нисколько не сомневалась в том, что он потребует от нее объяснений. Пока она снимала платье и накидывала домашний халат, она чутко прислушивалась к тому, что происходит на кухне. Оттуда до ее слуха доносились резкие звуки, по характеру которых Света чувствовала, что Глеб раздражен. Вдруг на кухне что-то сильно загремело. Похоже, что на пол упала кастрюля. Вслед за этим послышались ругань, а затем приближающие шаги. Через секунду в проеме двери появилась фигура Глеба. Весь его вид выражал полное и глубокое возмущение.

— Ты уже дома? — мягко поинтересовалась Света.

— Дома, — с раздражением ответил Глеб, — И даже пытаюсь найти что-нибудь съедобное в этом доме. Но все напрасно. Холодильник пустой.

— Подожди пять минут. Сейчас приду в себя и быстренько что-нибудь приготовлю. — В доказательство своих слов Света опустила в кресло и прикрыла глаза. И только в этот момент она ощутила, как смертельно устала.

— А где, ты была, интересно знать, что тебя даже ноги не держат? — Слова Глеба донеслись до нее откуда-то издалека.

— Меня эта работа доконает. Надо ее менять, — простонала Света.

— Кстати о работе. Я звонил тебе сегодня на

работу и мне сказали, что тебя не видели там уже целый месяц. А ты при этом, уходишь куда-то каждый день. Я думал, что моя жена ходит на службу, а оказывается это не так. Может, объяснишь мне, что происходит? — Глеб выжидательно уставился на Свету.

— Я поругалась с начальником и подала заявление об уходе.

— Интересные дела. Почему я узнаю об этом как-то между прочим и совершенно случайно. А если бы я не позвонил тебе, я бы до сих пор оставался в неведении? — По его голосу Света почувствовала, что Глеб начинает заводиться.

— Я как раз сегодня собиралась тебе все рассказать, — примиряющим тоном произнесла Света.

— А почему именно сегодня, а не месяц назад, когда ты перестала ходить на работу.

— Я хотела тебе сделать сюрприз, — Света встала с кресла и прошла на кухню. Ей не хотелось, чтобы он видел ее глаза.

— В моем понятии сюрприз — это нечто приятное. Мне кажется это совсем не твой случай. И потом, ссора с начальником это не причина увольнения с работы. Я тоже со своим часто ругаюсь. Ну и что. Я же не бегу сразу увольняться, — услышала Света у себя за спиной.

— Ссора с начальником, это не причина, а

повод. Это решение назревало уже давно. Мне надоело ходить каждый день к девяти часам в офис. Отсиживать там по восемь часов и получать за это гроши. Все! С меня довольно! Нахлебалась, больше я такого счастья не желаю.

— Ты хочешь стать домохозяйкой? Но жить на одну мою зарплату мы не сможем. Мне придется искать другой источник дохода. А я не могу оставить службу по своему желанию. Я офицер.

— А уволиться в запас ты не можешь? — на всякий случай спросила Света.

— Могу, но чем я буду зарабатывать на хлеб. Я ничего другого не умею делать, кроме как служить, — Глеб был возмущен. Как ей такое могло прийти в голову.

— Я это знаю. Поэтому я решила все взять в свои руки.

— Ты это о чем? — Глеб озадаченно уставился на нее.

— Я решила начать свой бизнес, — как можно тверже произнесла Света, чтобы он не сомневался, что это не шутка.

Что? — Глеб потерял дар речи.

— Я открою свой магазин, — продолжала Света.

— Ты шутишь? — Глеб сделал круглые глаза.

— Вовсе нет. Ты спрашивал, куда я ходила каждый день. На, вот посмотри, — Света вывалила

на стол кучу бумаг.

Глеб растерянно взял их в руки и стал читать вслух. Свидетельство о регистрации юридического лица, договор аренды, заключение санитарно-эпидемиологической службы, заключение пожарного надзора, разрешение на торговлю... Вдруг он со злостью швырнул все эти документы на стол.

— Теперь я действительно вижу, что ты не шутишь, — его просто трясло от злости.

— Ну, Глебушка, ну почему ты сердишься. Ведь все так удачно складывается. Скоро у нас, наконец, появятся деньги, — Света не понимала, почему он так разъярен.

— Ответь мне, дорогая, на один вопрос. На какие деньги ты завариваешь эту кашу? — Глеб сгреб в охапку все эти бумаги и стал трясти ими в воздухе.

— Ну-у, я, я... заняла, — жалобно произнесла Света.

— Что? — Глеб перешел на крик, — Да ты в своем ли уме! А если ты прогоришь, с каких шишей ты будешь отдавать долги?

— Не надо на меня кричать. Я верю, что все будет хорошо. Значит так и будет, — Света на самом деле нисколько не сомневалась в своем успехе. А все эти выкрики Глеба она посчитала просто оскорбительными. Она считала, что

совершенно не заслужила такого обращения с собой. Ведь она старается не только ради себя, но и ради семьи. Неужели он не понимает этого.

— Вот не знал, что у меня жена такая дура. Знал бы, не женился, — Глеб от возмущения плюнул на пол.

— Ах, так! Да пошел ты знаешь куда, — взвилась Света.

— Ну, куда, куда? — стал подначивать ее Глеб.

— Да, хоть к своей мамочке, вот куда, — выпалила она ему в лицо.

— А вот и пойду. Лишь бы от такой умалишенной подальше, — Глеб развернулся и двинулся к двери.

— Вот и иди, — крикнула ему в спину Света.

— Пойду, пойду. Вот сейчас прямо и пойду. Уже пошел.

До ее слуха донесся звук резко захлопнувшейся двери. Света вздрогнула, как от удара и в изнеможении опустилась на стул. Она чувствовала себя полностью опустошенной.

3

Давно Векшина не чувствовала такой усталости. Все последующие после погрома дни были заняты восстановлением ресторана. Сначала

она надеялась, что Василий справится без нее. Но вскоре убедилась, что если она не примет в этом деле самого непосредственного участия, то ремонт займет очень много времени, а за этот период она навсегда растеряет половину клиентов.

Но заниматься ремонтными работами на этот раз ей было особенно сложно. Она хорошо помнила, как совсем недавно обустроивала это помещение, вложив в это дело не только немалые деньги, но и огромные душевные силы. И вот теперь все приходится делать сначала. Иногда ее охватывала такая жгучая ненависть к погромщикам, что если бы они попались ей в ту минуту, она бы, не задумываясь, их задушила.

Домой она вернулась с одним желанием — побыстрее лечь в постель и заснуть. Лишь на минутку заглянула в комнату к брату, подошла к его кровати и с удовлетворением убедилась, что он спит. По крайней мере, хотя бы тут все благополучно.

Она поправила чуть сползшее одеяло и направилась в свою комнату. Села на кровать и с опаской посмотрела на телефон. Каждый вечер она ждала звонка и каждый вечер боялась, что он раздастся. А то, что это случится, она не сомневалась. Если тот ночной разговор еще можно было воспринимать в качестве злого розыгрыша, то последующий погром ясно показал, что все это

абсолютно серьезно. И эти негодяи не успокоятся, пока не добьются намеченных целей. Пора бы им уже объявиться, если она хоть что-то понимает в таких делах. Нужно развивать достигнутый эффект, пока она окончательно не справилась с этой психологической травмой.

Предчувствия ее не обманули. Едва Векшина разделась и уже была готова юркнуть в постель, как тишину пререзал звонок. Несколько мгновений она раздумывала — брать или не брать трубку. Но уж нет, она не станет от них прятаться. Если она так поступит, они не будут сомневаться, что им удалось запугать ее. А она такого удовольствия им не доставит. С решительным видом она направилась к телефону.

Этот голос она узнала сразу. Она бы узнала его из тысячи голосов. Потому что это был голос врага.

— Ну, как тебе, дамочка, понравилось наше представление в ресторане? — поинтересовался Зыкин. — Согласись, здорово исполнено. Было на что посмотреть. Мои ребятки отлично поработали. Ничего целого не оставили. На сколько там убытков?

— Чего тебе нужно, негодяй? — резко произнесла Векшина.

— Сразу и негодяй. Не хорошо так про незнакомого человека. А я можно сказать для тебя

стараюсь, чтобы тебе было хорошо.

— И в чем же заключается твое старание, подлец?

— Неужто не понимаешь. Ты же баба неуступчивая, когда тебя просят по-хорошему, никогда ни на что не соглашаешься. И не понимаешь, как рискуешь. А теперь, поди, поняла, что с тобой говорят по серьезному. — И что от меня хотят твои хозяева?

Голос в трубке противно загоготал.

— Да тебя хотят, детка, ты такая аппетитная. Шучу, шучу, ты, поди, уже и обрадовалась. А давай по-хорошему, чтобы все остались довольными. — И как это по-хорошему, интересно?

— Ты сами рассуди, зачем тебе такой красивой и умной иметь какую-то гостиницу. Столько хлопот, забот, одна морока. А тут еще ремонт надо делать после погрома. А только сделаешь, как снова придут веселые ребята — и все опять разнесут на кусочки. Они по этому делу специалисты. Ну, скажи, дорогая, зачем тебе такая морока?

— В самом деле, зачем? — решила Векшина подыграть мужчине.

— Вот и я говорю, зачем?

— И что я должна в таком случае делать?

— Вот это другой разговор! — обрадовался Зыкин. — Да ты не беспокойся, все за тебя сделают.

Тебе только подписи надо в пару местечек поставить — и ты свободна и еще при деньгах. На Канары поедешь отдыхать, тамошних мужиков ловить.

— Вы все сказали?

— Да вроде все, мое золотце. Ну, так как, по рукам?

— А теперь, подонок, послушай меня. Уж не знаю, от имени кого ты вещаешь, но явно не от себя. Сразу видно, что ты мелкая сошка. Передай тому, кто тебя нанял. Я гостиницу вам не отдам. Чего бы вы не делали. И вас не боюсь. А тебя я достану. И тогда держись. И не думай, раз я женщина, то не смогу тебе отомстить. Мало не покажется. Ты еще пожалеешь, что ввязался в эту историю. Ты все понял?

— Ай, яй, яй, я-то думал, что ты вразумилась. Ну, смотри. Это только начало. Пеняй на себя. Не отдашь ночлежку, спалим ее. У тебя еще есть время, чтобы пораскинуть мозгенками. Но совсем немного. Скоро позвоню, спрошу результат. Ну, пока. Не скучай.

Векшина бросила трубку. Сон исчез, как луч солнца из комнаты, в которой задернули шторы. Но к своему удивлению и радости она не ощущала того страха, который буквально сотрясал ее в первый раз. Наоборот, она даже чувствовала что-то вроде азарта. Такое уже с ней случалось, когда ситуация

подходила к критической отметке, страх и нерешительность, словно старая кожа, вдруг отслаивались от нее, а вместо них ею, как война перед битвой, овладевало боевое настроение. В такие минуты она даже думала, что рождена именно для сражений.

И все же ей не стоит впадать в эйфорию. На самом деле, ситуация крайне тревожная, ясно, как день, что это совсем не игра. Это очень серьезно. Этим подонкам ничего не стоит спалить гостиницу. Но лучше пусть она сгорит, чем им отдать ее собственными руками. Мы еще увидим, кто кого.

4

Кравцов быстрым шагом вошел в квартиру Векшиной. Она неподвижно сидела за столом и лишь слегка повернула голову, заслышав его шаги.

— Ну, что случилось, Саша, на этот раз? — спросил он.

— Мне снова звонили, — внешне спокойно ответила Векшина.

— Тот же голос? — уточнил Кравцов. Векшина кивнула головой.

— Тот же. Я в этом уверена. Только на этот раз все было страшней.

— Что тебе сказал этот гад?

— Он угрожал почти прямым текстом.

Обещал, что если я не откажусь от гостиницы, я должна ждать новых неприятностей.

— А он говорил, в пользу кого тебе надо отказаться?

— Нет, никаких имен он не называл.

— И ты никого не подозреваешь? — Сейчас вокруг меня крутятся много людей.

— Это я заметил, — многозначительно произнес Кравцов.

— Паша, сейчас не время выяснять эти отношения.

— А кто может точно сказать, когда время, а когда не время.

— Лучше скажи, что мне делать? — перевела она разговор на другую, вернее, на прежнюю тему.

— Уехать отсюда. Пока все не успокоится.

— Ни за что! Такие возможности я ни за что не могу упустить. Я всю жизнь буду себя проклинать. И, кроме того, я не намерена уступать этому давлению. От одной мысли, как они будут радоваться, что сумели меня запугать, у меня закипает кровь. Ты же меня знаешь, чем сильнее на меня давят, чем больше у меня возникает стремление к сопротивлению.

— Да, знаю. Только ты, боюсь, не совсем понимаешь всей опасности ситуации.

— Если бы не понимала, не стала бы обращаться к тебе. Разве милиция не должна

защищать граждан, которым угрожает опасность?

— Саша, ты играешь в слишком опасные игры.

— Паша, у меня нет выбора. Я не могу бросить дело, в которое вложила столько сил.

— Когда-нибудь ты поймешь, что я был прав.

— Паша, если мы начнем капитулировать перед всякой нечистью, что с нами станет, что станет со страной? Ты же защитник правопорядка, неужели ты настолько бессилён, что не можешь меня защитить?

— Ладно, я тебя предупредил, поэтому моя совесть чиста. Я займусь этим делом. Но только ты извещай меня обо всем подозрительном. И ради бога, еще тебе раз говорю, будь крайне осторожна и бдительна. Не возвращайся поздно и одна. А лучше всего со мной.

— Я учту все твои рекомендации. А сейчас мне пора на работу. — И даже не напоишь чаем?

— Извини, но действительно я жутко спешу.

— Да, ладно, я понимаю. Чай попью в другом месте.

Кравцов поцеловал Векшину и быстро удалился.

5

Телефонный звонок прорезал тишину

квартиры. Векшина несколько минут стояла неподвижно, опасаясь приближаться к аппарату. Но он все не унимался. Наконец, она сделала усилие над собой и медленно подняла трубку.

— Слушаю вас, — постаралась она придать своему голосу оттенок полной невозмутимости.

— Добрый вечер, Александра Юрьевна. Я уже забеспокоился, что вас нет дома, — услышала она голос Ярцева.

— Какие мелочи. Разве они стоят беспокойства?

Векшина обрадовалась его звонку. Все-таки все познается в сравнении. Она вспомнила, как ей был неприятен его последний визит в ее кабинет, и насколько сейчас она рада, что на том конце провода именно он, а не один из тех подонков, которые терроризируют ее последнее время своими звонками.

— Это как посмотреть. Чаще всего нас беспокоят почему-то именно мелочи, — заметил Ярцев.

— Это до поры до времени. Наступает день и человека уже начинают беспокоить по настоящему. Вот тогда-то вы вспоминаете об этих мелочах с такой ностальгией, — в ее голосе проскользнула неприкрытая грусть.

Ярцев уловил ее настроение, — Чувствую по голосу, что вас кто-то или что-то беспокоит

по-крупному.

— Да, так, кое-какие неприятности, — небрежно бросила Векшина.

— Это никуда не годится. Я всегда считал, что красивая женщина должна быть избавлена от всяких забот. Иначе ее красота быстро увянет, — многозначительно произнес Ярцев.

— Она увянет в любом случае и без всяких забот. Увы, это закон природы. Старости еще никто не сумел избежать, — Векшина уже догадалась, куда клонит Ярцев. И ей захотелось немного охладить его пыл. Она сейчас никак не была настроена на лирический лад.

— Если следовать такой логике, то зачем тогда вообще жить, все равно ведь умрем. Нет, я категорически не согласен с этим. Красота — это единственное, что спасет мир. Это не я сказал. Об этом знают все. Поэтому любое напрасное беспокойство, это... да, это просто преступление против красоты. А значит и против мира. Если вокруг останутся одни уроды, кто же тогда будет спасать мир? — поинтересовался Ярцев.

— Ну, во всяком случае — не я, это точно. Со своими бы делами разобраться. На себя в зеркало некогда лишний раз взглянуть. Тут не до красоты, — вздохнула Векшина.

— Это совсем плохо. Вам нужно развеяться. Отдохнуть. Поехать куда-нибудь к морю.

— Да, я и так на море живу. Зачем же мне ехать к другому морю, — удивилась Векшина.

— Вам надо именно к другому. Подальше от этих мест и от ваших бесконечных дел. Кстати могу составить вам компанию. Я как раз подумываю съездить в какое-нибудь экзотическое место. Только спутницы у меня нет. Может, вы согласитесь ею стать? — неожиданно предложил Ярцев.

— Вы верно шутите. Моя жизнь распланирована на целый год вперед и даже больше. В ней нет места не то, что поездки в экзотические страны, нет даже недельного отдыха у себя на даче.

— Жаль, — чувствовалось, что Ярцев был огорчен на самом деле, — Хотя, если честно, именно такой ответ я и ожидал. Но это все мелочи, как вы изволили заметить в начале нашего разговора. Не хотите в экзотические страны, давайте сходим в экзотический ресторан. Я видел один такой у вас на набережной. Как вы относитесь к японской кухне? — спросил Ярцев.

— Никогда не пробовала.

— Вы знаете, я тоже. Может быть, попробуем вместе, а то одному как-то страшно. Я слышал у них есть такая рыба — фугу. Если ее неправильно приготовить, то можно запросто отправиться на тот свет.

— Я туда еще не тороплюсь, поэтому я останусь лучше дома, меньше риска. — Векшиной совсем не хотелось никуда выходить.

— Черт с этой рыбой, ее можно просто не брать. Закажем что-нибудь более безопасное, — продолжал настаивать Ярцев.

— Но я не умею есть палочками.

— Я тоже. Будем вместе учиться.

— Я вообще-то никуда сегодня не планировала идти. Устала сильно.

— Вот в ресторане и отдохнете, — не унимался Ярцев, — Надеюсь, вы еще не успели поужинать дома?

— Нет, — призналась Векшина.

— Ну, вот и прекрасно. Будем ужинать в ресторане. Ну, так как, Александра Юрьевна, согласны?

— Даже не знаю, — неуверенно произнесла Векшина. Она подумала, что может быть и правда, стоит принять приглашение Ярцева. Сходить в ресторан и отвлечься. Во всяком случае, там ей не придется вздрагивать от телефонных звонков.

— Если вы откажетесь, я объявлю голодовку, в знак протеста. А через неделю мой хладный труп обнаружит горничная гостиницы. Как вам станет стыдно тогда!

— Да вас и за месяц не уморишь, — неожиданно развеселилась Векшина, — Но так уж

и быть. Не будем рисковать вашей жизнью. Она еще на что-нибудь полезное сгодится.

— Так, значит, мы ужинаем сегодня вместе? Да? — обрадовался Ярцев.

— Да, — подтвердила свое намерение Векшина.

6

Виталий лежал на кровати с тупым видом, смотря в потолок. На полу стояла бутылка коньяка, из которой он то и дело наполнял стакан. Выпив, он принимал прежнюю позу до того момента, когда у него вновь возникало желание налить себе еще.

На даже такие изрядные дозы коньяка не помогали, на душе было тяжело и пусто, как в пустыне. Целую неделю он безвылазно сидел на работе, занимался бесконечными делами, каждое из которых вызывало в нем отвращение. Он думал о том, что если все это будет продолжаться и впредь, то однажды он покончит жизнь самоубийством. А что еще остается? Он не создан для подобного времяпрепровождения, как рыбы для обитания на суше. И он, и они задыхаются в этой атмосфере. А вот отцу совершенно наплевать, что сын переживает такой стресс. Он, видите ли рад, что он, Виталий, наконец-то занялся делом. А то, что от этого дела его сын — самый несчастный человек на

свете его это абсолютно не волнует.

Зазвонил телефон. Виталий поморщился, но потянулся за трубкой.

— Алло. — Звонил Стас, не то, что его друг, а скорей партнер по развлечениям.

— Чего у тебя такой голос грустный, прямо, как будто вернулся с похорон? — поинтересовался Стас.

Виталий, прежде чем ответить, налил в стакан коньяка.

— Почти, каждый день теперь сижу в офисе. Даже работа в крематории и то веселей.

— Не скучай, у каждого в жизни случаются черные дни. А я к тебе с предложением, от которого невозможно отказаться. Я тут вчера двух девиц подцепил, девки класс. Одна Маша, другая Даша. Как я им сказал про своего друга, у которого есть яхта, они аж закипели, как чайники. Хотим сладкую жизнь на яхте. Я так понимаю, ради того, чтобы прокатиться на твоей посудине, они готовы на все.

Виталий хотел было уже опрокинуть напиток в себя, но в последний миг его рука замерла прямо у рта.

— Черт возьми, заманчиво. Я тут, правда, заложил в банк яхту за кредит. Так что даже и не знаю.

— Тебе что денег не хватает? Никогда не поверю.

— Ты моего отца плохо знаешь, кроме зарплаты, я от него ничего не получаю. Он считает, что я должен все сам заработать.

— Суров он у тебя. Да плюнь ты на все. И что с твоей посудиной станет? Покатаемся немного, да вернемся. Никто ничего и не узнает.

— Ладно, давай. Тащи своих девиц. Устроим разврат по высшей категории.

— Ты прямо экстрасенс, читаешь мои мысли. Через час мы будем ждать тебя на причале.

Виталий мчался столь стремительно, что иногда даже проскакивал на красный цвет — так сильно он хотел, как можно быстрее добраться до места. И дело было совсем не в этих, анонсированных Стасом девицах. Мало ли их прошло за все эти годы через него. Половины из них он даже не мог припомнить по именам. Но ему до ужаса хотелось сбросить с себя это тягостное состояние, которое владело им все последние дни. И сейчас он был намерен взять все сполна.

Стас и девицы уже ждали его на пирсе. Виталий посмотрел на них. В самом деле, вполне смазливые и, судя по бросаемым на него взглядам, готовые на все. Вот и прекрасно, он не обманет их надежды, сегодня они получают все сполна.

Была уже середина ночи, когда они бросили якорь. Погода была словно на заказ для таких прогулок, дул не сильный, но теплый ветерок. Яхта

легко и быстро скользила по воде, вызывая бурю восторженных эмоций у девиц. Со Стасом они легко договорились, кому какая достанется. Виталий предпочел Машу, в отличие от ее подруги у нее были более пышные формы. Покладистый Стас не стал возражать, хотя Виталий чувствовал, что и ему больше приглянулась Маша. Можно было установить очередь на нее, но вряд ли было справедливым оставить Дашу не удел. Тем более, чувствуя это, она не без тревоги стала смотреть на кавалеров. И лишь когда поняла, что без партнера не останется, успокоилась.

Они спустились в каюту. Виталий быстро достал бутылки и закуски. Он чувствовал, как начинает петь его душа. Жизнь возвращалась в такую привычную и в такую приятную колею. Вот если это было бы всегда.

Виталий сел рядом с Машей и обнял ее за плечи.

— Какая у тебя шикарная яхта, Виталий. Мне так понравилось. И плыть на ней здорово. А мы не утонем? — кокетливо спросила Маша.

Виталий покровительственно усмехнулся.

— Не бойся, я опытный моряк. Я плавал в настоящем океане — и ничего, как видишь, не утонул. Не то, что в этой подмосковной луже, — презрительно произнес он.

Уже изрядно накачавшийся алкоголем Стас

проговорил пьяным голосом.

— Да, не бойся, он у нас настоящий морской волк. С клыками. Скушает тебя, ты даже не заметишь.

— Ой, я боюсь! — воскликнула Даша и захихикала.

— А ты, чтобы не бояться, пей. Лучшее лекарство против в страха. — Да я и так целую бутылку вылакала.

Стас положил ей руку на грудь.

— На этом корабле такой закон: пить надо столько, сколько наливают. Правда, Виталик?

— Точно, есть такой закон, — отозвался Виталий. Взяв бутылку, он стал разливать по бокалам, — Пейте и ни о чем не жалеете.

— Да мы никогда ни о чем не жалеем, — проговорила Маша. — Правда, Даша?

— А чего жалеть, жалеют только дуры, — согласилась та с подружкой.

Стас подмигнул Виталию.

— Мы сразу поняли, что вы не дуры.

— Конечно, вы стоящие девушки, — принял он его игру. — Будете паиньками, еще на яхте покатаю.

— Правда? — радостно воскликнула Даша и захлопала в ладоши.

— Я самый честный человек в мире, никогда не обманываю. Стас подтвердит.

— Чем хотите, клянусь, он самый честный человек в мире, — подтвердил Стас. — Девочки, выпьем за честность.

Виталий и Стас обменялись взглядами. На их языке это означало, что пора приступать к другой части программы и Виталий стал на Маше расстегивать кофточку, краем глаза видя, что Стас повторяет его движения.

Виталий проснулся под утро. Рядом лежала обнаженная Маша. Стараясь не потревожить сон девушки, которая немного неожиданно оказалась не только искусной, но еще и нежной любовницей, он встал и ощупью стал искать сигареты. От чрезмерно много выпитого голова была тяжелой, как чугунный шар. Он закурил в надежде, что полегчает. Но курение вдруг снова навяло на него сильный сон. Сделав несколько затяжек, Виталий снова заснул. И уже не мог видеть, как упала сигарета на пол.

Огонь, пожирая с аппетитом деревянную обивку каюты, быстро завоевывал все новые участки для своего пастбища. Первого он разбудил Стаса. Увидев пламя, он громко закричал.

В первые мгновения Виталий не мог понять, что происходит, ему казалось, что он видит новый сон. И лишь когда пламя опалило ему руку, он окончательно проснулся. Девуцы и Стас метались по каюте, оглашая ее пронзительными визгами.

Виталий не растерялся и вспомнил советы инструктора, который обучал его управлению яхтой.

— Бегите на палубу и прыгайте в воду! — кричал он.

— Мы не умеем плавать, — кричала в ответ Даша. — Все равно прыгайте. Другого выхода нет.

Схватив каждую девушку за руку, он вместе с ними помчался к выходу из каюты. Огонь еще не перекрыл его, и им удалось выбраться на палубу. За ними последовал и Стас. Виталий буквально столкнул девушек в воду и бросился вслед за ними.

И сразу понял, что до берега девицам не доплыть. Они отчаянно барахтались, но при этом никуда не двигались. Несколько минут плавания таким стилем — и они пойдут ко дну. Виталий оглянулся в поисках приятеля. Стас быстро и уверенно плыл к берегу, не обращая ни на кого внимания. Виталий невольно чертыхнулся, спасти одному двух беспомощных пловчих будет сложно.

Несколько раз они едва не уходили навсегда под воду. И лишь отчаянными усилиями Виталию удавалась выплыть, держа на руках двух выбивших из сил девушек. И когда он вдруг почувствовал ногой спасительную твердыню дна, то был счастлив, как никогда.

Виталий помог девушкам выбраться на берег. Он сел на траву и, не обращая внимания на то, что с

него ручьями стекает вода, стал смотреть, как словно огромный факел, пылает его яхта.

7

Векшина с Ярцевым сидели в уютном зале японского ресторана. Векшина с интересом осматривала все вокруг. Она уже забыла, когда последний раз была в каком-нибудь заведении. С тех пор, как она занялась гостиничным бизнесом, она посещала только ресторан своей гостиницы. При воспоминании о нем у нее болезненно сжалось сердце. Перед глазами ожила картина недавнего погрома. Только усилием воли ей удалось стряхнуть это наваждение. Она постаралась расслабиться. В конце концов, ради того, чтобы забыться хоть немного, она здесь и находится.

Векшина откинулась на спинку стула. Взгляд ее заскользил по залу, с интересом отмечая все детали. Ей нравился интерьер ресторана, выдержанный в восточном стиле. Тихая мелодичная музыка востока, бесшумные официанты, одетые на восточный манер, легкое позвякивание столовых приборов и бокалов, полумрак — все это погружало ее в какой-то другой непривычный мир и отвлекло от тяжелых мыслей.

— А я вижу, вам тут нравится, Александра Юрьевна. Глаза у вас так и горят, — заметил ее

интерес к окружающему Ярцев.

— Тут неплохо. Если бы еще не эти несносные палочки для еды, было бы просто замечательно.

— Я с вами согласен. А вы бросьте их и ешьте вилкой, как я, — предложил Ярцев.

— Нет, я хочу испить эту чашу до дна, — Векшина пыталась зацепить двумя палочками, то, что лежало на тарелке, но ей это плохо удавалось. — Хочу себя почувствовать настоящей японкой.

— Вы, как всегда предпочитаете сложности. Почему вы всегда выбираете самый трудный путь? Даже в мелочах.

Ярцев ни на минуту не забывал для чего он здесь. Он уже давно понял, чтобы добиться благосклонности Векшиной, мало ее просто очаровать. Надо ей еще доказать целесообразность союза с ним. Такие, как она, любят не только сердцем, но и умом. Завоевать все ее помыслы так, чтобы в них было место только для него одного, Ярцев считал своей главной задачей.

— Я никогда не задумываюсь трудно что-либо для меня или легко. Я просто делаю то, что мне по душе вот и все. — Векшина не оставляла попыток освоить нелегкую науку японского столового этикета.

— Значит, вам надо больше слушать разум, —

ненавязчиво заметил Ярцев.

— Если бы я его слушала постоянно, я бы никогда не имела того, что я имею сейчас. Иногда в иррациональном больше здравого смысла, чем в рациональном.

— Полностью с вами согласен. Я сейчас переживаю как раз такой период, который вы верно обозначили, как иррациональный.

— Глядя на вас, не скажешь. Вы даете мне такие разумные советы и вдруг период иррациональности, — слегка усмехнулась Векшина.

— Советы всегда хорошо давать другим. А сам я часто не знаю, как поступить. Вот и сейчас не знаю. Хочу у вас спросить, может, вы мне посоветуете что-нибудь дельное? — Ярцев выжидательно посмотрел на свою спутницу.

— Позвольте, я угадаю, — она сосредоточила на нем внимательный взгляд, — Очевидно, вы затрудняетесь в выборе очередной картины для вашего рабочего кабинета? — Ярцеву показалось, что Векшина пытается заглянуть ему прямо в душу.

— Вы не далеки от истины. Я раздумываю над тем, где собственно будет находиться мой рабочий кабинет.

— Что-то я не совсем вас понимаю, — Векшина забыла про палочки, ей стало интересно, что он имеет в виду.

— Дело в том, что я решил сменить поле

своей деятельности. Я устал от Москвы. Этот город забрал у меня все силы. Совершенно случайно я оказался в вашем городке, и здесь меня посетили те самые иррациональные мысли. А почему бы мне не бросить все и не переехать сюда?

— Сюда? А что вы собираетесь здесь делать? — удивилась Векшина.

— Я и сам не знаю. Вот хотел с вами посоветоваться.

— Ну, вы шутник. Думаете, я вам так и поверила, — Векшина снова взяла в руки эти несносные палочки.

— Я вполне серьезно. У меня имеется некоторая сумма денег, довольно приличная, чтобы организовать здесь доходный бизнес. Как, по-вашему, куда я могу вложить деньги в вашем городе.

— А чем вы занимались до сегодняшнего дня? — поинтересовалась Векшина.

— Наша фирма занимается инвестированием крупных строительных объектов. Сейчас я хочу уйти от этого. Открыть свое дело. Можно даже небольшое, но доходное. Что в вашем городе может принести устойчивый доход, как вы думаете? — ответил Ярцев. — Это может быть ресторан или сеть ресторанчиков, в зависимости от суммы, которая имеется у вас в наличии. — Ему показалось, что она заинтересовалась его словами,

и он с энтузиазмом продолжил. — Достаточная, чтобы открыть приличный ресторан и не один, а не какие-нибудь дешевые забегаловки.

— Я думаю, недостатка в клиентах у вас не будет. Летом наш город просто переполнен приезжими. А в связи с предстоящей олимпиадой сюда устремятся не только любители позагорать на море.

— Да, нам с вами это только на руку, — Ярцев потянулся к графину с вином. Он посчитал, что настал момент, когда необходимо немного размягчить сознание своей спутницы и от дел постепенно перейти к лирике.

— Нам? Мы с вами, по-моему, никак не связаны, — удивилась Векшина.

— Я имел в виду — нам, деловым людям. У меня возник тост. Давайте выпьем за таких, как мы, удачливых и предприимчивых, — Ярцев наполнил два бокала и один из них протянул Векшиной.

— За удачливых — с удовольствием, — поддержала его она. Их бокалы сблизились и отозвались тонким мелодичным перезвоном.

8

Кравцов не находил себе места. Он вставал с кресла, совершал небольшую прогулку по кабинету, затем снова садился. За годы работы он

давно приучил себя не принимать близко к сердцу человеческие проблемы и горести, не то никаких сил не хватит все их переживать. С людьми вечно что-то случается, так уж устроены эти создания, не могут они жить спокойно. Но сейчас все было иначе. Никогда он не предполагал, что ему придется заниматься делом Саши — самого близкому ему человека. Почему-то он был уверен, что уж ее напасти обойдут стороной. Правда, вслух он зачастую говорил совсем иное, но это — он мог честно себе в этом признаться, он делал исключительно с целью повысить свой статус в ее глазах. Да вот только этот прием, по крайней мере, пока что-то не срабатывает.

Дверь отворилась, и в кабинет бодрым шагом вошел лейтенант Гурков. Кравцов вопросительно взглянул на него.

— Мы только что получили расшифровку телефонных разговоров Векшиной, — доложил Гурков.

— Давай сюда. Ты уже, наверное, их посмотрел. Что-то есть интересное?

Гурков сделал многозначительное лицо.

— Ну, это как посмотреть. Звонков с угрозами пока больше не было. — Ладно, я почитаю, а потом тебя позову, — проговорил Кравцов.

Гурков с интересом посмотрел на своего начальника и таким же бодрым шагом, словно на

параде, покинул кабинет.

Кравцов посмотрел ему вслед. Гурков, конечно, пижон, к тому же считает себя красавцем, покорителем женских сердец. Но при этом один из самых, если не самый толковый сотрудник отдела. И потому это деликатное дело он поручил именно ему, не сомневаясь, что он справится.

Кравцов стал читать распечатку. И тут же к нему подступило раздражение. Опять этот столичный хлыщ. Он время даром не теряет, по всем правилам науки охмуряет Сашку. И что ему от нее надо? Не жениться же он на ней собирается? С другой стороны, а почему, собственно, нет. Невеста она завидная, и красивая, и не бедная. Сама всего добилась. В любом случае пусть не надеется, он ее этому столичному гастролеру не отдаст. Не на того напал. Зря что ли он, Кравцов, три года вокруг нее кругами ходит. А этот приехал на все готовенькое.

Мысли Кравцова плавно перетекли в другое русло. А, в самом деле, почему этот Ярцев появился именно сейчас, когда вокруг ее гостиницы возникла такая свистопляска? Неужели это всего лишь совпадение? Что-то не верится, уважаемый господин. Надо бы проверить, что ты за фрукт и какой от тебя идет запах. Случайно не криминальны ли?

По селектору он вызвал Гуркова.

— Ну-ка, Игорек зайти ко мне прямо сейчас.

Гурков себе не изменил и снова вошел в кабинет тем же решительным шагом. Будь иная ситуация эта его манера Кравцова позабавила бы.

— Говори честно, читал распечатку? — Кравцов посмотрел ему в глаза.

— Как можно? Это ж вообще не законно, — развел тот руками.

Кравцов нахмурился, мог бы об этом и не упоминать.

— Ты мне башку не дури. Сам знаю. А как еще Сашку защитить. Против нее кто-то настоящий нож точит. Смекаешь? И пока наш прокурор расчехвостится, может, уже поздно будет.

— Да я разве возражаю. Я же понимаю ваш интерес.

— Болтаешь много. И не по делу, — сердито проговорил Кравцов. — Вот что, дорогой мой, даю ответственное задание, если хочешь когда-нибудь на своих погонах увидеть третью звездочку. Надо последить за этим Ярцевым. Чем этот господин тут занимается.

— Вы думаете, он имеет какое-то отношение к налету на ресторан? — В голосе лейтенанта прозвучало неприкрытое сомнение.

— Пока я не знаю, я ничего не думаю. Для того тебе, нахалу, и даю задание, чтобы это узнать. И хорошо бы, если бы ты о нем какие-нибудь сведения раздобыл, чем он там у себя в Москве

промышляет? Человек он явно не бедный. А раз так, то высока вероятность, что деньги нечестно зарабатывает. Нам ли не знать, что в нашей прекрасной стране большие деньги честно редко, кто зарабатывает.

— Да как же отсюда разузнать о нем?

— Было бы просто, так и не просил бы. Вот и прояви сноровку. Сам же просился на оперативную работу. Подумай своей головой, где раздобыть информацию? И здесь о нем не забывай. Слушай, а почему бы тебе с ним ненароком не познакомиться? Только должно все выглядеть совершенно естественно. Он мужик дошлый, одно неверное движение — и тебя расколет, как орех. В общем, иди, работай. А я тоже делом займусь.

Гурков вышел, только на этот раз шаг у него был уже не такой самоуверенный. Кравцов усмехнулся, все же немного спеси он с него сбил. А теперь он сам вспомнит былые дни и поработает, как оперативник. На Гуркова надейся, а сам не плошай.

Кравцов вышел из управления милиции и сел в машину. Остановился он возле забегаловки. Заведение это славилось жуткой антисанитарией и соответствующим этой славе контингентом посетителей.

Кравцов вошел в прокуренный зал, у стойки попросил налить ему кружку пива. Хоть бы она

оказалась мытой, подумал он.

Осмотревшись по сторонам, Кравцов подошел к одной из стоек, за которым с унылым видом стоял небритый мужчина. Рядом с ним выстроилась в один ряд целый взвод кружек. Все они были пусты.

— Борис Борисович, как дела? — тихо поинтересовался Кравцов. — Как сажа бела, — в рифму ответил небритый мужчина.

— А если чуть поконкретней? Ты знаешь, я терпеть этих твоих штук не люблю. Не для того я тебя от нар отмазал, чтобы слушать подобные глупости. Говори по делу.

Борис Борисович покосился на Кравцова.

— А по делу оно так выходит, что сперва пивка бы приобрести. А то я все свои промотал.

Кравцов незаметно сунул ему купюру. Борис сжал в кулаке деньги и поспешил за пивом. Вернулся он, неся сразу четыре кружки. Две поставил на стол, а две осушил за считанные мгновения. Этот аттракцион Кравцову приходилось видеть не впервые, но всякий раз он невольно восхищался той скоростью, с которой исчезало пиво в луженой глотке этого алкоголика.

— Выпил, так теперь только по делу.

— В общем, ничего неизвестно.

— Ты нарываешься, — прошипел Кравцов. — А что известно не в общем? — Ребята, что покуражились в ресторане, не местные. Местные

они все известны. Да они бы не пошли на такое. А эти засветились и куда-то исчезли. И еще говорят, что кто-то готов платить большие бабки.

— За что платить-то, говори ясней?

— А как на счет пивка?

— Я тебе его на голову вылью, — пообещал Кравцов, — За что предлагают бабки?

— За то, чтобы твою Векшину с места согнать. Кому-то сильно оно приглянулось. Так братва говорит.

— Кому приглянулось? Говори, не тяни.

— Даже если поднесешь литр пива, все одно не скажу. Потому как не ведомо мне сие.

— Так вот, дорогой пиволюбитель, если хочешь на свободе гулять, должно тебе быть это ведомо. Постарайся. Времени мало. Эти мрази в любой момент над ней все что угодно могут учинить. А если это случится, то желание покрывать тебя у меня может исчезнуть. Кумекаешь?

— Чего ж тут не кумекать. Чай не идиот. — Последняя кружка пива нашла приют в бездонном желудке Борис Борисовича.

— А если не идиот, хватит пива хлестать, иначе им будешь. Я пошел. А ты за работу.

Кравцов быстрым шагом, почти бегом выскочил из пивбара. Он не мог отделаться от ощущения, что скопившаяся там многолетняя грязь

прилипает к его коже. Надо бы закрыть этот рассадник заразы, да с Борисом ему пока тут удобно встречаться. Местные завсегда таи его, Кравцова, не знают. Но однажды он непременно сделает это.

9

Яхонтов проснулся рано, задолго до звонка будильника. Сквозь неплотно задернутые шторы окна не пробивалось ни одной полоски света. Значит еще глубокая ночь, подумал он и, перевернувшись на другой бок, попытался заснуть, но сон не шел. Вместо этого в голову полез всякий бред, мешающий заснуть. Особенно одна мысль не давала ему покоя — Виталий... Да, последнее время он чаще стал появляться в офисе, не то что раньше. Но ценой, каких усилий ему удалось заставить сына работать! Разве о таком продолжателе своего дела мечтал он. Как ни горько это было осознавать, но Виталий не любил дело, в которое он, Яхонтов, вложил не только душу, но и положил все свое здоровье. Воспоминание о здоровье тут же отозвалось в теле. Тупая ноющая боль возникла в левой стороне груди и начала постепенно нарастать. Яхонтов включил ночник и потянулся рукой к тумбочке. На ней лежали таблетки и стоял стакан с водой,

предусмотрительно приготовленный с вечера на всякий случай. Такой случай стал наступать все чаще и чаще, и это внушало Яхонтову сильную тревогу. Надо было давно посетить врача, но все никак не хватало времени. Яхонтов запил таблетку водой и откинулся на подушки. Он лежал и чутко прислушивался к своему сердцу, желая только одного, чтобы и на этот раз все опять обошлось.

Когда он более-менее пришел в себя, уже стало светать. Яхонтов посмотрел на часы, пора было вставать. Он нажал кнопку будильника, чтобы тот напрасно не надрывался и подумал, что будильник ему давно не нужен. Вот уже много месяцев подряд он встает с постели, не дожидаясь звонка. Это лишний раз напомнило ему о его возрасте, в котором многие вещи теряют для человека свою былую ценность. Он долго не хотел замечать эту очевидную неизбежность, но, как ни отмахивайся от нее, ни делай вид, что в упор ее не видишь и не замечаешь, она все же найдет способ напомнить о себе и вернуть тебя с небес на землю. Вот и сейчас, вместо того, чтобы начать день с привычного комплекса утренних упражнений с гантелями, он сегодня будет соблюдать особую осторожность: пойдет в ванну, примет душ и перед завтраком просмотрит газеты. За последнюю неделю на его рабочем столе скопилась целая стопка непрочитанных газет, до которых никак не

доходили руки. Он решил, что именно сегодня их прочтет. Получит зарядку для мозгов, если тело требует пощады.

Яхонтов выдернул наугад из этой стопки первую попавшуюся под руку газету и погрузился в чтение. Глаза заскользили по строчкам, выхватывая наиболее интересующие детали. Его взгляд споткнулся о громкий заголовок «Пожар на яхте». Внизу под заголовком была помещена фотография сгоревшего судна. Его заинтересовала эта статья. Он вспомнил, что недавно подарил Виталию точно такую же яхту на день его рождения.

Когда последнее предложение этой статьи оказалось прочитанным, Яхонтову сделалось душно. Кровь прилила к его голове, в висках застучало, а тело покрылось мелкой испариной. Он хотел встать, но почувствовал сильную слабость. Казалось, жизненная сила враз вышла из его тела и еще долго не собиралась туда возвращаться. Яхонтов откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и постарался не двигаться. Ему нужно было немного времени, чтобы пережить потрясение.

Неожиданно тишину квартиры прорезал телефонный звонок. Яхонтов сидел неподвижно, не собираясь вставать, но звонок все звонил и звонил. Усилием воли Яхонтов заставил себя подняться и медленно подошел к телефону.

— Яхонтов слушает, — произнес он и сам не

узнал своего голоса.

— Добрый день. Вас беспокоит кредитный инспектор Астор-банка. У меня к вам несколько вопросов по вашему кредиту.

— Какие могут быть ко мне вопросы, я всегда вовремя рассчитываюсь по своим счетам, — удивился Яхонтов.

— У банка не было к вам никаких претензий до сегодняшнего дня. Но наш банк заинтересован не только в безупречном состоянии кредитных счетов наших клиентов, но и в том, чтобы клиент оставался платежеспособным. До нас дошла информация об утрате вами вашего залогового имущества, — услышал Яхонтов. Наверное, это какое-то недоразумение, пришло ему в голову, но необходимо было выяснить все до конца.

— Что вы имеете в виду? — спросил Яхонтов.

— Я имею в виду пожар на яхте, — пояснил инспектор.

— Ну и что?

— Как что? — на том конце провода были явно удивлены, — Ведь именно яхта и является вашим залоговым имуществом. Или у вас несколько яхт и сгорела другая?

— У меня только одна яхта и, похоже, она действительно сгорела, — с горечью произнес Яхонтов.

— Что значит, похоже?

— Я только что узнал об этом из газет.

— Мне очень жаль, — вежливо произнес инспектор, — В таком случае наш с вами договор утратил свою силу. Стал недействительным. Попрошу в ближайшее время приехать в наш банк. Вам необходимо предоставить банку новый залог, равноценный утраченному. Подумайте, что это может быть.

— Подождите, подождите. Я что-то не совсем понимаю о каком залоге идет речь. Я не оформлял никакого кредита под залог. — До Яхонтова вдруг дошло, что это все Виталий, это его проделки. Инспектор тут же подтвердил его мрачную догадку.

— Ну, как же, господин Яхонтов, ваш кредитный договор лежит сейчас передо мной. Здесь черным по белому написано: Яхонтов Виталий Юрьевич, оформил кредит в Астор-банке на сумму пятьсот тысяч долларов под залог яхты, находящейся в его собственности, стоимостью шестьсот пятьдесят тысяч долларов...

Резкая боль полоснула Яхонтова прямо по сердцу. Казалось, что кто-то невидимый воткнул нож ему в спину. Яхонтов пошатнулся, перед глазами поплыли разноцветные круги, а пол стал уходить из-под ног. Стараясь удержаться, он оперся о стену, но ноги и руки перестали слушаться. Он медленно сползал по стене на ковер. Трубка выпала из его руки, из нее доносился встревоженный голос

инспектора, — Алло, алло, Виталий Юрьевич, куда вы пропали...

Глава 5

1

В разгар курортного сезона снять в городе нормальную квартиру было невозможно. И то, что им после долгих поисков удалось заполучить, иначе, как хибарой назвать было невозможно. И едва Наумов впервые сюда вошел, как ему сразу же стало противно. Почему-то помещение тут же напомнило ему лагерь, барак, в котором он провел столько незабываемых лет. Он вспомнил, как лежа ночью на жесткой, почти как доска кровати, мечтал о роскошных апартаментах, в которых будет жить, когда выйдет на свободу. Да и рядом с ним будет красивая женщина, а не этот алкаш. Сколько же он может выпить? Кажется, предела этому просто не существует. Ну, хватит, надо положить конец этой бесконечной попойке.

— Хватит, остановись! Уже третью бутылку без перерыва лакаешь, — прикрикнул Наумов на Зыкина.

Зыкин посмотрел на него мутными, как давно не мытое стекло, глазами.

— Не волнуйся. Я трезв, как стеклышко. Однако голос Зыкина свидетельствовал совсем об обратном.

Наумов почувствовал ярость.

— Не волноваться? — Он вдруг схватил Зыкина за шкурку, — Ты хочешь, чтобы я не волновался. Я тебе для чего столько денег даю, чтобы ты жрал водку? Где результат? Я тебя спрашиваю, где результат, алкаш вонючий.

Зыкин неожиданно больно ударил по рукам Наумова, которые держали его за рубашку.

— Да, угомонись ты, будет тебе результат. Но кто ожидал, что баба кремнем оказалась. На панты ее не возьмешь.

— Причем, тут баба, это ты со своими кобелями ни на что не способен. Водку немеренно глотать, да проституток снимать. Одну бабу не могут заставить делать то, что ей следует. Кому скажешь, не поверят. Зря с тобой связался.

— Не спеши, дождем мы ее, — примирительно произнес Зыкин. — От нас еще никто не уходил. И не с такими справлялись. Просто малость не рассчитали.

— Чего ты не рассчитал, инженер-конструктор. Какие к черту тут расчеты! Зыкин не спеша, словно бы на показ, налил себе очередной стакан водки. — Я ж говорю, крепче она оказалась, чем мы думали. Значит, посильней надо

нажать. Да так, чтобы было так больно, то для того, что избавиться от этой боли, на все пойдешь.

— Хренов психолог, — Наумов подумал о Чернове. Тот не простит им задержки. А он на все способен, может, если рассерчает, и закатать в асфальт. Ему это раз плюнуть. И так паршивое настроение резко спикировало вниз. — Ладно, давай еще по одной, все равно вместе расхлебывать эту кашу.

Они чокнулись, но водка не принесла никакого облегчения. Тревога внутри только расплзлась, как пятно.

— Знаешь, бывают такие бабы, хуже мужиков, — наставительно произнес уже совсем захмелевший Зыкин. — Их ничем не прошибешь. Стоят на своем, хоть ты тресни.

— Это ты брось! — закричал Наумов. — Попробуй у меня не прошибить, я тебя сам прошибу.

— Да ни кипятись так, мы работу свою знаем.

— Да что ты заладил: знаем, да знаем. Слушай меня внимательно. Дадим нашей красавице еще один шанс. А если она не послушает, перейдем к плану «П». И пусть уж тогда пеняет только на свою неуступчивость.

— И я так кумекаю, что пора. Так что делать?

— А вот что. Позвонишь ей. И предложишь в последний раз. Так ей несколько раз и скажешь: в

последний раз. Что б дошло до ее бабьих мозгов. — И что сказать?

Наумов вспомнил инструкции Чернова.

— Скажешь вот что: она должна подписать договор о купле-продаже своего чертового постоянного двора. Это для нее единственный шанс спокойно выйти из этого дела. Завтра я тебе все подробно расскажу, что надо говорить и куда ей ехать. Только запомни сам и скажи своим живодерам: ни один волосок не должен упасть с ее головы. До того момента, пока все ее подписи не будут стоять под нужными нам документами. А уж потом делайте с ней что хотите, Хоть по кругу пускайте.

— Это мы запросто, ребята жуть, как злы на нее. Из-за нее приходится скрываться.

— Но это уже меня не интересует. Ты все понял?

— Да понял я, не тупой.

Наумов вдруг рассмеялся.

— Скажи, что еще отличник. И институт с красным дипломом закончил.

— Да у нас на зоне такой институт, мало не покажется.

Напоминание о зоне Наумову не понравилось.

— Ладно, на сегодня хватит. Пойду я. У меня тут еще дела. И хватит хлестать водку. Наумов вышел из комнаты.

— Тоже же мне фраер выискался, думает, что тут самый крутой. Мы еще посмотрим, кто круче, — пробормотал Зыкин и снова потянулся к бутылке.

Наумов же шел по улице. Никаких особых дел у него не было, просто находиться в компании с Зыкиным было слишком противно. Он знал, чем это, в конце концов, завершится. Напьются до чертиков и уснут, как собаки на полу.

Наумов шел по улице, а в его воображение вставал образ Векшиной. В последнее время он регулярно возникал перед глазами, это даже начинало смахивать на наваждение. Но он ничего не мог с собой поделать. И он знал, чтобы избавиться от этой картины, ему надо избавиться от оригинала. У него просто нет иного выбора. Иначе она будет приходить к нему снова и снова, унося покой и сон.

2

Векшина и Кравцов сидели за столом. И хотя по чашкам был разлит чай, никто из них не пил. Кравцов смотрел на нее и думал, что такой ее он еще не видел. Не то, что она выглядела испуганной, вовсе нет, скорее озадаченной, как ученик, который не только не знает, как решить задачу, но и не ведает, с какой стороны к ней подступить.

— Паша, тебе удалось, что-нибудь нащупать по поводу тех звонков? — Это был тот вопрос, которым она его встретила, едва он переступил порог ее дома. Ему очень не хотелось ее огорчать, но и обманывать было бессмысленно, да и опасно.

— Нет, пока ни одной зацепочки. Даже самой малюсенькой.

Они сидели молча за столом вот уже пять минут. Насколько мог он припомнить, раньше таких долгих пауз у них не случалось.

— Мне не спокойно, — вдруг зябко повела плечами Векшина.

Жест был такой не привычный для нее, что Кравцов даже не сразу его воспринял. Ему стало жалко ее. Кравцов положил свою ладонь на ее руку. И удивился, какой холодной она была. Словно из холодильника.

— Эти гады притаились. Но, я думаю, ждать осталось недолго.

— Тот подонок обещал позвонить. Но пока молчит.

— Скоро он проявится, не сомневайся.

— Паша, он угрожал спалить гостиницу. Вдруг он не будет звонить, а сразу приступит к выполнению своих угроз. — Голос Векшиной дрогнул.

Кравцов с сомнением покачал головой. Он понимал, что этот вопрос сейчас для нее главный. И

постарался быть как можно убедительней.

— Не думаю. Они постараются сначала тебя обломать. Зачем им привлекать к себе внимание таким образом. Они заинтересованы, чтобы решить вопрос, как можно тише. А вот если это не удастся, то тогда все возможно.

— Но я не собираюсь им уступать. Ты же знаешь.

— А почему бы тебе, не пойти им навстречу.

— Ты соображаешь, что говоришь или нет! — От охватившего ее негодования Векшина даже вскочила. — Не ожидала я от тебя такого. Тоже мне друг!

— Да, ты не шуми. Дай мне все сказать. Я же не то имел в виду. Когда этот гад позвонит, ты сделай вид, что принимаешь их условия. Соглашайся на их вариант, но не сразу. Разыграй спектакль. Пусть они думают, что ты испугалась.

— И что это даст?

— Если ты примешь их предложение, они должны тебе назначить встречу.

— Я не хочу с ними встречаться!

— Мне бы тоже этого не хотелось. Но мы должны на них выйти. Пока я не вижу другого способа, как только через тебя. Им понадобится твоя подпись на юридических документах. Вот тут-то мы их и накроем.

— Значит, я должна послужить приманкой?

— Да. Но ты должна знать, что это опасно. Если ты не захочешь, я не буду на тебя давить. Придумаем тогда что-нибудь другое.

Векшина колебалась каких-то несколько секунд.

— Если это поможет, как можно скорее их накрыть, я согласна. Я хочу спокойно жить и работать, а не вздрагивать от каждого телефонного звонка. Ты не представляешь, как это унижительно.

— Хорошо. Если ты согласна, то нам теперь остается только ждать. Когда позвонят, веди себя естественно, чтобы они ничего не заподозрили.

— А как мне тебе сообщить об их звонке. Вдруг они установят слежку за мной?

— Тебе не надо об этом беспокоиться. Твой телефон на прослушивании. Так что мы сразу обо всем узнаем. Я тебя сам найду или пришлю своего помощника, он передаст тебе подробные инструкции.

Векшина с изумлением посмотрела на Кравцова.

— Ну и времена пошли. Мой телефон прослушивается, я а ничего об этом не знаю. А в дополнение ко всему я не смогу с тобой спокойно встретиться, не оглядываясь по сторонам.

— Это все временно. А пока нам действительно, не надо встречаться. Надо быть предельно осторожными.

Векшина вдруг прижалась к Кравцову.

— Обними меня покрепче, Паша, а то еще не известно, сколько продлится наша изоляция друг от друга.

Кравцов ощутил, как потянулись к его губам такие им любимые губы. Их поцелуй оказался и очень страстным, и очень длительным. И все же он не мог избавиться от какой-то примеси горечи. Если бы не эта неприятная история, были бы их объятия столь крепкими и горячими?

3

Так муторно, как в последние дни, Виталию еще никогда не было. С прошлой пятницы, когда случился пожар на яхте, Виталий никого не хотел видеть. Все выходные он провел в своей московской квартире. Виталий изолировал себя от мира, плотно зашторив окна, отключив телефон и выключив все средства связи, включая радио и телевизор. Хорошо, что в его квартире всегда имелся приличный запас спиртного. Весь он запас испарился за три дня, как не бывало. Все эти дни Виталий лежал на кровати, вставая лишь за тем, чтобы взять очередную бутылку и затем выпить ее прямо из горла.

Виталий пошарил под кроватью. Под рукой зазвенели пустые бутылки. Похоже, что весь их

стратегический запас закончился. Виталий застонал, ему срочно требовалась хотя бы одна рюмочка.

— Кто-нибудь пришел, что ли, — вяло шевельнулась мысль в его голове и тут же он услышал, как входная дверь открывается и кто-то входит в квартиру. Виталий разлепил глаза, на пороге стоял отец. Яхонтов был в ярости. Он закричал на сына прямо с порога, даже не поздоровавшись, — А, ну, объясни мне немедленно, что произошло!

— Что ты кричишь. Я уже не маленький. У меня неприятности, вот я и справляюсь с ними, как могу.

— Ах, у тебя неприятности. Ты называешь это всего-навсего неприятностями? — Яхонтова трясло.

— Да, голова болит. Второй день. У тебя нет, случайно, что-нибудь от головы? — спросил его Виталий, как ни в чем не бывало.

— Я бы ее тебе с удовольствием оторвал бы. Тогда бы кончились все неприятности разом: и твои, и те, которые ты мне приносишь, — Яхонтов справился с первой волной гнева и постарался взять себя в руки. Голос его зазвучал уже намного спокойней.

— Ну, ты, как всегда, в своем репертуаре. Чем ты на этот раз недоволен?

— Хватит из себя шута строить. Или ты

считаешь, что я должен радоваться, глядя на то, как ты уничтожаешь то, что я наживал?

— Ты это о чем? — спросил Виталий, чтобы оттянуть время. Хотя он прекрасно понимал, что отец уже все знает.

— А ты не понимаешь, да?

— Понятия не имею, — Виталий попытался приподняться на кровати.

— Что произошло на яхте? Объясняй! — Яхонтов снова повысил голос.

— Доложили уже. Какая же это паскуда так постаралась? — Виталий сплюнул на пол.

— А ты думал, что это возможно скрыть? Газеты разнесли эту новость на следующий же день.

— Вот сволочи. Ненавижу этих газетчиков. Житья от них нет. Шагу нельзя ступить спокойно. Обязательно разнесут по всему свету, да еще наврут с три короба.

— Я уже был на месте пожара и видел все собственными глазами. Яхта не подлежит восстановлению. От нее остались одни головешки, — мрачно произнес Яхонтов.

— Пап, ну чего ты так переживаешь из-за куска железа.

— Этот кусок железа, как ты говоришь, стоит немалых денег, — Яхонтову стало не по себе оттого, что Виталий так пренебрежительно

относится к вещам, имеющим не малую ценность.

— Ну, яхта все равно была моя. Ты же сам мне ее подарил.

— Да, но не для того, чтобы ты ее сжег в первый же год.

— Вот ты все об этой посудине печешься, а я чуть не погиб на этом пожаре. Ты бы лучше поинтересовался, как я спасся из огня, — попытался разжалобить отца Виталий.

— Не было бы пожара, не пришлось бы и спасаться, — жестко произнес Яхонтов.

— Да если б не я, там могли быть жертвы. Я помог выбраться из этого ада, двум девушкам. А Стас в это время спасал только свою шкуру. Он и не думал им помогать.

— Ах, вот оно что. Значит, у вас там была попойка, — глаза Яхонтова сузились и стали напоминать два лезвия, которыми он пронизывал Виталия насквозь.

— Ну, почему сразу попойка. Просто решили прокатить девушек на яхте, — Виталий лихорадочно начал придумывать легенду в свое оправдание, — Потом началась гроза, разыгрался настоящий шторм, как на море. Я думаю, где-то загорелась проводка. Мы не сразу заметили, а когда обнаружили, было уже поздно. Там уже полыхало вовсю. Стас, как заорет: пожар, пожар! Девушки устроили визг, я чуть не оглох...

— Ну, хватит, — прервал его Яхонтов, — Эти сказки можешь рассказывать кому-нибудь другому. Ты мне ответь на другой вопрос, зачем ты заложил яхту?

Виталий испуганно посмотрел на отца.

— Как ты узнал об этом?

— Отвечай, когда отец тебя спрашивает! — Яхонтов снова перешел на крик.

— Мне очень нужны были деньги, — выдавил из себя Виталий.

— Ты что, мало получаешь, что ты нуждаешься в таких кредитах? На какие цели были взяты эти деньги? — Яхонтов в упор смотрел на сына.

— Мне нужны были новые часы. Я свои где-то потерял.

— И сколько стоили эти часы?

— Это очень дорогие часы. Эксклюзивный вариант, только в единственном экземпляре, — Виталий смотрел в сторону, стараясь не встречаться взглядом с отцом.

— Ты хочешь сказать, что тебе понадобились часы за пятьсот тысяч долларов?

— Н-е-е-т..., конечно, — Виталий совсем запутался.

— Тогда зачем тебе понадобилась такая сумма? — продолжал допытываться Яхонтов.

— Я не могу тебе сказать, — Виталий

установился в пол. Ему казалось, что его пытаются.

— Отвечай, или я за себя не ручаюсь. А ты знаешь, чем это грозит.

— Пап, я боялся тебе сказать... Я проиграл деньги, и мне срочно нужно было возвращать долг, — едва слышно пролепетал Виталий.

— Что? Я не ослышался? — Яхонтов не верил ушам своим.

— Пап, ты не знаешь этих людей. Они могут убить и не за такие деньги. Ты же не захочешь смерти родному сыну?

Яхонтов был в шоке оттого, что он сейчас услышал. Значит его сын еще и игрок, в добавок ко всем его многочисленным недостаткам. В груди опять защемило. Яхонтов медленно развернулся и пошел на кухню, чтобы выпить лекарство. Виталий с недоумением смотрел ему в спину. Он думал, что отец его просто убьет за такие слова. Но, кажется, на этот раз пронесло.

4

Векшина вышла из гостиницы и направилась домой. По дороге она прикидывала, что неплохо бы заскочить в универсам и купить продукты. Зря, что ли она сегодня ушла с работы пораньше. Такое с ней за последнее время случалось крайне редко. Вернее, она даже не помнит, когда это было.

Обычно она выходила из гостиницы, когда на город опускались густые сумерки. А сейчас еще было довольно светло. И солнце так и парило. Можно было даже заскочить на пляж, как бывало раньше.

Векшина глубоко вздохнула — раньше... Где это беспечное время? И будет ли оно еще когда-нибудь в ее жизни? Все, что происходит сейчас вокруг нее: все эти звонки с угрозами, лишали ее напрочь такой уверенности. Векшина задумалась и полностью сосредоточилась на этой теме. Она пыталась вычислить, кто же могли быть эти люди и как далеко они способны зайти в своих угрозах? Размышления полностью охватили ее, она даже забыла о том, что собиралась пойти за продуктами.

Векшина шла, не замечая никого и ничего вокруг. Она не видела, что в нескольких шагах от нее идет Ярцев, который выжидал удобный случай, чтобы окликнуть ее. Наконец Ярцев решил, что такой момент наступил и поравнялся с Векшиной.

— Добрый вечер, Александра Юрьевна. Я прогуливаюсь, вижу, вы идете. Дай, думаю, подойду. Я вам не помешаю? — обратился он к ней.

— Я гулять не собираюсь, мне надо домой, — коротко ответила Векшина, считая, тем самым, что тема для разговора исчерпана и отвернулась в сторону.

— А я могу прогуляться с вами до вашего

дома. Заодно и вас провожу. Как вы на это смотрите? — Ярцев сделал вид, что не заметил ее холодности.

— Как хотите, — нехотя согласилась Векшина, — Только в гости к себе я вас приглашать не буду.

— Если вы подумали, что я навязываюсь, то зря, — Ярцеву не хотелось выглядеть назойливым, — Просто мне надоело сидеть в гостинице. Вот вышел подышать свежим воздухом.

— Тогда вам лучше пройтись вдоль моря, а не ходить по пыльным улицам, — Векшина все еще надеялась, что ей удастся избавиться от неожиданного собеседника. Ей хотелось побыть одной, но Ярцев и не думал уходить.

— Да, я на море весь день нахожусь. Так что немного городского пейзажа мне не мешает. И потом, вы это называете пыльными улицами? Походили бы вы по московским улицам. Тогда бы вы поняли, что такое по-настоящему пыльные улицы.

— Нет, в Москву мне не хочется. Я люблю свой город. И никогда его не променяю ни на какой другой, — Векшина понемногу втягивалась в навязанный ей разговор.

— О-о, я раньше тоже так думал. Я ведь вырос на море. Думал, что никуда оттуда не уеду. А вот уехал.